Вестник Московского университета

Moscow State University Bulletin

Moscow State University Bulletin

JOURNAL
founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9
PHILOLOGY

NUMBER TWO
MARCH – APRIL

This journal is a publication
prepared by the Philological Faculty
Editorial Board.
There are six issues a year

Moscow University Press • 2017

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Основан в ноябре 1946 года

Серия 9
ФИЛОЛОГИЯ

№ 1
МАРТ – АПРЕЛЬ

Выходит
один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2017

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова;
филологический факультет МГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.Л.Ремнёва, докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка, декан филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова – *главный редактор*

О.А.Смирницкая, докт. филол. наук, профессор кафедры германской и кельтской филологии филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова – *зам. главного редактора по лингвистике*

В.М.Толмачев, докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова – *зам. главного редактора по литературоведению*

Е.В.Клобуков, докт. филол. наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова – *отв. секретарь по лингвистике*

Г.В.Зыкова, докт. филол. наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова – *отв. секретарь по литературоведению*

Е.Г.Домогацкая, научный сотрудник лаборатории «Русская литература в современном мире», зам. декана филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова по редакционно-издательской деятельности – *оргсекретарь*

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

О.В.Александрова, докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой английского языкознания, зам. декана филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова по науке

А.Е.Беликов, канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры классической филологии, председатель Совета молодых ученых филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

Т.Д.Венедиктова, докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой общей теории словесности (теории дискурса и коммуникации) филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

М.В.Всеволодова, докт. филол. наук, профессор кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

Д.П.Ивинский, докт. филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

А.И.Изотов, докт. филол. наук, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

С.В.Князев, докт. филол. наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

И.М.Кобозева, докт. филол. наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

С.И.Кормилов, докт. филол. наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

Н.Т.Пахсарьян, докт. филол. наук, профессор кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

С.Г.Татевосов, докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

О.Е.Фролова, докт. филол. наук, ст. научный сотрудник лаборатории фонетики и речевой коммуникации филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

© Издательство Московского университета, 2017
© «Вестник Московского университета», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Сквайрс Е.Р. Германско-латинские глоссарии IX–XI в.: между лингвистикой и педагогикой 7
Пентковская Т.В. Толкования на послания апостола Павла в переводе Епифания Славинецкого как источник Нового Завета последней четверти XVII в. 27
Федорова Е.В. Настоящее историческое в древнейшем переводе Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского (на примере Евангелия от Марка) . . . 53
Шарипова В.А., Шакирова Н.Р., Елинсон М.А. Объективация в языке функционально-когнитивной сферы «Речевая деятельность» (сопоставительное исследование на материале русского и английского языков) 70
Литвиненко Н.А. Роман У. Эко «Таинственное пламя царицы Лоаны»: ретроспективные горизонты массового 83

К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.М.КАРАМЗИНА

Криницын А.Б. Повесть «Бедная Лиза» Н.М.Карамзина в творчестве Ф.М.Достоевского 102
Пахсарьян Н.Т. Карамзинские мотивы в романе Андрея Макина «Женщина, которая ждала» 117

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Пронина М.К. Способы просодического оформления обращения в аргентинском национальном варианте испанского языка 129
Зибер И.А. Преодолевшие сонорность: переход /v/>/z/ и другие явления в бесермянском удмуртском 140
Юй Исин. Формы русского речевого этикета в свете этики ответственности . . . 150
Кашлева К.К. Лексические особенности немецких научных текстов первой половины XIV в. (на примере *Mainauer Naturlehre* и *Das Buch der Natur*) 160
Гедгафова Н.А. Специфика иллокутивных моделей заголовков англоязычных газетных статей информационного жанра 170
Сасова Е.А. Материальность в поэтике частного письма (письма Ф.М.Гримма к графу С.П.Румянцеву) 182
Андрейчук К.Р. К вопросу о религиозности Пера Лагерквиста 192

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Холиков А.А. Маймин Е.А. О русском романтизме. Русская философская поэзия. Лев Толстой: Путь писателя. Воспоминания. Переписка / Под ред. Н.Л.Вершининой и Е.Е.Дмитриевой-Майминой. Псков: Издательство ГППО «Псковская областная типография», 2015. 904 с. 206
Изотов А.И. Издательство Карлова университета в Праге – филологу 214

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Захаров Л.М., Кобозева И.М. Седьмой междисциплинарный семинар «Анализ разговорной русской речи» (АР^3-2017) 220
Онипенко Н.К. Хроника конференции, посвященной 50-летию научной школы Г.А.Золотовой 227

ПАМЯТИ...

Федосюк М.Ю. Ольга Алексеевна Крылова (1937–2016) 239

CONTENTS

Articles

Squires E.R. German-Latin Glossaries of the 9th–11th Centuries: between Linguistics and Pedagogics . . . 7
Pentkovskaya T.V. Interpretations on the Pauline Epistles in the Translation of Epiphanius Slavinetsky as the Source of the New Testament of the Last Quarter of the 17th Century. . . . 27
Fedorova E.V. Praesens Historicum in the Ancient Translation of the Explanatory Gospel by Theophylact of Bulgaria (on the example of the Gospel of Mark) . . . 53
Sharipova V.A., Shakirova N.E., Elinson M.A. Objectivization in the Language of the Functional-Cognitive Sphere "Speech Activity" (Comparative Study on the Material of Russian and English Languages). . . . 70
Litvinenko N.A. «The Mysterious Flame of Queen Loana» by U. Eco: the Retrospective Horizons of Mass Culture . . . 83

Towards the 250th Anniversary of N.M.Karamzin's Birth

Krinitsyn A.B. Karamsin's Story "Poor Liza" in Dostoevsky's Work . . . 102
Pakhsaryan N.T. Karamzin's themes in the novel of Andreï Makine "The Woman who Waited". . . . 117

Communications and Materials

Pronina M.K. Methods of Prosodic Processing of Vocatives in the Argentinean National Version of the Spanish Language . . . 129
Ziber I.A. Overcoming the Sonority: /v/ > /z/ Transition and Other Phenomena of the Beginning of Word in the Beserman Udmurt . . . 140
Yu Yixing. Russian Speech Etiquette Formulas in the Light of the Responsibility Ethics . . . 150
Kashleva K.K. Main Stylistic Features of German Scientific Texts of the First Half of the 14th Century (on the Examples of Meinauer Naturlehre and Das Buch der Natur) . . . 160
Gedgafova N.A. Specificity of Illocutionary Models of Headlines in English-language Newspaper Articles of the Informative Genre . . . 170
Sasova E.A. Materiality in the Poetics of a Private Letter (Letters from F.M.Grimm to count S.P.Rumyantsev) . . . 182
Andreichuk K. Pär Lagerkvist's Religious Beliefs. . . . 192

Critique and Bibliography

Kholikov A.A. Maimin E.A. On Russian Romanticism. Russian philosophical poetry. Leo Tolstoy: The Way of the Writer. Memories. Correspondence / Ed. N.L.Vershinina and E.E.Dmitrieva-Maimina. Pskov: Publishing house GPPO "Pskov Regional Printing House", 2015. 904 p. . . . 206
Izotov A.I. Karolinum Press to the Philologist . . . 214

Scholarly Life

Zakharov L.M., Kobozeva I.M. The Seventh Interdisciplinary Seminar "Analysis of Spoken Russian Speech" (SA^3–2017) . . . 220
Onipenko N.K. Conference Dedicated to the 50th Anniversary of G.A.Zolotova's Scientific School . . . 227

In Memoriam...

Fedosyuk M.Yu. Olga Alekseevna Krylova (1937–2016) . . . 239

СТАТЬИ

Е.Р.Сквайрс

Германско-латинские глоссарии IX–XI в.: между лингвистикой и педагогикой[1]

Изучение средневековых германских глосс традиционно служит задачам лексикологии, особенно древнесаксонского и нижнефранксого языков. В данной работе на их материале прослеживается рецепция и распространение учебных материалов по регионам Германии и Нидерландов в IX–X вв. Нередко глоссы по диалекту отличаются от рукописи-носителя, и в таких случаях можно проследить пути распространения манускриптов и выявить скриптории и школы, служащие источником излучения филологических знаний. Рукописи из Вердена и Эссена, на которых отложились различные по стилю и диалекту глоссы, помогали обогатить родной язык учащихся монахов, расширяя их словарь и прививая им более гибкий нижне-верхненемецкий литературный вариант. Этот метод обучения был эффективен в эпоху активной христианизации в среде саксов, он же мог заложить основу для развития средненемецкого литературного варианта эпохи XI–XII вв.

Ключевые слова: средневековые глоссы, древнесаксонский, нижнефранкский, нижненемецкий, средненемецкий, Верден.

Germanic glosses in medieval manuscripts are traditionally used as a source of lexicological material, particularly for poorly documented languages (Old Saxon, Old Low Franconian). In this paper glosses help to trace the spreading of books for schools in the 9–10th-centuries Germany and Netherlands. A dialect-based attribution of the glosses may point to a different origin than that of their host-manuscript. In this case the analysis of glosses, accumulated in a manuscript, would be indicative of the migration of written texts and a method of tracing down scriptoriums and schools irradiating linguistic influence. Manuscripts from Werden and Essen carrying glosses of different dialect and style, had an enriching effect on the student's vernacular by enriching it with a broader wordstock and a more flexible Low German – High German language. This method, useful in time of intensive missionary work among the local Saxons, may have affected the later shaping of the Middle German literary language of the 11–12th-centuries.

Key words: medieval glosses, Old Saxon, Low Franconian, Low German, Middle German, Werden

1. *Вступительные замечания*

Средневековые глоссы к латинским рукописям составляют наиболее обширный корпус письменных свидетельств по ранней истории немец-

[1] Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 14–06–00123.

кого и нидерландского языков, по объему содержащейся в них лексики значительно превосходящий все сохранившиеся связные тексты на этих языках, в том числе известные литературные памятники. Как правило, в германском языкознании глоссы изучаются для получения дополнительных сведений об изучаемом языке. Так, для ранней истории немецкого языка глоссы представляют основной источник древневерхненемецкой лексики, поскольку литературные памятники в силу своей жанровой специфики дают крайне скудное представление о словаре различных практических областей жизни и вообще о народной речи своей эпохи. На это обстоятельство не раз указывали языковеды. «Из этого времени мы знаем почти исключительно язык монастырей, тогда как воин и крестьянин, ремесленник и купец едва сумели вставить слово… Представление древневерхненемецкого гражданского и профессионального языка поэтому связано с большими трудностями… Исходить следовало бы из глосс, особенно из тематических глоссариев, составленных по реалиям» [Maurer, Stroh, 1957: 52]. В гораздо большей степени, чем для древнего немецкого языка Средней и Южной Германии (то есть древневерхненемецкого), это актуально для языка ее северной части и Нидерландов – древнесаксонского. Сохранившиеся тексты на этом языке буквально единичны, что может объясняться поздней христианизацией Древней Саксонии и тем, что связанное с ней создание христианской словесности на основе латинской письменности происходило здесь значительно позднее и при ведущей роли более южных немецких культурных центров.

С другой стороны, и западные связи также очень важны для континентального германского северо-запада. В том числе для таких ведущих центров науки и письменности Северной Германии и Нидерландов, как монастыри Верден и Эссен, высоко влияние научных школ и скрипториев Франции и Англии. Особенно в организации научной деятельности и школ, оснащении латинской духовной, научной и учебной литературой северо-запад Германии и Нидерланды многим обязаны англо-саксонским миссионерам, ученым-просветителям и учителям. Англо-саксонский вклад прослеживается в этих центрах и в происхождении письменных текстов на родном языке и в дальнейшей филологической работе с рукописями. Ниже мы не раз увидим эту связь при анализе конкретных глосс.

2. *Глоссы как источник исторической лексикологии*

Для решения лексикологических задач современные лингвисты пользуются материалом глосс, как бы «переворачивая» их, то есть принимая

за леммы германские эквиваленты, а глоссируемые ими латинские слова используя в качестве их семантических (а часто и грамматических) пояснений. Таким способом удается не только узнать, как по-немецки обозначалась в VIII–XI вв. та или иная реалия, не нашедшая упоминания в литературных памятниках, но и собрать разнообразные синонимичные или диалектные варианты, позволяющие расширить знания о древнем языке и решать различные лингвистические и историко-культурные задачи[2]. Например, к латинскому incus «наковальня» можно найти в корпусе глосс[3] по крайней мере три германские лексемы: 1) различные фонетические варианты слова anabôz, aneboz, amboz, anapoz (откуда нем. Amboss «наковальня»; последняя глосса – южнонемецкая по диалектной окраске) или же другие существовавшие древние синонимы – 2) anafalz, anavalz, anefalz, anabelzi, anabolz (как в современном английском: anvil) и 3) anahou.

3. *Глоссы как источник по истории рукописей*

Однако такое использование материала глосс «не по назначению» не исчерпывает всех их возможностей; не менее важным и перспективным является также исследование глосс как свидетельства местонахождения, географических перемещений и других обстоятельств судьбы самой глоссированной латинской рукописи. Например, среди найденных глосс к латинскому colus «прялка» – chonachla, chunch(a)la, kunchela, kunkula, ainkil – две первые представляют более южные немецкие диалекты, чем две последующие, а последняя является искаженным написанием, указывающим на непонимание слова переписчиком (если причиной не было повреждение рукописи). Этот пример, таким образом, содержит не только собственно языковой материал древних диалектов Германии, но – пусть и в малых крупицах – информацию о человеке, создавшем глоссы

[2] Древненемецкие глоссы ранее изучались автором в этимологическом и лексикологическом аспектах, задачей при этом было выяснить соотношение культурных и социальных факторов с системно-языковыми и семантико-типологическими закономерностями в создании древней лексики, относящейся к сфере трудовой деятельности, ср. [Сквайрс, 2015]. В данной статье материал этого исследования служит для анализа глосс как специфического письменного жанра и способа передачи филологических знаний.

[3] Здесь и далее глоссы цитируются по изд.: [Steinmeyer, Sievers, 1879–1898 (Neudruck, 1969)], [Wadstein, 1899], [Bergmann, 1973], [Bergmann, 1977], [Bergmann, Stricker, 2005], [Köbler, 1987]; при анализе исполь-зовались словари [Frings, Karg-Gasterstädt, 1968–], [Seebold, 2008].

и / или пользовавшимся и глоссируемой латинской рукописью, и сделанными до него глоссами.

Далее, факты из истории создания глоссированной рукописи могут содержаться и в морфологии германской глоссы. Например, из глосс к названию кузницы (лат. fabrica, fabri officina) древненемецкое smida отражает тот же словообразовательный вариант, что современное нем. Schmiede, тогда как в глоссах smitta, smitte реализована другая морфологическая модель (где удвоенное -tt- из герм. *smiþjōn-) – та же, что и в древнесаксонском и древнеанглийском smiðde, то есть представлена форма, общая для верхне- и нижненемецкого регионов Германии, а также для Нидерландов и Англии. Выше было показано, что одно из названий кузнечной наковальни обнаруживает те же лингвогеографические связи (см. вариант 2: anafalz и др.). Как мы увидим ниже, подобные нюансы языковой формы могут рассказать о месте и времени создания той или иной глоссы и даже сохранять свидетельства о преемственности с другими центрами учености и о влияниях известных авторитетов средневековой науки.

В этом аспекте важно изучать глоссы не только в качестве носителей германских языковых единиц, но и в их прямой функции, как форму интерпретации и комментирования латинской рукописи современными ей пользователями, в том числе и применявшийся ими способ совершествования перевода на родной язык или демонстрации его дополнительных или альтернативных средств.

4. *Типы глосс и материал для глоссирования*

В средневековой работе с рукописями в педагогических и учебных целях различаются две основные формы: в виде схолий, то есть латинских же «школьных» комментариев и пояснений, и в виде глосс, где наряду с латинскими применялись германские, романские и кельтские толкования. Среди языковых глосс в данной работе, посвященной истории германоязычного образования, первоочередной интерес представляют, естественно, германские, то есть добавления в виде связного текста или отдельных слов на древнегерманских языках (в данном случае на древнесаксонском, древних нижнефранкском и верхненемецком). Что касается «формата» интересующих нас глосс, то независимо от их объема и места расположения в рукописи (маргинального или интерлинеарного, в виде вставного текста или отдельных лексем) нас будут в первую очередь интересовать те из них, которые приоткрывают процесс и интенции

работы глоссаторов, в особенности германские глоссы к германскому же материалу. Здесь по возможности мы попытаемся отличать глоссы, внесенные ученым-педагогом, от тех, которые принадлежат учащимся. Таким образом можно будет проследить поступенчатость и направление процесса учебного глоссирования.

Глоссы на перечисленных германских языках обнаруживаются в рукописях учебного назначения и определенного тематического круга. Прежде всего это различные части Библии и комментарии к ней, Псалтирь, другие церковные тексты, а также литературные произведения христианской направленности. Из последних особенно усердно глоссировались сочинения Пруденция. К учебной литературе средневековых школ относились также тексты некоторых античных авторов – Вергилия, Ювенала, Саллюстия – и тематические глоссарии (например, на основе научных трудов Исидора Севильского, Боэция и др.). Отдельную группу составляют собственные произведения германского Средневековья, особенно тексты юридического характера, например кодифицированные законы алеманов и рипуариев. Хронологически глоссы покрывают весь период IX–XI вв., а в географическом отношении для Нидерландов и севера Германии наиболее вероятными адресами их создания (то есть наиболее вероятными центрами глоссографии) были аббатство Верден и соседний с ним женский монастырь Эссен, а также Корвей, в Рейнских землях также Трир, Кёльн, далее на юге Фульда, Майнц и на востоке Магдебург [Köbler, 1987:VI].

Если работа средневекового филолога с непосредственной латинской основой служила в первую очередь овладению этим первоисточником, то глоссирование в немецком тексте – это уже работа над родным языком, направленная на расширение его возможностей и подчинение определенной прагматической задаче. Выявить эти прагматические мотивы и цели, раскрыть методы и способы их достижения в определенной степени можно на основе анализа глосс.

5. *Глоссирование как инструмент лексического заимствования*

Материал глосс позволяет наблюдать механизм совершенствования и обогащения родного языка через сопоставление с образцом латинского литературного языка. Например, глоссы, встречающиеся в латинском источнике X в. в списке из монастыря Верден, показывают, что в древневерхненемецком лексиконе не было отдельного слова для обозначения глазного зрачка. Это видно по тому факту, что, когда требуется перевести

его латинское обозначение pupilla, глоссатор прибегает к разнообразным попыткам передать его смысл. В ряде случаев приводится то же слово, которое обозначает весь глаз целиком: ougapful, augaphul, что буквально значит, как в современном немецком, «глазное яблоко». Встречается также пример описательного обозначения, в котором подчеркивается, что зрачок является лишь частью глаза: pupilla = swarzouga, буквально «черный глаз». Наконец, глоссы фиксируют попытки описать предмет по его функции, ср. лат. pupilla = seo, где в seo предлагается эквивалент, образованный от глагола sehan «видеть»; он, скорее всего, является новообразованием, так как иногда приводятся даже варианты различного грамматического рода seha (ж. р.) и seho (м. р.). Как можно убедиться сегодня, ни одна из этих попыток обозначить глазной зрачок при помощи германского слова не закрепилась в современном немецком языке; вместо этого было заимствовано латинское слово (ср. нем. Pupille «зрачок»).

Собранные глоссы позволяют увидеть, как именно в подобных глоссах латинская лексема многократно встречалась ученикам-филологам вместе с различными ее немецкими пояснениями, а значит, эти глоссы, процесс глоссирования и пользование глоссированными рукописями и послужили тем инструментом, при помощи которого было введено в немецкий языковой обиход латинское заимствование. Иными словами, мы были свидетелями самого́ процесса заимствования при посредничестве глосс как специфического инструмента языкового обучения. Обычно подчеркивается роль глосс как средства обучения латыни; однако приведенный пример показывает, что гораздо бо́льшее значение глоссы и глоссирование имеют для развития родного языка учащегося и учителя.

6. *Латинские глоссы и словарь родного языка*

Приведенный пример показывает, что в результате лингводидактической деятельности в форме глоссирования латинских текстов инновациями обогащается (помимо, естественно, учащегося монаха) не латинский, а германский язык. Этот процесс можно проследить поступенчато. Например, в глоссах к Вергилию, как и во многих подобных им, можно видеть попытки расширения лексического запаса у пользователей, работающих с данной рукописью. Так, в качестве эквивалента одной и той же латинской лексемы могут предлагаться два и более немецких варианта: arula («жаровня») = fiurpanne uel herd, что приблизительно можно перевести как «противень или печь» (ср. соврем. Feuepfanne, Herd). Но могут в качестве альтернативной глоссы вводиться и дополнительные латин-

ские варианты: aestuaria = flod uel bitalassum, где в правой части наряду с исконным германским словом для обозначения потока, течения (воды, реки) приводится латинское слово «полуостров, перешеек» (bitalassum, буквально «суша, с обеих сторон омываемая водой»).

Материал глосс, подобных последней, позволяет предположить определенное намерение глоссатора, сознательное старание «онемечить» усвоенный уже латинский материал. Следующий пример подкрепляет это предположение, так как демонстрирует уже самостоятельную словообразовательную инновацию немецкого пользователя на латинском материале. В Верденском глоссарии к Пруденцию латинское слово clerus «клир, духовенство» передано при помощи собирательного gi-paphi, thit gepaphi, от римско-католического термина papa «епископ (Римский)», то есть сделана попытка создать немецкое обозначение по германской словообразовательной модели, но с использованием изначального (= принадлежащего латинскому языку) корня. Северная форма местоимения / артикля thit соответствует древнесаксонскому диалекту области, где находится аббатство Верден, в связи с чем можно предположить, что глосса внесена именно здесь. Следовательно, глоссатор верденского скриптория предлагает принять латинское корнеслово в качестве материала для создания немецкого христианского термина. Аналогичный пример, также из Верденских глосс к Пруденцию, представляет глосса conscriptum = gibreuid, буквально «записанное», где в форме кальки (в обеих частях глоссы – причастия) значение латинского scrib- передается древнесаксонским глаголом brēvian «записывать» [Holthausen, 1967: 11], который, однако, сам образован от существительного (ср. нем. Brief «письмо»), заимствованного из латинского: brevis «краткое (письмо)». Это заимствование является довольно ранним, и в данную эпоху оно уже, очевидно, стало привычным в народноязычном употреблении; все же любопытно, что глоссатор в обоих примерах «переводит» латинскую лемму латинским же словом. В обеих приведенных глоссах мы видим намерение ввести корнеслово латинского источника в словообразовательную систему древнесаксонского языка.

Объективно такой метод, рассмотренный нами на примерах из рукописей Верденского аббатства, должен был способствовать не только более широкому освоению лексики латинских источников, но и большей свободе в языковом творчестве с их помощью на родном языке. Следовательно, эта группа глосс из Вердена иллюстрирует процесс обогащения родного языка за счет латинского материала – как в качестве самостоя-

тельных лексем, так и в виде корнеслова для образования новых немецких слов.

7. *Германо-германские глоссы и задачи языковой культуры*

Отдельную и очень интересную группу составляют германские глоссы к германским же контекстам в двуязычных рукописях. Такие глоссы встречаются в переводах библейских текстов на германские диалекты. Сравним две версии одного и того же места из древнесаксонского стихотворного евангельского переложения – поэмы «Спаситель» («Heliand»). Место, повествующее о встрече женщин с ангелом у гроба Иисуса (ст. 5846–5847), звучит следующим образом в Коттонской рукописи «Хелианда»:

bi themo uulite scauuon: uuas im thiu uuanami te strang,
te suithi te sehanne.

«[не могли они] на это сияние смотреть, был им этот свет слишком ярок,
слишком силен, чтобы смотреть [на него]».

В другой (Лейпцигско-Пражской) рукописи того же текста есть лексическое отличие (súikle «блестящий» вместо suithi), и к трем словам есть глоссы (глоссируемые слова выделены полужирным шрифтом):

bi them uulite **uulitan** uuas im thiu **uuaname** te strang
te **súikle** te sehanna

Вписанные над этими словами глоссы предлагают другие варианты к данным контекстам: соответственно scauuon «смотреть», scone «красота» и skir «ясный». Нетрудно заметить, что две из трех глосс соответствуют формулировке в варианте Коттонской рукописи, однако целью глоссатора вряд ли было приближение к этому списку, так как в третьей замене предлагается вариант, отличный от коттонского. По мнению Вольфганга Бека, посвятившего этим трем глоссам детальное лингвистическое исследование [Beck, 2016], в основе всех трех замен лежит примерно одна и та же мотивация: прежде всего они имеют целью представить существующие в древнесаксонском языке альтернативные варианты, продемонстрировать более широкие возможности его лексики для передачи данного места текста. Далее исследователь обращает внимание на то, что глоссируемые слова представляют собой редкие для самого древнесаксонского языка лексемы, средневековый глоссатор же предложил более общеизвестные, чаще встречающиеся синонимы. В частности, глосса scauwon внесена в качестве варианта вместо редкого древнесаксонско-

го глагола wlītan, который кроме данного случая встречается только еще один раз – в переводе «Бытия» (древнесаксонский «Генезис»). То же наблюдается и в двух других случаях: редкое uuaname глоссируется более обычным словом scone, а слово suikle – также более частотным синонимом skīr.

Мотивация глоссатора представляет большой интерес, так как, понимая ее, можно через направленность предложенных глоссой лексических замен уяснить процесс, его цели и в целом примененную здесь методику обучения. Для этого также следует оценить назначение древнесаксонского фрагмента с точки зрения его места в рукописном комплексе. Рассмотренные выше цитаты из «Хелианда» относятся к небольшим рукописным фрагментам, находятся на отдельных листах и не сопровождаются другим текстовым материалом. Какие тексты первоначально соседствовали с древнесаксонской поэмой в этих кодексах, неизвестно. Однако другая – Ватиканская – рукопись «Хелианда» считается фрагментом не потому, что от первоначального кодекса сохранились лишь листы с древнесаксонскими стихами. Напротив, отрывки из «Хелианда» и «Генезиса» являются в данном случае вставной частью в комплексе сохранившегося рукописного сборника, насчитывающего всего 32 листа и созданного в Майнце в начале IX в. [Taeger, 1996: XXIX] специально для использования в квадривиуме[4]. Основной текст этого учебного кодекса включал трактаты Беды Достопочтенного и Дионисия Малого по исчислению дат Пасхи. Два древнесаксонских текста – отрывки из Ветхого Завета (фрагмент «Бытия») и отрывок из «Хелианда» – вписаны позднéе на пустых листах между таблицами компутуса, книгой Беды и письмами Дионисия[5]. Поскольку вся рукопись является сборником учебных материалов, это позволяет в том же духе понимать и назначение как более поздних

[4] Рукописный кодекс, содержащий данный список «Хелианда», включен в каталог рукописей квадривиума, находящихся в библиотеке Ватикана [Schuba, 1992: 258, 260].

5 Это, условно говоря, иногда отнюдь не центральное место важных германских памятников в составе их рукописей (или их «второочередное» включение в кодекс) редко отражается в их описаниях и традици-онно не учитывалось при их изучении. А между тем само расположение обсуждаемого текста в учебном сборнике может многое сообщить о причине его включения туда. Так, древнесаксонский «Генезис» рас-положен рядом с основным текстом кодекса на нескольких листах, притом не смежных и даже не в по-следовательном порядке (на лицевой стороне л. 1, далее на обороте л. 10, но потом продолжается на обеих сторонах л. 2); в двух далеко отстоящих друг от друга местах размещены и части из «Хелианда» – на лицевой стороне л. 27 и на обороте л. 32.

текстовых внесений, в том числе фрагментов из «Хелианда», так и, во-вторых, вписанных в этом последнем глосс к отдельным лексемам.

Оба древнесаксонских текста выполнены несколькими почерками, отличными от основного почерка кодекса и не происходящими из Майнца. Как уже упоминалось, оба библейских перевода выполнены на далеком от Майнца древнесаксонском языке. Эти вставные тексты относят на основании языковых признаков к третьей четверти IX в. [Taeger, 1996: XXIX]. Кроме того, в кодексе имеются поздние (X в.) добавления к календарю; добавленные праздники указывают на Магдебургскую епархию, что позволяет связать историю и перемещения кодекса с этой областью древнесаксонского языка.

Таким образом, состав записанных в рукописи текстов делится на два комплекса: первоначальный сборник латинских трактатов и таблиц компутуса, происходящий из верхненемецкого Майнца начала IX в., к которым через несколько десятилетий и / или позднéе были добавлены тремя различными писцами древнесаксонские тексты. Последнее произошло уже на древнесаксонской территории (возможно, в области Магдебурга). Очевидно, что эта работа была направлена на подготовку книги для работы с новым контингентом древней Саксонии на его же языке.

При этом, как показали свидетельства глосс, на древнесаксонской территории нередко начинается новый – третий – этап работы с рукописью, в результате которого появляются приведенные выше глоссы к одному из древнесаксонских текстов (к «Хелианду»). На этом этапе мы видели более детальную работу над лексикой евангельского текста, направленную на устранение редких или малопонятных слов, то есть на достижение его бóльшей ясности для пользователей – носителей древнесаксонского. Однако не следует трактовать их как простые подсказки, облегчающие понимание. Вставленные глоссы в сочетании с глоссируемыми лексемами позволяли пользователю, работающему с рукописью, расширить владение литературной лексикой и стилистическими средствами древнесаксонского языка. Таким образом, глоссы, подобные обнаруженным в рукописи «Хелианда», служили не только для лучшего усвоения учащимися содержания текстов, но и для филологического обучения в области древнесаксонского языка.

Возможно также, что правка глоссатора была сознательно направлена на определенную диалектную «усредненность», то есть доступность материала для более широкого круга пользователей: не только для местных саксов, но и для носителей древневерхненемецкого. Вряд ли случайно,

что варианты в глоссах – во всех трех случаях лексемы, хорошо знакомые (частотные) и в древнесаксонском, и в древневерхненемецком языке центральной и южной Германии. Если учесть, что в это время процесс христианизации на землях древних саксов еще далеко не завершен, то понятно, что к миссионерской, проповеднической и педагогической деятельности в среде носителей древнесаксонского языка должны были готовить выходцев из различных мест и других школ, а не только местных уроженцев, среди которых могло и не хватать для этой задачи подходящих кадров.

8. «Учитель – ученик»: общение на полях

Рукопись X – начала XI в. из собрания города Дюссельдорфа, созданная в Вердене и затем на протяжении всего Средневековья находившаяся в соседнем женском монастыре Эссен, содержит стихотворный текст Пруденция с немецкими глоссами. В нем различаются две группы глосс, обе достаточно многочисленные. Они отличаются друг от друга характером почерка и диалектной формой: 1) первая группа из примерно 100 глосс вписана искусной рукой и относится к верхненемецкому диалекту (Бергманн характеризует его как среднефранкский); 2) остальные глоссы – около 750 слов – выполнены неумелой рукой корявым почерком и на древнесаксонском языке. Эту вторую группу исследователь кодекса [Bergmann, 1977: 223, 280] определяет как более позднюю и выполненную уже во время пребывания рукописи в Вердене, тогда как внесенные профессиональной рукой верхненемецкие глоссы были, по мнению Бергманна, сделаны еще до Вердена, хотя он не исключает и их возникновения в самом монастыре, объясняя эту возможность граничным местоположением Вердена на стыке древнесаксонских, нижнефранкских (то есть нижненемецких) и среднефранкских (то есть верхненемецких) земель.

На это предположение можно возразить, что само по себе географическое положение на диалектной границе еще не объясняет появления в его рукописях верхне- и нижненемецких черт. Процессы, происходящие в библиотеках, скрипториях и учебных классах такого крупного центра средневекового образования, как Верден, определялись его культурными и научными связями, а в столь позднюю эпоху, как X – начало XI в., – уже и сознательно выработанной в предшествовавшее столетие культурной ориентацией и соответствующей образовательной политикой, в том числе и в области языка. Как показано выше на примере глосс к «Хелианду», речь может идти о выработке межрегионально актуального немец-

кого языка христианской литературы, на который будут ориентироваться выпускники монастырской школы не только в XI в., но и в последующее время.

О соотношении нижне- и верхненемецкого в языковой политике Вердена и других крупных центров, находящихся на территории нижненемецких (древнесаксонских и нижнефранкских) диалектов, будет еще сказано ниже, в отношении же обсуждаемой здесь рукописи Пруденция следует отметить выявленные языковым анализом факты:

1) что неумелая рука включилась в работу над рукописью на более позднем этапе и именно ей принадлежат древнесаксонские формы;

2) что работе этого неопытного читателя (ученика?) предшествовало вмешательство опытного писца-глоссатора, внесшего верхненемецкие формы;

3) что эти верхненемецкие глоссы имеют и некоторые нижненемецкие черты. Например, помимо форм, полностью соответствующих верхненемецкой фонетике, встречаются thinclic «судебный» и grimlico «злобно» с формой суффикса, не подвергшейся верхненемецкому передвижению (-lik, а не -lih с передвижением k > h). Более того, Бергманн, кажется, не придал значения тому факту, что в данных случаях опытная рука вписала слова, которые и в остальном соответствуют нижненемецкой (а не только верхненемецкой) фонетике. Оба приведенных примера – grimlico и особенно thinclic (где кроме непередвинутой формы суффикса содержится еще и начальный германский спирант, в это время уже подвергшийся изменению в более южных областях) – вполне могли бы интерпретироваться как древнесаксонские. Ничто, значит, не мешает предположению, что опытный глоссатор (ученый, учитель?) мог вписать и древнесаксонскую глоссу, тем более что она очень близка к верхненемецкой форме. Поскольку местом возникновения этих глосс Бергманн также признает монастырь Верден, получаем вполне правдоподобную картину, когда учитель демонстрирует в учебном латинском тексте возможности как верхне-, так и нижненемецкого перевода. В этом могла быть воплощена сознательная филологическая концепция, согласно которой еще в X или в начале XI в. воспитаннику прививалась «расширенная» языковая компетенция, сочетавшая владение образцовым франкским языком имперской метрополии (более южных срединных земель с такими ведущими центрами, как Фульда) с «культурным», приближенным к нему литературным вариантом нижненемецкого.

9. *Глоссирование и региональная переводческая традиция*

Такими чертами более южного франкского влияния обладали уже созданные в IX в. литературные памятники как на древнесаксонском («Хелианд», «Генезис», различные переводы псалмов), так и на нижнефранкском (Вахтендонкские псалмы) языке. После того как Карл Великий ввел в 789 г. псалмы в качестве обязательного текста для изучения и чтения в монастырских школах, было положено начало их широкому распространению в многочисленных переводах и в виде комментариев, глосс, в том числе интерлинеарных. К числу таких интерлинеарных полных (правда, сохранившихся не полностью) переводов относятся Вахтендонкские псалмы на древненижнефранкском, древнесаксонские Люблинские псалмы и рейнскофранкские Cantica. Все три перевода выполнены в близкое время – в конце IX – начале X в. В эти десятилетия в данной географической области, включающей северные земли и средний Рейн, создано не менее 5 интерлинеарных версий псалмов. Обычно в обоснование такой активности указывают на то, что далеко не каждый монах хорошо владел латынью и глоссы служили необходимым подспорьем для понимания латинского текста. Однако в результате этих сопоставительных латино-германских занятий, развернувшихся в различных центрах региона, было достигнуто нечто большее: сложилась характерная переводческая традиция региона Нидерландов, Северной Германии и Рейнской области.

Вахтендонкские псалмы на нижнефранкском языке относятся к области Нижнего Рейна или восточного Лимбурга, Люблинские псалмы на древнесаксонском языке относят к скрипторию в Вестфалии [Quak, 1973: 117], [Quak, 2010: 73]. Эти две версии, как полагают, с момента своего создания содержали интерлинеарный германский текст. Несколько особняком от них стоят Падерборнские псалмы, так как содержащиеся в них древнесаксонские глоссы считаются «незапланированными»[6], то есть их включение не было предусмотрено при создании латинской рукописи, а произошло позднее. Сохранившиеся в небольшом фрагменте, они представляли собой древнесаксонские формы конца X в. [Hellgardt, 2001: 269], вписанные между латинскими строками.

Эти три источника свидетельствуют о работе над созданием германского текста псалмов на севере континента, и результатом такой регионально ограниченной переводческой деятельности стал ряд переводческих (лексических) особенностей, отличающих данный регион от более

[6] Ср. библиографию по вопросу и общий вывод на сайте базы данных древненемецких рукописей (http://www.handschriftencensus.de/18907).

южных частей Германии с созданными там версиями псалмов [Сквайрс, 1997: 104–114]. Некоторые из этих особенностей северных переводов удается проследить в языке более поздних версий псалмов. Например, такой лексической инновацией IX в., возникшей в литературной переводческой традиции и объединяющей древнесаксонско-нижнефранкский регион, является общий перевод латинских контекстов со словом «тьма» (лат. in tenebris, tenebrae). Употребленное в Люблинских и Вахтендонкских псалмах существительное thiusternussi (an thiusternussiun = in tenebris Lubl. Ps. 140.4; thuisternussi = tenebra в псалмах Wacht. 54.6) вместе с однокоренным прилагательным дсакс. thiustri «темный» (встречается в «Хелианде» 8 раз) и существительным ж. р. thiustria «темнота» (в «Хелианде» an thiustriu) являются несомненной ареальной лексемой общего англо-фризско-нижнефранкско-саксонского происхождения[7]. Именно этот переводческий вариант, отбор которого прослеживается в интерлинеарных глоссах IX–X вв., сохраняется в более поздних версиях псалмов, например в XIV в. в тех же местах в тексте так называемых Южновестфальских псалмов (Swf. 54.6: dusternusse) [Сквайрс, 1997: 135–141]. На судьбе этой лексемы и целого ряда других региональных изоглосс в текстах псалмов прослеживается сохранение в переводческой традиции того наследия литературного языка, которое, как мы видели, было выработано усилиями переводчиков-глоссаторов IX – начала X в.

10. *Глоссирование как вклад в будущее литературного языка*

В последующий период, начиная с нового культурного подъема конца X в., количество создаваемых глосс возрастало: например, если составленные в Вердене глоссы к Пруденцию насчитывают около 100 единиц, то Трирский Пруденций XI в. имеет уже 360, а Кельнский – 500 глосс. Наконец, кодекс, принадлежащий Трирской духовной семинарии (Priesterseminar), содержит около 1070 глосс. Тематические глоссарии XI в. и аналогичные учебные источники (Summarium Henrici, Вергилий и др.) также насчитывали со временем все возраставшее количество глосс, достигавшее к концу эпохи нескольких тысяч [Bergmann, 1977: 311].

Эти резкие перепады в статистике глоссирования коррелируют со спадами и подъемами в школьной системе. Каролингский расцвет в области образования закончился с разделением империи Карла, но во второй по-

[7] За пределами этого региона распространена другая лексема – vinsternisse «тьма» от прилагательного vinster «темный»; подробнее о развитии литературного языка рассматриваемого северного региона см. [Сквайрс, 1997: 46–47, 107].

ловине X в. начинается волна оживления научной и педагогической работы в соборных и монастырских школах. Кроме того, с подъемом науки и культуры наступает и расцвет среднелатинской литературы, создаются новые произведения. Обе эти тенденции вместе вызывают сильный рост глоссографической деятельности. Сходные хронологические рубежи заметны, если обратиться к истории конкретных образовательных центров этой эпохи. Например, те же спады и подъемы прослеживались в истории книжных фондов соборной школы крупного епархиального центра Гальберштадт: ее основание при жизни Карла Великого в 804 г. (или в 817), период бурного разития с начала IX, затем с X до середины XI в. консервативный период, сменившийся с приходом XII в. началом роста библиотечных фондов, в том числе и за счет притока латинских и немецких рукописей, созданных в Вердене и других западных регионах. В ряде случаев это были списки XII в. с рукописей произведений, которые возникли в регионах-донорах в предшествующие десятилетия, включая конец XI в.[8] К таким произведениям XI в., поступившим в Гальберштадт в списках XII в., относятся такие важные учебно-образовательние тексты, как латинская «Аврора» Петра Риги и среднефранкская «Рифмованная Библия» из Вердена[9].

Историки языка и литературы отмеяают, что в эти два столетия (XI–XII вв.) на западе немецких земель созданы многие литературные произведения духовно-просветительской тематики, язык которых сочетает преобладание верхненемецких (обычно среднефранкских) черт с заметным нижненемецким компонентом. Попытки объяснить смешанный характер языка обстоятельствами личной биографии составителя (профессиональная деятельность вдали от родины) или вмешательством переписчиков-носителей различных диалектов не дали удовлетворительного объяснения для явления диалектного смешения, сходным образом проявлявшегося в целом ряде текстов, созданных в большом регионе начиная с конца XI в. В 1977–2003 г. Томасом Клейном в целом цикле работ, посвященных этой языковой проблеме (см. [Klein, 1977], [Klein, 1996], [Klein, 2003a], [Klein, 2003b]), была выдвинута и развита гипотеза о верхненемецкой литературе, авторами которой были уроженцы нижненемецкой диалектной зоны (hochdeutsch schreibende Niederdeutsche).

---

[8] История соборной школы Гальберштадта и развитие ее книжных учебных фондов подробно рассматривались в другой работе автора [Сквайрс, 2016: 42–62].

[9] Об истории Гальберштадтских списков этих произведений см. [Сквайрс, Ненарокова, 2004], [Сквайрс, Ненарокова, 2008], [Squires, 2017].

Согласно его объяснению, эти авторы в своем творчестве сознательно ориентируются на некий языковой образец, в целом верхненемецкий (соответствующий языку средней Германии), но отмеченный рядом сохраненных нижненемецких черт. Последние могли колебаться в отдельных текстах, но в целом Клейну удалось определить типичный общий профиль этого «верхненемецкого литературного языка нижненемецких писателей». Эта интересная и плодотворная гибридная модель объяснила особенности произведений данной эпохи, включая «Рифмованную Библию» из аббатства Верден, версию Шверинского списка «Песни о Роланде», Лейденскую «Песнь Песней» аббата Виллерама и многие другие выдающиеся литературные памятники, происходящие из Северной Германии и Нидерландов.

Однако если языковой профиль и социолингвистическая сущность этого образцового литературного варианта получили достаточное объяснение, то вопрос об источнике и происхождении гибридной обработанной литературной формы языка все еще остается открытым. А между тем выработка такого образцового языка, знакомого нижненемецким авторам на территории от голландского Лейдена до восточнонемецкого Шверина, должна была потребовать значительного времени и нуждаться в широко развернутой и постоянно работающей организационной форме. Эта деятельность вряд ли могла проходить в стороне от области внимания исследователей современных ей средневековых рукописей, она также не могла протекать независимо от тех процессов, которые разворачивались в течение многих предшествующих десятилетий в филологических школах тех же центров литературы и учености в Лимбурге, вестфальских монастырях Верден и Эссен. Напротив, с полным основанием можно предположить, что оба процесса были связаны между собой: что к созданию выдвинутой Т. Клейном модели образцового литературного языка, сочетающего верхненемецкую ориентацию с сохранением умеренно нижненемецкой основы, с неизбежностью должны были привести языковые принципы и педагогические методы, которые проявляются в ходе исследования глосс.

11. *Заключение*

Изучение глоссариев и глоссирования в качестве приема и метода работы с немецкой частью глосс показало, что эта деятельность имела несколько аспектов. Наиболее очевидной является педагогическая задача облегчения для учащихся из нижненемецких областей их работы по из-

учению и освоению латинских источников. Необходимостью привлечь и обучить значительный новый контингент, подготовить его к проповеднической и педагогической работе в среде новообращенных христиан, безусловно в достаточной мере объясняется подъем школьного дела и активность ученых и учащихся-глоссаторов. Как мы видели, не менее важным был и редакторский аспект этой деятельности: одним из ее результатов стала созданная здесь собственная традиция перевода основных христианских текстов, след которой сохранялся в переводе Псалтыри даже два-три века спустя. Работа над германской частью глосс вообще предстает не менее важной и сознательно преследуемой задачей, чем учебное освоение латинского языка. Более того, поскольку нередко рукописи подвергались неоднократному глоссированию и на его новом этапе сохранялись и копировались глоссы предыдущего этапа, в том числе и возникшие в предшествующем скриптории и на другом языке или диалекте (не только латинском, но и верхненемецком), то складывались напластования лексических вариантов – латинских, верхне- и нижненемецких, – которые создавали для пользователя синхронную, горизонтальную картину различных языковых и стилистических возможностей и прагматических альтернатив, служа инструментом передачи многослойных филологических знаний. Однако в то же время такая рукопись предоставляет нам возможность «считывать» последовательность сделанных глосс как бы по вертикали, восстанавливая направление изменений и реконструируя их мотивацию. Даже на ограниченном числе приведенных здесь примеров можно было убедиться, что однотипные изменения повторялись, что позволяло интерпретировать их как прагматически мотивированные. К таким типичным повторяющимся моментам относятся:

- устранение редких нижненемецких лексем и замена их более употребительными;
- выдвижение в фонд желательных вариантов лексем с широкой, нижне- и верхненемецкой сферой функционирования;
- дополнение нижненемецкого литературного стиля верхнемецкими лексическими синонимами;
- образование неологизмов по продуктивным моделям с использованием общеизвестного латинского корнеслова;
- сочетание верхне- и нижненемецких фонетических черт.

Этот перечень параметров, которые проявляются при анализе глосс, включает все особенности гибридного литературного языка XI–XII в., созданного на основе средненемецкого с добавлением нижненемецких

черт, который был выявлен в работах Т. Клейна. Во всяком случае такая редакторская и учебная деятельность ученых-глоссаторов на протяжении двух предшествующих столетий и воспитание на этом материале поколений северогерманского духовенства не могли не внести большой вклад в образцовый литературный язык XI–XIII вв.

Список литературы

Источники

Bergmann R. Mittelfränkische Glossen: Studien zu ihrer Ermittlung und sprachgeographischen Einordnung. Bonn, 1977 (Rheinisches Archiv 61).

Bergmann R. Verzeichnis der althochdeutschen und altsächsischen Glossenhandschriften: Mit Bibliographie der Glosseneditionen, der Handschriftenbeschreibungen und der Dialektbestimmungen. Berlin; New York, 1973 (Arbeiten zur Frühmittelalterforschung 6).

Bergmann R., Stricker S. Katalog der althochdeutschen und altsächsischen Glossenhandschriften. 2005. http://glossen.ahd-portal.germ-ling.uni-bamberg.de/datenbank-katalog-der-glossenhandschriften.

Köbler G. Sammlung aller altsächsischen Texte. Giessen, 1987 (Arbeiten zur Rechts- und Sprachwissenschaft 31).

Steinmeyer E. von, Sievers E. Die altochdeutschen Glossen: In 5 Bd. Berlin, 1879–1898 (Neudruck: Zürich, 1969.)

Taeger B. Heliand und Genesis / Hrg. von Otto Behaghel. 10. überarbeitete Auflage. Tübingen, 1996 (Altdeutsche Textbibliothek 4).

Wadstein E. Kleinere altsächsische Sprachdenkmäler. Norden-Leipzig, 1899.

Исследования

Сквайрс Е.Р. Ареальная база истории нижненемецкого языка Ганзы. М., 1997.

Сквайрс Е.Р. Раннесредневековая соборная школа Германии на примере Гальберштадта: идеи, задачи, ресурсы // Вестник ПСТГУ. Сер. IV. Педагогика. Психология. 2016. № 2 (41). С. 42–62.

Сквайрс Е.Р. Ремесленная терминология в древнегерманских языках. М., 2015.

Сквайрс Е.Р., Ненарокова М.Р. Две неизвестные латинские рукописи «Авроры» Петра Риги // Немецкие средневековые рукописи и старопечатные фрагменты в «Коллекции документов Густава Шмидта» из собрания Научной библиотеки Московского университета / Сост. Е.Р. Сквайрс, Н.А. Ганина. М., 2008. С. 247–274.

Сквайрс Е.Р., Ненарокова М.Р. Две неизвестные рукописи «Авроры» Петра Риги из фондов Научной библиотеки Московского университета // Рукописи. Редкие издания. Архивы: Из фондов Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ /Отв. ред. И.Л. Великодная. М., 2004. С. 51–84.

Beck W. Zur Glossierung im Leipziger Heliand-Fragment // *dat ih dir it nu bi huldi gibu*. Linguistische, germanistische und indogermanistische Studien Rosemarie Lühr gewidmet / Hrg. S. Neri, R. Schuhmann. Wiesbaden, 2016. S. 57–62.

Frings Th., Karg-Gasterstädt E. Althochdeutsches Wörterbuch. Bd. 1–. 1968.

Handschriftencensus: Paderborner Repertorium der deutschsprachigen Textüberlieferung des 8. bis 12. Jahrhunderts. http://www.handschriftencensus.de/18616.

Hellgardt E. Einige altenglische, althoch- und altniederdeutsche Interlinearversionen des Psalters im Vergleich // Mittelalterliche volkssprachige Glossen. Internationale Fachkonferenz des Zentrums für Mittelalterstudien der Otto-Friedrich-Universität Bamberg 2. bis 4. August 1999 / Hrg. R. Bergmann u.a. Heidelberg, 2001. S. 261–296 (Germanistische Bibliothek 13).

Holthausen F. Altsächsisches Wörterbuch. Köln; Graz, 1967.

Klein Th. Althochdeutsch und Altniederländisch. // Amsterdamer Beiträge zur älteren Germanistik. Bd. 57. 2003. S. 25–43 (2003a).

Klein Th. Niederdeutsch und Hochdeutsch in mittelhochdeutscher Zeit // Die deutsche Schriftsprache und die Regionen: Entstehungsgeschichtliche Fragen in neuer Sicht / Hrg. R. Berthede u.a. Berlin; New York, 2003. S. 203–229 (2003b) (Studia Linguistica Germanica 65. Hrg. Stefan Sonderegger u.a.).

Klein Th. Studien zur Wechselbeziehungen zwischen altsächsischem und althochdeutschem Schreibwesen und ihrer sprach- und kulturgeschichtlichen Bedeutung. Göppingen, 1977.

Klein Th. Zu altwestfälisch *ande* ‘und’ // A Frisian and Germanic Miscellany: Published in honour of Nils Århammar. Odense, 1996. S. 399–411 (NOWELE. Vol. 28/29).

Maurer Fr., Fr. Stroh. Deutsche Wortgeschichte. Bd. 1. Lfg. 1. Berlin, 1957.

Quak A. Studien zu den altmittel- und altniederfränkischen Psalmen und Glossen. Amsterdam 1973 (Amsterdamer Publikationen zur Sprache und Literatur 12).

Quak A. Hintergründe eines altniederdländischen Textes // Amsterdamer Beiträge zur älteren Germanistik. 2010. 66. S. 63–102.

Schuba L. Die Quadriviums-Handschriften der Codices Palatini Latini in der Vatikanischen Bibliothek. Wiesbaden, 1992.

Schwab U. Die Bruchstücke der altsächsischen Genesis und ihrer altenglischen Übertragung: Einführung, Textwiedergaben und Übersetzungen, Abbildung der gesamten Überlieferung: Mit Beiträgen von Ludwig Schuba und Hartmut Kugler. Litterae 29. Göppingen, 1991.

Seebold E. Chronologisches Wörterbuch des deutschen Wortschatzes. Bd. 2. Der Wortschatz des 9. Jahrhunderts. Berlin; New York, 2008.

Squires C. Mitteldeutsche Wege im Handschriften-Austausch aus linguistischer Sicht: Der Fall Halberstadt // Deutsch-russische Arbeitsgespräche zur Buchgeschichte. Bd. 4. [Erfurt, 2017.]

Сведения об авторе: Сквайрс Екатерина Ричардовна, докт. филол. наук, профессор кафедры германской и кельтской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: skvayrs@gmail.com.

Т.В.Пентковская

Толкования на послания апостола Павла в переводе Епифания Славинецкого как источник Нового Завета последней четверти XVII в.

В статье рассматривается поздний церковнославянский перевод Посланий апостола Павла с толкованиями, который был выполнен Епифанием Славинецким после приезда в Москву. Устанавливается, что этот перевод был положен в основу текста Павловых Посланий в Новом Завете книжного круга Епифания 1670-х гг. Толковый перевод Посланий апостола Павла рассматривается на фоне предшествующей традиции новозаветных переводов. К изучению его лексической системы привлекается греко-славяно-латинский Лексикон Епифания Славинецкого, который использовался в процессе перевода.

Ключевые слова: переводы Нового Завета, поздний церковнославянский, Послания апостола Павла, толкования, книжная справа.

The paper deals with the late Church Slavonic translation of the Pauline Epistles with commentaries, which was made by Epiphanius Slavinetsky after his arrival to Moscow. It is established that this translation was the basis for the text of the Pauline Epistles in the New Testament of Epiphanius Slavinetsky milieu made at the 1670th. The translation of the Pauline Epistles with commentaries is analyzed against the background of the preceding tradition of new Testament translations. To the study of its vocabulary the multi-language Lexicon of Epiphanius Slavinetsky is attracted, which was used during the process of the translation.

Keywords: New Testament translations, the Pauline epistles, commentaries, late Church Slavonic, book revision.

В конце XVII в. коллективом московских книжников – справщиков Московского Печатного двора под руководством выходца из Юго-Западной Руси Епифания Славинецкого был подготовлен к изданию полный перевод Нового Завета (далее – НЗЕ). Начало этой масштабной справы традиционно относят к 1673 г., когда по благословению Московского Собора книжники приступили к новому переводу Библии. При этом десятилетием ранее Епифаний Славинецкий уже участвовал в исправлении Библии, и это издание в 1663 г. вышло в Москве по благословению патриарха Никона и предисловием самого Епифания. В основу справы была положена Острожская Библия [Исаченко, 2009: 28–30], [Пичхадзе, 2009: 146].

Первый этап работ завершился со смертью Епифания Славинецкого в 1675 г. На этом этапе был полностью переведен Новый Завет, однако сам Епифаний не успел внести в него окончательную правку [Исаченко, 2009: 30]. Перевод, который так и не был напечатан, сохранился в трех списках, не идентичных по составу. Старшие рукописи НЗЕ – ГИМ Син. греч. № 472 и № 473 – относятся к периоду после 1675 г. и написаны несколькими лицами. Так, большая часть Син. греч. 472 написана рукой Флора Герасимова, добавления в эту рукопись вносил Евфимий Чудовский, после смерти Епифания, по-видимому, возглавивший справу. В Син. греч. 473 выделяются почерки Евфимия, Флора Герасимова, Федора Поликарпова (писец киноварного заголовка), игумена Сергия, екклезиарха Чудова монастыря Моисея, книгописца Михаила Родостамова, возможно также писца Никиты [Исаченко, 2009: 246–258], [Исаченко, 2015: 200–202]. Эти две рукописи представляют собой греческо-церковнославянскую диглотту, причем Син. греч. 473 содержит только четвероевангелие и Деяния Апостолов, а Син. греч. 472 – весь Новый Завет и является полным беловым списком перевода. Четвероевангелие РГБ, ф. 310 (собр. В.М. Ундольского) № 1291 относится к первой трети XVIII в. (датировка по водяным знакам 1712–1716 гг.). Оно содержит предисловие с перечнем источников, к которым обращались переводчики, составленное, вероятнее всего, Евфимием Чудовским [Исаченко, 2015: 154, 156, 160–170]. Критический разбор традиционных вариантов перевода отдельных стихов и выражений, занимающий значительную часть этого текста, при знакомстве Евфимия с польскими библейскими изданиями, позволяет предположить, что моделью данного предисловия служили аналогичные «Предисловия к читателю» в польских изданиях Библии XVI–XVII вв.

Источники НЗЕ могут быть условно разделены на названные в предисловии к Унд. 1291 и неназванные. К названным относятся Чудовский Новый Завет сер. XIV в. (далее Чуд.), Константинопольское Евангелие 1383 г. (афонской редакции), Беседы св. Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея в переводе старца Силуана и Максима Грека 1524 г., изданные в Киеве в 1623 г., Беседы св. Иоанна Златоуста на апостольские Послания, греческий текст по франкфуртскому изданию 1597 г., лондонскому изданию 1600 г. и еще некоторому изданию 1587 г., выходные данные которого не указаны [Исаченко, 2015: 155–156, 161]. Неназванные источники – иноконфессиональные, к ним относится Новый Завет в польском переводе Якуба Вуйка (по изданию 1593 г., далее НЗВ 1593 г.) и Вульгата;

ссылки на их использование имеются внутри текста НЗЕ [Пентковская, 2016: 184].

Менее известен еще один, более ранний, перевод Епифания Славинецкого – Толкование Феофилакта Болгарского на Послания ап. Павла к Римлянам и 1-е к Коринфянам (далее ТПЕ). Он представлен в рукописи ГИМ. Син. № 718 и является вероятным автографом самого Епифания[1] [Описание, 1857: 188–189].

Работа над переводом толковых текстов включает в себя два аспекта: перевод основного текста и перевод толкований. Основной текст, впрочем, может и не переводиться при наличии предшествующих переводов и редактур [Алексеев, 1999: 33–34].

А. Горский и К. Невоструев, которые ввели в научный оборот этот источник (Кат. № 104, совр. 718), установили следующее: 1) это новый перевод толковых посланий, выполненный, по всей вероятности, по лондонскому изданию 1636 г.[2]; 2) текст в Син. 718 обрывается на 1 Кор. 15:17, но «судя по переносному слову, поставленному в конце первой страницы, имеем право думать, что перевод, по крайней мере, сего послания, был доведен до конца»; 3) буквальность перевода и особенности языка указывают на авторство самого Епифания; 4) перевод разбит на главы и стихи, на полях указываются ссылки на параллельные места и цитаты из Св. Писания, как и в греческом оригинале. В описании А. Горского и К. Невоструева указаны некоторые лексические особенности перевода, характерные и для других работ Епифания Славинецкого и его ученика Евфимия Чудовского, в частности, перевод δύναμις как **мощь**, **ѹкрестованный** –

[1] В рукопись ГИМ, Син. 718 вложена карточка: «Епифаний Славинецкий /+1676/ Перевод с греческого толкований Феофилакта Болгарского на послания апостола Павла. Автограф переводчика, знатока греческого языка и общественного деятеля».

[2] Theophylacti archiepiscopi Bulgariae in d. Pauli epistolas commentarii: Studio et curae Reverendissimi Patris, Domini Augustini Lindselli, Episcopi Herefordensis, ex antiquis Manuscriptis Codicibus descripri, et castigati, et nunc primum Graece editi. Cum Latina Philippi Montani versione, ad Craecorum exemplarium fidem restituta. Londini, e Typographeo Regio. M.DC.XXXVI. Текст издания доступен по ссылке: https://books.google.ru/books?id=W20iMUh-ZFkC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (дата обращения 12.12.2016). Издание представляет собой латино-греческую диглотту. На полях находятся указания на источники цитат и параллельных мест, а также глоссы-разночтения, которые снабжены знаком //. Помимо разночтений, на полях специальным знаком * помечаются вставки (по другим источникам). Эту систему знаков отчасти воспроизводит Епифаний в своем переводе.

ἐσταυρωμένος, **ланитствуемся** – κολαφιζόμεθα, **умилостивило** – ἱλαστήριον, **уꙁнателствити** – γνωρίσαι и др. [Описание, 1857: 188–189].

Отделение текста от толкований происходит следующим образом: в 1-й главе Епифаний подчеркивает основной текст, далее подчеркивание отсутствует, сменяясь указанием на номер стиха, затем оно возобновляется со стиха Рим. 7:6. Епифаний, таким образом, не следует доминирующей к его времени церковнославянской традиции, которая использует для обозначения основного текста термин «сущее», а для обозначения толкований – «**толкъ**» или «**толкование**» (ср. [Бобрик, 2011: 391–397]). Окончание основного текста может маркироваться постановной круглой скобки. В лондонском издании 1636 г. основной текст выделяется квадратными скобками.

Перевод толковых Посланий был сделан до работы над Новым Заветом и относится, вероятнее всего, к числу переводов, выполненных Епифанием на раннем этапе после прибытия его в Москву. Типологической параллелью здесь может служить начальный этап переводческой деятельности Максима Грека в России, так как первым его переводом в 1519 г. стало восполнение лакун в Толковом Апостоле (однако он, в отличие от Епифания, переводил лишь толкования к Деяниям, не редактируя основной текст) [Пентковская, 2015: 348–355].

Последовательность создания переводов ТПЕ и НЗЕ и их принадлежность одному книжному кругу делает возможным сопоставление этих двух памятников. Сравнение текста НЗЕ с основным текстом в Толковых Посланиях показывает их очевидное сходство. Из этого следует, что в основу перевода НЗЕ в части Павловых Посланий был положен основной текст толковых Посланий в переводе Епифания Славинецкого. Продемонстрируем несколько моментов, которые раскрывают особенности работы над обоими переводами. Для сопоставления привлекаются также текст Библии 1663 г., в работе над которой принимал участие Епифаний Славинецкий, Чудовского Нового завета сер. XIV в. (Чуд.) и списка афонской редакции Нового Завета РНБ, F.I.657 XV в. Выбор двух последних источников продиктован тем обстоятельством, что Чудовский Новый завет и афонская редакция Нового Завета использовались при работе над НЗЕ [Исаченко, 2015: 156, 191–198].

(1) Рим. 7:13 Син. 718 **да бꙋдетъ по преѥвъꙁлогꙋ грѣшенъ грѣхъ чрезаповѣдь**[3] (л. 35) – ἵνα γένηται καθ᾽ ὑπερβολὴν ἁμαρτωλὸς ἡ ἁμαρτία

[3] Павловы Послания содержит только Син. греч. 472. Этот источник будет использован далее как основной представитель НЗЕ.

διὰ τῆς ἐντολῆς [Lindsell 1636: 66]. То же чтение отмечается и в Син. греч. 472: **да бꙋдетъ по превологꙋ грѣшенъ грѣхъ чрезъ заповѣдь** (л. 300). На поле глосса **-шникъ. на** 149, отсылающая, по всей вероятности, к листу издания переводов Епифания Славинецкого 1665 г., в составе которого находились и Слова Григория Богослова [Турилов, 2010].

Характерными особенностями этого чтения являются перевод выражения καθ᾽ ὑπερβολὴν **по превологꙋ** (ср. превозложити ‘возложить что-л на кого-л дополнительно’ [СлРЯз XI–XVII вв., вып. 19: 120]) и передача конструкции διὰ + сущ. как **чрезъ** + сущ. Отметим, что в основном тексте НЗЕ наличие конструкции с **чрезъ**, как правило, отвечает греческому оригиналу (конструкции с предлогом διὰ, а в аргументах к Апостолу и Апокалипсису они часто соответствуют конструкции с предлогом *przez* [Пентковская, 2016: 208–209].

В Син. греч. 383 (Лексикон греко-славено-латинский) среди разных способов передачи греч. ὑπερβολή (**преметаніе, преверженіе, наверженіе, преизѧщество, преирѧдность, преходъ, препꙋщеніе, преверхъ, преѡбилность, преизлишность, υперволь**) находится только вариант **прелогъ** *transpositio* (л. 699 об.), а вариант с двумя приставками не отмечен. Это свидетельствует о продолжении поиска славянского эквивалента переводимой лексемы и, возможно, является косвенным обстоятельством, указывающим на последовательность создания ТПЕ и Лексикона, который мог быть подготовлен раньше перевода толковых посланий.

Перевод ТПЕ и НЗЕ отличается от чтения Библии 1663: **да бꙋдетъ по премнѡгꙋ грѣшенъ грѣхъ заповѣдїю** (л. 496 об.). Оно восходит к предшествующим редакциям, ср. РНБ, F.I.657 (афонская редакция, XIV в.) **да боудеть по премногꙋ грѣшенъ грѣхъ заповѣдїю** (л. 201 об.). Чуд. **да боуде по премногоу грѣше грѣхъ заповѣдью** (л. 102 в).

(2) Рим. 7:5 Син. 718 **Єгда бо бѣхомъ въ плоти, страсти грѣхѡвъ, сꙋщїѧ чрезъ законъ вдѣйствовахꙋсѧ въ ꙋдѣхъ нашыхъ, въ еже въплодоносити смерти** (л. 32 об.) – ὅτε γὰρ ἦμεν ἐν τῇ σαρκί, τὰ παθήματα τῶν ἁμαρτιῶν τὰ διὰ τοῦ νόμου ἐνηργεῖτο ἐν τοῖς μέλεσιν ἡμῶν, εἰς τὸ καρποφορῆσαι τῷ θανάτῳ [Lindsell, 1636: 62]. Подписанная сверху приставка **въ-** свидетельствует о том, что Епифаний сам вносил правку в свой текст. Именно этот вариант частично изменен в Син. греч. 472 **Єгда бо бѣхомъ въ плоти, страсти грѣхѡвъ, сꙋщїѧ чрезъ законъ, въдѣйствовахꙋсѧ въ ꙋдѣхъ нашыхъ, во еже воплодоносити смерти** (л. 299 об.)[4].

[4] Ср. Син. греч. 383 καρποφορέω **овоцоношꙋ, плодоношꙋ** (л. 370). Таким образом, приставочные варианты ТПЕ и НЗЕ в Лексиконе не засвидетельствованы.

В остальном два варианта совпадают, в различных точках отличаясь от предшествующих версий этого стиха. Так, в Библии 1663 г. отсутствует род.п. приименной, а в составе инфинитивной конструкции находится словосочетание **плодъ творити**, а не сложение по образцу греческого: **Єгда бо бѣхѡмъ во плоти, страсти грѣховныѧ, ꙗже ꙁакономъ дѣйствовахꙋ во ꙋдѣхъ нашихъ, во еже плодъ творити смерти** (л. 496 об.). Род.п. приименной, однако, имеется в афонской редакции, в которой в то же время инфинитивная конструкция калькируется не полностью: F.I.657 **єг҃а бо бѣхѡ҃ въ плоти, страсти грѣховь ѧже ꙁаконо҃, дѣйствовахоу въ оудѣ҃ наши. плѡ҃ принести смр҃ти** (л. 201 об.). В Чуд., как и в Библии 1663 г., нет род.п. приименного, однако перевод субстантивированного инфинитива совпадает с епифаниевским: **ꙗгда бо бѣхо҃ в плоти. стр҃ти грѣховныꙗ ꙁакономь дѣиствовахоу въ оудѣ҃ наши. въ еже плодоносити см҃рти** (л. 102 б).

Отметим, что род.п. приименной присутствует в данном стихе не только в греческом, но и в польском переводе Якоба Вуйка, еще одном источнике, использовавшемся при создании НЗЕ: НЗВ 1593 г. Abowiem gdyſmy byli w ćiele / namiętnośći grzechow / ktore były przez zakon / płużyły w członkách náßych / áby owoc przynośiły śmierći (л. 544).

В ряде случаев чтение Син. 718 переносится в Син. греч. 472 вместе с глоссами: (3) Рим 8:29–30 Син. 718 **Зане ꙗже прéꙁна, и // прéѡпредели съѡбраꙁным образꙋ сн҃а своегѡ, въ еже быти томꙋ перворожденнꙋ въ многихъ братиихъ. ꙗже // прéѡпредели же, сиѧ и приꙁва** (л. 45). Поле: // **прéꙋстави** (дважды) – ὅτι οὓς προέγνω, καὶ προώρισε συμμόρφους τῆς εἰκόνος τοῦ υἱοῦ αὐτοῦ, εἰς τὸ εἶναι αὐτὸν πρωτότοκον ἐν πολλοῖς ἀδελφοῖς. Οὓς δὲ προώρισε, τούτους καὶ ἐκάλεσε [Lindsell 1636: 84][5]. Син. греч. 472 **ꙁане ꙗже прéꙁна, и ˇпрéѡпредели съѡбраꙁны**[.][6] **образꙋ сн҃а своегѡ, во еже быти томꙋ перворожденнꙋ во многи братїи. ꙗже ˇпрéѡпредели же, сїя и приꙁва** (л. 302). Поле: **ˇпрéꙋстави** (дважды).

Чтение Библии 1663 г. совпадает с глоссой Син. 718 и Син. греч. 472: **Ихъже бо предоувѣде, тѣхъ и предꙋстави, соѡбраꙁнымъ быти ѻбраꙁꙋ сн҃а своегѡ, ꙗкѡ быти емꙋ первороднꙋ во мнѡгихъ братїи. А ихъже предꙋстави, тѣхъ и приꙁва** (л. 497 об.). Вариант Библии 1663 г. **предꙋстави**, как и весь фрагмент, заимствован из Острожской Библии (л. 29 нумера-

[5] Отметим тенденцию к постановке знаков препинания в переводе Епифания в соответствии с их местом в лондонском издании 1636 г.

[6] [.] – затерта буква.

ции Послания к Римлянам)[7]. Сопоставление этих двух источников с Лексиконом Епифания дает важные результаты. В Син. греч. 383 для προορ΄ιζω отмечены следующие варианты: **пре҆ѡпредѣлѧю** *praedetermino*, **препредѣлѧю** *praetermino*, **пре҆ставлѧю** *praestituo*, **пре҆кончаю** *praefinio*, **пре҆ставлѧю** *praedestino* **пре҆гранѧю**[8] (л. 590 об.). В ТПЕ представлены два варианта из Лексикона (один из них в глоссе); в Библии 1663 г. и в Острожской Библии представлен только один вариант из Лексикона. Выбор этого конкретного варианта Лексикона мог быть обусловлен чтением латинского текста в Рим. 8:29–30 – *praedestinavit ... praedestinavit* [Lindsell, 1636: 84].

Взаимоотношения между тремя источниками – Лексиконом, ТПЕ и Библией 1663 г. – требуют отдельного исследования. Если перевод ТПЕ возник позже Библии 1663 г., можно было бы предположить, что глосса в ТПЕ возникла в результате сличения толкового перевода с Библией 1663 г. Однако материал Лексикона позволяет построить иную схему. Вероятно, и ТПЕ, и Библия 1663 г. учитывают словарные данные Лексикона и базируются на нем. В свою очередь в церковнославянский материал словарных статей Лексикона могли войти данные Острожской Библии, которая была хорошо известна Епифанию Славинецкому: ее текст лег в основу издания Библии московской[9].

Предшествующие редакции дают другие варианты перевода греч. προέγνω καὶ προώρισεν, ср. Чуд.: **зане ихже прооуѣда. и пронарече. съ҃образны образоу сн҃а ѥго. въ ѥже быти ѥмоу первѣнцю в мнозѣи бра҃и. ихже пронарече. сиꙗ и призва** (103 б); F.I.657 (афонская редакция) **зане ꙗже пре҆жерадоумѣ и пре҆женарече. съѡбразны тѣлоу сн҃а своего. быти емоу первеньцꙋ въ мнѡзѣ братїи. а ꙗже пре҆женарече, сїи призва** (л. 203).

Данные афонской редакции оказываются очень важными для сопоставления с Острожской Библией (и далее – с московской 1663 г.), поскольку известно, что в Острожскую Библию Апостол вошел в переработанном виде, и при подготовке издания были привлечены дополнительные рукописные источники [Алексеев, 1999: 207]. Действительно, в Геннадиевской Библии, легшей в основу острожского издания, в данном фрагменте читается афонский вариант **пре҆жерадꙋмѣ и пре҆женарече** [Библия, 1499, 8: 183].

---

[7] http://www.vechnoe.info/bible/pdf/romans/view (дата обращения 24.12.2016).

[8] Последнее слово написано более темными чернилами и не имеет латинского соответствия.

[9] http://www.pravenc.ru/text/209473.html#part_15 (дата обращения 24.12.2016).

(4) Рим. 7:8 Син. 718 // **извѣтъ же приемъ грѣхъ чре҃з заповѣдь, съдѣла въ мнѣ всякое пожеланіе. Бе҃з закона бо грѣхъ мертвъ** (л. 33 об.). Поле глосса: // **вину** – ἀφορμὴν δὲ λαβοῦσα ἡ ἁμαρτία διὰ τῆς ἐντολῆς κατειργάσατο ἐν ἐμοὶ πᾶσαν ἐπιθυμίαν· χωρὶς γὰρ νόμου ἁμαρτία νεκρά [Lindsell, 1636: 63–64].

Рим. 7:11 Син. 718 **грѣхъ бо** + **извѣтъ приемъ, чре҃з заповѣдь, прелсти мѧ, и чре҃з тую, убійствова** (л. 33 об.). Поле глосса: + **вину** – ἡ γὰρ ἁμαρτία ἀφορμὴν λαβοῦσα διὰ τῆς ἐντολῆς ἐξηπάτησέν με καὶ δι᾽ αὐτῆς ἀπέκτεινεν [Lindsell, 1636: 65].

В Син. греч. 472 глосса имеется только в первом случае: Рим. 7:8 **˘извѣтъ же приемъ грѣхъ чрезъ заповѣдь, содѣла во мнѣ всякое пожеланїе. Бе҃з закона бо грѣхъ мертвъ** (л. 299 об.). На поле глосса: **вину**. Рим. 7:11 **грѣхъ бо извѣтъ приемъ, чре҃з заповѣдь, прелсти мѧ, чре҃з тую убійствова** (л. 299 об.).

Как и в примере (2), вариант в глоссе совпадает с чтением Библии 1663 г.: Рим. 7:8 **Вину же прїемъ грѣхъ заповѣдїю, содѣла во мнѣ всѧку похоть: бе҃з закона бо грѣхъ мертвъ есть** (л. 496 об.); Рим. 7:11 **грѣхъ бо вину прїемъ заповѣдїю, прельсти мѧ, и тою оумертви мѧ** (л. 496 об.). В Лексиконе среди вариантов перевода ἁμαρτία отмечена только лексема **вина** (л. 47).

Приведем чтение двух редакций XIV в.: Рим. 7:8 F.I.657 **виноу же прїемь грѣ҃х заповѣдью, съдѣла въ мнѣ всѧкоу похоть, бе҃з закона бо грѣ҃х мр҃твъ** (л. 201 об.); **Чуд. виноу же приимши грѣ҃х заповѣди ради. сдѣла во мнѣ всѧкоу похо҃т. кромѣ бо закона. грѣ҃х мертвъ** (л. 102 в). Рим. 7:11 F.I.657 **грѣхъ бо вину приемь заповѣдью, прельсти мѧ. и то[чї][10]ю оумрътви** (л. 201 об.); Чуд. **грѣ҃х бо вїноу приимши заповѣди ради. прелсти мѧ. и тою оуби** (л. 102 в).

Сопоставление редакций позволяет выявить характерные чтения перевода Епифания: употребление глагола на **-ствовати** (экспансия этой «полонизирующей» модели характерна в целом для книжной школы Чудова монастыря, ср. [Исаченко, 2009: 56, 76–77]) и уже упоминавшийся способ передачи конструкции διὰ + сущ. как **чрезъ** + сущ.

Глоссы имеются в данных стихах и в НЗВ 1593 г., причем способ их оформления напоминает тот, что мы видим в Син. 718 и в издании Линдзелла 1636 г.: Рим. 7: 8 Lecz grzech / wźiąwßy \\ przyczynę' przez ono zákazánie ſpráwił we mnie wßeláką pożądliwoſc. Abowiem bez zakonu był grzech martwy (л. 545). На поле глосса: \\ pochop.

[10] [заглажено].

Значение данного знака объясняется в НЗВ 1593 г. в Предисловии к читателю в разделе «Rożnośći z Nowego Teſtámentu Græckiego Krolewſkiego zebráne» (л. 24): Máth : 2 ws 11. \\ náleźli' / á ná brzegu / \\ vyrzeli. G. Co znáczy / że w Græckim Krolewſkim miáſto tego ſłowá Náleźli / ſtoi / Vyrzeli. Подробнее об этом сказано на л. 29: Tákie záś dwie kreſce známionuią / iż miáſto ſłow ktore ſię miedzy nimi á miedzy pułkołkiem ná wierzchu przy końcu ſłowá położonym znayduią / inne kśięgi inße ſłowá máią / przy tákimże znáku ná brzegu wyrážone. Следовательно, такого рода глоссы отражают в конечном счете разницу между латинским и греческим текстом Нового Завета.

Рим. 7:11 Bo grzech wźiąwßy // przyczynę' przez przykazánie / zwiodł mię / y przez nie zábił mię (л. 545). На поле глосса: // pochop.

Значение данного знака также раскрывается в НЗВ 1593 г. в Предисловии к читателю в разделе «Wykłády ſłow trudnieyßych» (л. 25): Poczwarte / maß po brzegu wykłády ſłow y ſentenciy trudnieyßych / poſpolićie przy tákim znáku //. Jáko Mátth : 2. ws 3. // pokłonić ſię / maß ná brzegu wykład tego ſłowá / // chwałę oddáć ábo pokłon czynić. Bo ſię też ták Adorare wyłożić może. Y niżey VS. 18. // w Ramie /// to ieſt ná wyſokośći : y ták indźie wßędy. Сходная информация содержится и на л. 29, причем здесь отмечается, что два этих сходных знака могут ошибочно смешиваться: Tákie dwie kreſce lepák ná brzegu wyrážone / známionuią wykład ſłow trudnieyßych w texćie przy tymże znáku położonych : ábo ukázuią do ktorego ſłowá należy Annotácya ná brzegu przy tákimże znáku położona. Acz czáſem y ten znák \\ miáſto tego // naydźieß wyrážony. Jáko tácna ieſt w tych drobiozgách omyłká.. В системе НЗВ 1593 г. этим знаком помечаются, следовательно, *варианты перевода* одного слова или словосочетания.

Следует отметить, что сходным образом оформляются глоссы и в издании Линдзелла, однако значение таких знаков специальным образом не объясняется. Таким образом, при оформлении глосс Епифаний следует западной традиции в целом. При перенесении текста перевода в НЗЕ московские книжники изменяют этот способ оформления на традиционный.

В Син. греч. 472 могут вноситься некоторые изменения, касающиеся, в частности, вставки союзов и частиц: (6) Рим. 7:18 Син. 718 **Вѣм же ꙗкѡ не [селяе҇] въ мнѣ, сиесть въ плоти моей, бл҃гое. Єже бо хотѣти прилежитъ мнѣ еже дѣлати же доброе не ѡбрѣтаю** (л. 36) – οἶδα δὲ ὅτι οὐκ οἰκεῖ ἐν ἐμοί, τοῦτ᾽ἔστιν ἐν τῇ σαρκί μου, ἀγαθόν. τὸ γὰρ θέλειν παρ᾽ακειταί μοι. τὸ δὲ κατεργάζεσθαι τὸ καλὸν οὐχ εὑρίσκω [Lindsell, 1636:

68]. На поле Син. 718 глосса: **ѡбитаѥ**. Глоссируемое слово в скобках в основном тексте написано по затертому.

В Син. греч. 383 οἰκέω имеет несколько вариантов перевода, среди которых обе лексемы ТПЕ: **домѣю** *in domo dego* **ѡбитаю** *habito*[11] **селю** *vicolo* **живꙋ** *vivo* **строю** *administro* **правлю** *rego* (л. 490).

Ср. Син. греч. 472 **Вѣмъ бо же, ꙗкѡ не** *<u>**селится**</u> **во мнѣ, сїесть, въ плоти моей, бл҃гое. еже бо хотѣти прилежитъ мнѣ. а еже дѣлати же доброе, не ѡбрѣтаю** (л. 300). На поле глосса * **ѡбитаѥ**.

Чтение Библии 1663 г. объясняет вставку союза **а** в Син. греч. 472: **Вѣмъ бо ꙗкѡ не живетъ во мнѣ, си рѣчь, во плоти моей, добро. еже бо хотѣти прилежитъ ми, а еже содѣати доброе, не ѡбрѣтаю** (л. 496 об.).

В свою очередь чтения старших редакций объясняют особенности Библии 1663 г., которая, однако, не содержит специфической приметы ТПЕ и НЗЕ οἰκεῖ **селяѥ** / **селится** / **ѡбитаѥ**: F.I.657 (афонская редакция) **вѣдѣ бо ꙗко не живеть въ мнѣ, си рѣчь въ плоти моеи бл҃го. хотѣнїе бо прилежи ми. а еже съдѣꙗти доброе не ѡбрѣтаю** (л. 202); Чуд. **вѣдѣ бо ꙗко не живе во мнѣ. ѥже ѥсть в плоти моѥи бл҃гоѥ. еже бо хотѣти прилежи и ми. дѣлати же доброѥ не обрѣтаю** (л. 102 в).

Ср. чтение польского и латинского текстов: НЗВ 1593 г. Bo wiem że nie mießka we mnie / to ieſt w ćiele moim / dobre. Abowiemći chcenie przy mnie ieſt; ále wykonánia dobrego w ſobie nie náyduię (л. 545). Novi autem quod non *habitet* in me, hoc eſt in carne mea, bonum. Velle enim adjacet mihi, perficere autem bonum non invenio [Lindsell 1636: 68]. Глосса **ѡбитаѥ**, таким образом, объясняется сопоставлением церковнославянского перевода с латинским текстом вместе с использованием Лексикона.

В случае (7) различие между ТПЕ и НЗЕ касается отдельных грамматических форм: Рим. 8:26 Син. 718 **Такѡжде и дх҃ъ // съвъемле немощи нашеѧ**. Поле: // **ѿспособствꙋѥ немощемъ нашимъ** (л. 44) – ὡσαύτως δὲ καὶ τὸ πνεῦμα συναντιλαμβάνεται τῇ ἀσθενείᾳ ἡμῶν [Lindsell 1636: 82]. То же в толкованиях: … **гл҃е, ꙗкѡ и дх҃ъ + съвъемле ны. Поле: ѿспособствꙋѥ на** (л. 44).

Ср. Син. греч. 472 **съвоемлетъ немощи нашѧ** (л. 301 об.). Поле: **способствꙋѥ немоще нашы**. Библия 1663 г. **Сице и дх҃ъ съпособствꙋетъ намъ в҆ немощехъ нашихъ** (л. 497). F.I.657 (афонская редакция) **такоже и дх҃ъ с нами ѕастоупае немощи наша** (л. 203). Чуд. **тако и дх҃ъ сѕастоупаѥ немощи наша** (л. 103 б).

Глосса в ТПЕ и НЗЕ восходит к традиционному чтению, закрепленному в Библии 1663 г. В Син. греч. 383 συναντιλαμβάνω соответствуют оба

[11] Этот глагол стоит в соответствующем месте Рим. 7: 18 в Вульгате, см. ниже.

эквивалента: **съвъемлю** и **способствꙋю**, причем последнему варианту соответствует лат. *coadiuvo* ‘помогаю’ (л. 107 об.). Как и в предыдущем случае, в глоссе отражается сопоставление с чтением Вульгаты при посредничестве Лексикона: Similiter autem et Spiritus *adiuvat* infirmitatem nostram.

Разница в выборе формы **немощи нашеѧ**: **немощи наша** обусловлена возвращением Син. греч. 472 к чтению редакций XIV в. Выбор формы род.п. ед.ч. в ТПЕ (**немощи нашеѧ**) находит обоснование в польском тексте: НЗВ 1593 г. Także też y Duch dopomaga krewkośći náßey (л. 549).

В ТПЕ И НЗЕ могут не совпадать глоссы (при их наличии в обоих источниках в тех же фрагментах): (8) 1 Кор. 1:13 **Ра҃частвовасѧ ли х҃с**; **Єда Пауеλ //ꙋкрествовасѧ ꙁа вы**; **Поле**: //**ра҃пѧсѧ** (л. 88 об.) – μεμέρισται ο Χριστὸς μὴ Παῦλος ἐσταυρώθη ὑπὲρ ὑμῶν ἢ εἰς τὸ ὄνομα Παύλου ἐβαπτίσθητε; [Lindsell, 1636: 168]; Син. греч. 472 **ра҃частвовасѧ ли х҃с**; **еда Паулъ ꙋкрествовасѧ ꙁа вы**; [сверху помета **чю҃**][12] (л. 313). Поле: **еда ра҃дѣлисѧ х҃с**.

В Син. греч. 383 (л. 635) глаголу σταυρόω соответствует несколько лексем, в их числе **кр҃ствꙋю** *crucifigo* (при отсутствии глагола **распѧтисѧ**). Это характерное словоупотребление чудовских книжников продиктовано в том числе и наличием формы *crucifixus est* в Вульгате.

Глосса объясняется сверкой с традицией, ср. Библия 1663 г. **Єда раꙁдѣлисѧ хр҃тосъ**; **еда паулъ распѧсѧ по васъ**; (л. 500); F.I.657 **єда раꙁдѣлисѧ х҃с. еда павелъ распѧтсѧ по васъ** (л. 211 об.); Чуд. **еда раꙁдѣлисѧ х҃с. еда паве҃л распѧтъ ꙁа вы** (л. 108 в).

Обращает на себя внимание, однако, отсутствие в Син. греч. 472 глоссы при чтении основного текста **ꙋкрествовасѧ**. Поддержкой такому решению мог стать НЗВ 1593 г.: Azaż rozdźielony ieſt Chriſtus: Azaż Páweł ieſt zá was ***ukrzyżowan*** (л. 578). Вполне вероятно, что отсутствие в данном случае глоссы является следом редакторской деятельности Евфимия Чудовского, который правил работы своего учителя, делая употребление неологизмов более последовательным. Об этом свидетельствует следующий пример:

(9) Рим. 10:10 Син. 718 **Ср҃цемъ бо вѣрꙋ҃есѧ въ правдꙋ, ꙋстами же исповѣдꙋ҃есѧ въ сп҃сеніе** – καρδίᾳ γὰρ πιστεύεται εἰς δικαιοσύνην, στόματι δὲ ὁμολογεῖται εἰς σωτηρίαν [Lindsell, 1636: 102]. В начале толкования также используется нормативная форма мн.ч.: **Требꙋ҃е и ср҃це**

[12] Следует отметить, что в Син. 718 ссылки на Чуд., как и на другие источники, в принципе отсутствуют.

ꙋстъ (л. 54 об.). В НЗЕ в соответствии с этим находим грамматическую кальку **оусто** (ср. р. ед. ч. в соответствии со ср. р. ед. ч. в греческом): Син. греч. 472 **срдцемъ бо вѣрꙋетсѧ въ правдꙋ, ꙋстомъ же исповѣдꙋетсѧ во спсенїе** (л. 304 об.). При этом в рукописи различимы следы заглаженного окончания **-ами**.

С тем же исправлением мы встречаемся еще в Рим. 15:6 (10): Син. 718 **Да единодꙋшнѡ въ единѣхъ ꙋстехъ славите Бга, и ѿца Гда нашего Іисса Хрта** (л. 77) – ἵνα ὁμοθυμαδὸν ἐν ἑνὶ στόματι δοξάζητε τὸν Θεὸν καὶ πατέρα τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ [Lindsell 1636: 144]. Ср. Син. греч. 472 **да единодꙋшнѡ въ единомꙋстѣ славите Бга, и ѿца Гда нашего Іисса Хрта** (л. 310). И в этом случае, как и в предыдущем, окончания ед.ч. **-ом** и **-ѣ** написаны по затертому тексту.

Грамматические характеристики слова **оуста** явились предметом лингвистической рефлексии в НЗЕ. В Син. греч. 473 на л. 12 об. имеются вклейки, представляющие собой замечания на перевод, принадлежащие, по мнению Т.А. Исаченко, Евфимию Чудовскому. Одно такое замечание касается чтения Мф. 4:4 **чрезъ оусто бжїе**. В приписке отмечается: **лꙋчши изъ оустъ бжїихъ** с пометой **бжїе в грамматицѣ нѣсть, но бжїе** [Исаченко, 2015: 181–182]. Замечание это отражает закономерное колебание в выборе не только эквивалента, но и переводческой стратегии. Буквальный вариант, однако, не явился результатом авторства Евфимия Чудовского, поскольку калька усто соответствует греческому τὸ στόμα уже в Лексиконе Епифания Славинецкого (л. 635).

Приведем еще один пример, в котором правка в Син. греч. 472 затрагивает грамматические формы: (11) Рим. 7:23 Син. 718 **Виждꙋ же инъ законъ въ ꙋдѣхъ моихъ противовоюющъ законꙋ ꙋма моего, и плѣнѧщъ мѧ законꙋ грѣха сꙋщꙋ въ ꙋдѣхъ моихъ** (л. 36 об.) – βλέπω δὲ ἕτερον νόμον ἐν τοῖς μέλεσίν μου ἀντιστρατευόμενον τῷ νόμῳ τοῦ νοός μου καὶ αἰχμαλωτίζοντά με ἐν τῷ νόμῳ τῆς ἁμαρτίας τῷ ὄντι ἐν τοῖς μέλεσίν μου [Lindsell, 1636: 69]. Ср. Син. греч. 472 **Виждꙋ же инъ законъ въ ꙋдѣхъ моихъ, противовоюющъ законꙋ ꙋма моегѡ и плѣнящъ мѧ закономꙋ грѣха сꙋщꙋ** [ꙋ зачеркнуто и сверху исправлено на **-имъ**] **въ ꙋдѣхъ моихъ** (л. 300–300 об.).

Исправления в Син. греч. 472 связаны с возвращением к традиционному чтению: Библия 1663 г. **Виждꙋ же инъ законъ во ꙋдѣхъ моихъ, противовоюющъ законꙋ ꙋма моегѡ, и плѣнѧющъ мѧ закономъ грѣхѡвнымꙋ сꙋщимъ во ꙋдѣхъ моихъ** (л. 496 об.); F.I.657 **Вижю бо инъ законъ въ оудѣхъ моихъ, противоувоюѭщь законꙋ оума моего и плѣнѧющь**

мѧ закономь грѣховным, **сущимъ въ оудѣхъ моихъ** (л. 202); Чуд. **Вижю же и дроугыи законъ въ оудѣх мои. противоуворюющь законоу оума моѥ. и плѣнѧюща мѧ законо**м **грѣха соущи**м **въ оудѣх мои** (102 г).

Управление существительным в дат.п. (**плѣнѧщъ мѧ законꙋ**), от которого в свою очередь зависит причастие (**сꙋщꙋ**), обнаруживающееся в Син. 718, требует разъяснений. Дат.п. в обоих случаях находится в греческом, однако там употреблено сущ. с предлогом (ἐν τῷ νόμῳ), которое, как правило, переводится на ц-слав. либо тв.п. беспредложным, либо конструкцией въ + мест.п. Отметим, что беспредложный дат.п. в этом случае имеется в польском переводе: НЗВ 1593 г. Lecz widze inßy zakon w członkách moich / walczący przećiw zakonowi umyſlu moiego / y ktory mię podawa w niewolą ***zakonowi*** grzechu / ktory ieſt w członkách moich (л. 545). В польском переводе Я. Вуйка, кроме того, употребляется род. п. приименной, как и в переводе Епифания (**законꙋ грѣха**), что позволяет говорить о двойной соотнесенности данной конструкции (с греческим ἐν τῷ νόμῳ τῆς ἁμαρτίας и польским zakonowi grzechu).

Существенные изменения вносятся в следующий стих: (12) Рим. 7:6 Син. 718 **Нне же упразднихосѧ ѿ закона умерше, въ "еже удержавахосѧ, ꙗкѡже работати ны въ новости дха, а не ветхости писмене** (л. 32 об.) – νυνὶ δὲ κατηργήθημεν ἀπὸ τοῦ νόμου ἀποθανόντες ἐν ᾧ κατειχόμεθα, ὥστε δουλεύειν ἡμᾶς ἐν καινότητι πνεύματος καὶ οὐ παλαιότητι γράμματος [Lindsell, 1636: 62]. Ср. Син. греч. 472 **нне же ꙋпразднихомсѧ ѿ закона ꙋмерше, въ немже ꙋдержавахося, ꙗкѡже работати на въ новости дха, и не ветхости писмене** (л. 299 об.).

Син. греч. 472 исправляет буквализм при переводе инфинитивного оборота ὥστε + inf. + Acc. (**ны** = ἡμᾶς), заменяя его традиционным чтением **ꙗкѡже** + inf. + Dat.[13], ср. Библия 1663 **Ннѣ же оупразднихѡмсѧ ѿ закона, оумерше имъже держими бѣхѡмъ: ꙗкѡ работати намъ бгови во ѡбновленїи дха, а не въ ветхости писмени** (л. 496 об.); F.I.657 **ннѣ же**

[13] Такое же соотношение источников в части замены **ны -> намъ** = ἡμᾶς представлено еще в Рим. 6:6 Син. 718 **сіе знающе ꙗкѡ ветхый нашъ чвкъ** // **съукрествовасѧ, да ипразднитсѧ тѣло грѣха, еже не к томꙋ работати ны грѣхꙋ**. На поле глосса // **съраспнесѧ** (л. 29) – τοῦτο γινώσκοντες ὅτι ὁ παλαιὸς ἡμῶν ἄνθρωπος συνεσταυρώθη, ἵνα καταργηθῇ τὸ σῶμα τῆς ἁμαρτίας, τοῦ μηκέτι δουλεύειν ἡμᾶς τῇ ἁμαρτίᾳ [Lindsell, 1636: 55]. Ср. Син. греч. 472 **сїе знающе, ꙗкѡ ветхый нашъ чвкъ** *__съꙋкрествовасѧ__ [сверху: **чю**], **да ипразднитсѧ тѣло грѣха** [сверху: **чю**], **еже** [сверху: **чю**] **не к томꙋ работати ны** [сверху: **намъ**] **грѣхꙋ**. На поле глосса: ***съраспнесѧ** (л. 298). Все надписания сделаны киноварью.

оупразднихомсѧ ѿ ꙁакона. оумръше имже дръжими бѣхѡмъ. ꙗко работати на въ ѡбновленїе дх҃а, а не въ ветсѣ писмени (л. 201 об.); Чуд. **нынѣ же оупразднихомсѧ ѿ ꙁакона. оумерше о немже оудержани быхо. ꙗко работати на въ обнвленьи дх҃а. а не в ветсѣ писмени** (л. 102 в).

Вариант **ꙗкѡже** = ὥστε (в противоположность **ꙗко**) представлен в только Чуд., поэтому можно предположить здесь влияние на НЗЕ именно этого источника.

Библия 1663 г., ТПЕ и НЗЕ противопоставлены редакциям XIV в. чтением (**въ**) **ветхости писмене** : **въ ветсѣ писмени** παλαιότητι γράμματος. Это исправление обусловлено выравниванием по греческому тексту соседних синтагм ἐν καινότητι πνεύματος ... οὐ παλαιότητι γράμματος. Отметим, что перевод сущ. (**ветхости**), а не прил. (**ветсѣ**) находит поддержку и в польском тексте: НЗВ 1593 г. Lecz teraz ieſteſmy wyzwoleni od zakonu ‖ śmierći' / w ktorymeſmy byli zátrzymáni: ták ábyſmy ſłużyli w nowośći duchá / á nie w ſtárośći ‖ piſmá (л. 544). На поле глосса: ‖ umárli G.S. На поле глосса: ‖ litery.

Правка в Син. греч. 472 может касаться морфемной структуры слова: (13) Рим. 8:15 Син. 718 **Не бо приѧсте дх҃а работы паки въ боѧꙁнь но приѧсте дх҃а сыноложенїа** (л. 41) – οὐ γὰρ ἐλάβετε πνεῦμα δουλείας, πάλιν εἰς φόβον ἀλλὰ ἐλάβετε πνεῦμα υἱοθεσίας [Lindsell 1636: 77]. В толкованиях: сыноложенїа. В Син. греч. 472 в этом слове сверху приписан слог: **не бо приясте дх҃а работы паки въ бояꙁнь, но приясте дх҃а сн҃ноп ложенїѧ** (л. 301). На поле глосса: **сн҃овленїа**. То же соотношение источников **сыноложенїа** – **сн҃ноп ложенїѧ** в Рим. 8:23. Изменение, внесенное в Син. греч. 472, соответствует чтению Библии 1663 г.: **Не прїѧсте бо дх҃ъ работы паки в҃ боѧꙁнь: но прїѧсте дх҃ъ сн҃оположенїѧ** (л. 496 об.). Ср. F.I.657 **не прїасте бо дх҃ь работѣ пакы въ боꙗꙁнь. но прїасте бо дх҃ъ въс҃ненїа** (л. 202 об.); Чуд. **не бо приꙗсте дх҃а работнаго паки в боꙗꙁнь но приꙗсте дх҃ъ оус҃ненꙑꙗ** (л. 103 а).

Словоформа **сыноложенїа** является полной калькой греч. υἱοθεσίας и, по всей вероятности, представляет собой авторский вариант перевода греческой лексемы. Она соответствует греч. υἱοθεσία в Лексиконе: Син. греч. 383 **сн҃оложенїе** *adoptatio* (л. 695). В свою очередь, лексема **сыноположение** 'состояние, положение сына (о состоянии верующего человека как сына Божия)' – это традиционный вариант передачи греч. υἱοθεσία, который встречается, помимо Библии 1663 г., в источниках XIV–XVI вв. (Минея, Маргарит, Великие Минеи Четьи, Требник). В Скрижали 1656 г. (сборник, переведенный Арсением Греком) зафиксирован и глагол **сыно-**

полагатися – υἱοθετέω [СлРЯз XI–XVII вв., вып. 29: 139]. Лексема въсынение фиксируется уже в Пандектах Антиоха по списку XI в., в списках Апостола XIV в. есть также **въсыновление** [СлРЯз XI–XVII вв., вып. 3: 161].

Сопоставление источников позволяет выявить еще одно расхождение между ТПЕ и НЗЕ, с одной стороны, и предшествующими редакциями, с другой – чтение **дх҃а** / **дх҃ъ**. Форма род.п. епифаниевского перевода находит опору в польском чтении: НЗВ 1593 г. Bośćе nie wźięli ***duch***á niewolſtwá znowu ku boiaźni: áleśćie wźięli ***duch***á ſynowſkiego przywłaßczenia (л. 548).

Расхождения между ТПЕ и НЗЕ в ряде случаев проявляются в выборе предлога: (14) Рим. 7:24 Син. 718 **Ѡкаѧноскорбенъ а҃ чл҃вкъ, кто мѧ избавитъ. и҃ тѣла смерти сеѧ**; (л. 37). В толкованиях тоже: **Кто мѧ избавитъ и҃ тѣла смерти; сиесть смерти полежащагѡ** (л. 37) – ταλαίπωρος ἐγὼ ἄνθρωπος, τίς με ῥύσεται ἐκ τοῦ σώματος τοῦ θανάτου τούτου [Lindsell, 1636: 70]. Ср. Син. греч. 472 **ѡкаѧноскорбенъ а҃ чл҃къ, кто мя избави ѿ тѣла смерти сеѧ**; (л. 300 об.). Отметим, что в ТПЕ предлог дублирует приставку.

В НЗЕ восстанавливается предлог отъ, свойственный предыдущим редакциям, а также польскому тексту: Библия 1663 **ѡкаѧненъ азъ чл҃къ, кто мѧ избавитъ ѿ тѣла смерти сеѧ**; (л. 496 об.); F.I.657 (афонская редакция) **ѡкаѧнъ азъ чл҃кь. кто мѧ избавить ѿ тѣла см҃рти сеа** (л. 202); Чуд. **окаꙗне азъ чл҃вкъ. кто мѧ избави ѿ см҃рти тѣла сего** (л. 102 г). НЗВ 1593 г. Nießczęſny ia człowiek / ktoż mię wybáwi od tego ćiáłá śmierći: (л. 545)

Конструкция **отъ** + род.п. находится в привативной оппозиции к конструкции **из** + род.п. по признакам ‘движение из незамкнутого пространства / из замкнутого пространства’ и ‘неполное / полное включение исходной точки движения’, являясь ее немаркированным членом. Вариативность в передаче предлогов из и отъ была свойственна и более ранним переводам. Так, в старославянских памятниках зафиксированы случаи взаимной мены данных предлогов, в частности: Ин. 12:42 **ѻ҃ сьньмищъ изгьнани бѫдѫтъ** (**Ассем.**) : **и-сьньмищъ** (Мар., Зогр.) – ’ αποσυνάγωγοι γένωνται [Ходова, 1971: 103–108].

Вариативность затрагивает и передачу предлога διὰ – **за**/ **чре**/ **ради**. (15) Рим. 8:11 Син. 718 **вожиотвори҃, и смертнаѧ тѣла ваша, за въѡбитающаго тогѡ дх҃а въ ва҃** (л. 39) – ζῳοποιήσει καὶ τὰ θνητὰ σώματα ὑμῶν διὰ τοῦ ἐνοικοῦντος αὐτοῦ πνεύματος ἐν υμῖν [Lindsell, 1636: 76]. Син. греч. 472 **вожиотвори҃, и смертнаѧ тѣла ваша, за** [свер-

ху: **чрѣ**; поле: **ради**] **вѡбитающагѡ ~~тогѡ~~** [поле: **егѡ**] **дх҃а въ васъ** (л. 301).

Ср. Библия 1663 г. **ѡживотворитъ и мертвенаѧ тѣлеса вашѧ, живꙋщы дх҃омъ егѡ в҃ васъ** (л. 496 об.); F.I.657 **ѡживотворить и мр҃твенаꙗ телеса ваша живꙋщимъ его дх҃ѡ въ ва** (л. 202 об.); Чуд. **животвори и мр҃твенаꙗ телеса ваша. живоущи ѥго дх҃мь в ва** (103 а).

Нарушение систематического соответствия διὰ – **чрѣ** вызвано, вероятно, сверкой с польским текстом: НЗВ 1593 ten ożywi y ćiáłá wáße śmiertelne dla Duchá ſwoiego w was mießkáiącego (л. 548) – per inhabitatem Spiritum suum. В данном контексте для передачи *per* употребляется не *przez*, а *dla*, что могло повлиять на выбор предлога за в Син. 718. В Син. греч. 472 здесь словоупотребление выровнено по греческому тексту.

Приведем еще один пример исправлений, обусловленных выравниванием НЗЕ по иному греческому тексту: (16) Рим. 8:16 Син. 718 **Самъ бо дх҃ъ съсвѣдитѣствꙋѥ дх҃ови нашемꙋ, ꙗкѡ есмы чада бж҃аѧ** (л. 42) – αὐτὸ γὰρ τὸ πνεῦμα συμμαρτυρεῖ τῷ πνεύματι ἡμῶν ὅτι ἐσμὲν τέκνα Θεοῦ [Lindsell, 1636: 79]. Ср. Син. греч. 472 **самъ [бо] дх҃ъ съсвѣдителствꙋѥ дх҃ꙋ** [выскоблено **-ови**] **нашемꙋ ꙗкѡ есмы чада бж҃аѧ** – αὐτὸ τὸ πνεῦμα ... (л. 301). При перенесении перевода данного стиха в НЗЕ убирается частица **бо**, так как она отсутствует в параллельном греческом тексте. Отсутствует эта частица и в других церковнославянских источниках: Библия 1663 **Самый дх҃ъ послꙋшествꙋетъ дх҃ови нашемꙋ, ꙗкѡ есмы чада бж҃їѧ** (л. 496 об.); F.I.657 **самыи дх҃ъ съпослоушествоуеть. дх҃ови нашемоу ꙗко есмы чада бж҃їа** (л. 202 об.); Чуд. **са дх҃ъ послоушствоуѥ дх҃у наму. ꙗко ѥсмъ чада бы҃а** (л. 103 а).

Следует отметить при этом, что частица имеется и в НЗВ 1593: ***Abowiem*** tenże Duch / poſwiadcza duchowi náßemu iżeſmy ſą ſynámi Bożymi (л. 548) – Ipse enim Spiritus testimonium reddit una cum spiritu nostro quod sumus filii Dei.

Текстологическая разница между ТПЕ и НЗЕ, обусловленная разницей источников, отражается и в Рим. 7:4 (16): Син. 718 **Тѣм же, братіе мои, ѹмертвистесѧ и вы ꙁаконꙋ чрѣ тѣло хв҃о, въ еже быти вамъ дрꙋгомꙋ и мертвы въкрешенномꙋ** (л. 32–32 об.) – ὥστε, ἀδελφοί μου, ἐθανατώθησε καὶ ὑμεῖς τῷ νόμῳ διὰ τοῦ σώματος τοῦ Χριστοῦ, εἰς τὸ γενέσθαι ὑμᾶς ἑτέρῳ τῷ ἐκ νεκρῶν ἐγερθέντι [Lindsell, 1636: 61].

Ср. Син. греч. 472 **тѣмже, братїе мои, и вы ꙋмертвистесѧ ꙁаконꙋ чреꙁъ тѣло хво, во еже быти вамъ мꙋжꙋ** [сверху глосса **чю**] **дрꙋгомꙋ** [сверху глосса **чю**] **и мертвы въкрешенномꙋ** – ὥστε, ἀδελφοί μου, καὶ ὑμεῖς ἐθανατώθησε τῷ νόμῳ διὰ τοῦ σώματος τοῦ Χριστοῦ, εἰς τὸ

γενέσθαι ὑμᾶς ἀνδρὶ ἑτέρῳ τῷ ἐκ νεκρῶν ἐγερθέντι (л. 299 об.). Разница в порядке слов между ТПЕ и НЗЕ обусловлена разницей их греческого оригинала. Тем же, по всей вероятности, объясняется и разница в чтении **дрꙋгомꙋ** : **мꙋжꙋ дрꙋгомꙋ**. При этом наличие в Син. греч. 472 помет показывает, что вариант НЗЕ **мꙋжꙋ** является результатом сверки не только с другим греческим текстом, но и с Чуд.: **ꙗко бра҃е моꙗ. и вы оумросте ꙁаконоу телеси ради хва҃. въ ѥже быти моужю дроугомоу. ѿ мертвы въскрсъшемоу** (л. 102 б).

Отсутствие данного чтения в ТПЕ значимо, кроме того, еще и потому, что его нет в основном тексте НЗВ 1593. При этом оно добавлено в маргиналии, что отражает сверку НЗВ 1593 г. с греческими источниками, его содержащими: A tákże bráćia moi y wy ieſteſcie umartwieni zakonowi przez ćiáło Chriſtuſowe: ábyśćie ſię sſtáli * inβego ktory powſtał z martwych. На поле глосса *mężá G. (л. 544) – Itaque, fratres mei, et vos mortificati estis legi per corpus Christi, ut sitis alterius, eius qui ex mortuis suscitatus est. При этом выбор лексемы **ꙋмертвистесѧ** в ТПЕ также обнаруживает сходство с польским.

Следует отметить, однако, что пропуск данного сущ. имеет здесь и Библия 1663: **Тѣмъ же, братїѧ моѧ, и вы оумросте ꙁаконꙋ тѣломъ хр҃товым҃, во еже быти вамъ иномꙋ воставшемꙋ иꙁ мертвыхъ** (л. 496 об.). Это соответствует пропуску данной лексемы в части греческих источников [Nestle-Aland, 1994: 420]. Однако ее чтение отличается в другом пункте (**иномꙋ**). Тот же пропуск в соединении с чтением имеет и афонская редакция: F.I.657 **тѣм же братїе моѧ, и вы оумросте ꙁаконꙋ тѣлѡ хв҃ѣмь. еже быти ва иномоу иже ѿ мр҃твы въставшоу** (л. 201 об.).

Среди вклеек Син. греч. 472, содержащих выписки из произведений, использовавшихся при переводе НЗЕ, имеется несколько фрагментов, в которых представлены толкования к Посланиям, взятые из рассматриваемого перевода Епифания.

Рим. 13:13 Син. греч. 472 **ꙗкѡ во дн҃и бл҃гоѡбраꙁнѡ проходимъ** [глосса поверх слова: **ѡбидѣмъ**]. **не пѣсними и пїанствы**[14]. На поле вклейка: κῶμος **есть с҃ піанство и ꙋкориꙁною пѣсни**. ρѡ: 13:13. **Гала**, 5:21 (л. 308 об.). Ср. Син. 718 **ꙗкѡ въ дн҃и бл҃гоѡбраꙁнѡ проходѣмъ** <...> **не пѣсними и пиѧнствы** – Ὡς ἐν ἡμέρᾳ εὐσχημόνως περιπατήσωμεν, μὴ κῶμοις καὶ

[14] Синодальный перевод: Как днем, будем вести себя благочинно, не предаваясь ни пированиям и пьянству (http://bible.in.ua/underl/RSV/r.htm#63;013 (дата обращения 21.12.2016).

μέθαις [Lindsell, 1636: 132–133]. В толкованиях читается: Κῶμος **во есть с҆ піанство҃м и ѹкоризною пѣсни** (л. 70–71) – Κῶμος γάρ ἐστι τὰ μετὰ μέθης καὶ ὕβρεως ᾄσματα [Lindsell, 1636: 133] [15]. Характерной чертой манеры переводчика является здесь наличие непереведенного вкрапления. Отметим, что подобные непереведенные греческие вкрапления оставляет в своих переводах-редактурах не только Епифаний Славинецкий, но и Евфимий Чудовский. В Лексиконе соответствием греч. κῶμος является не только **пиръ** *convivium*, **ѹчрежденіе** *comessatio*, но и **піанство** *ebrietas*. В этой же статье упомянут еще **Бг҃ъ пированій Кѡмо҃с** Comus (Син. греч. 383, л. 422 об.). То же вкрапление отмечается еще в Гал. 5: 21 (на что указано в отсылке): Син. греч. 472 **зависти ѹбійства, пїянства, кѡми и подобная симъ** – φθόνοι, φόνοι, μέθαι, κῶμοι καὶ τὰ ὅμοια τούτοις. На поле глоссы: **пиршества пѣсни** (л. 355).

От двух рассматриваемых источников существенно отличается чтение Библии 1663: **ꙗкѡ во днѣ бл҃гообразнѡ да ходимъ, не коѹлогласованїи и пїанствы** (л. 498 об.). В лексическом отношении оно ориентировано на предшествующие редакции, ср. Чуд. **ꙗко во дни бл҃гообразно ходи҃м. не козлогл҃сованьи. ни пьꙗньствы** (106 а); F.I.657 **ꙗко въ дн҃е бл҃гоѡбразно да ходимъ. не козлогл҃сованїи и пїаньствы** (л. 208). В грамматическом отношении источники различаются подходом к переводу аористного конъюнктива περιπατήσωμεν, выражавшего вероятное действие в будущем. Чтение Библии 1663 в данном фрагменте полностью совпадает с чтением Острожской Библии и основано в конечном итоге на варианте афонской редакции, характерной чертой которого является наличие частицы **да** при глаголе (**да ходимъ**). Практика Острожской Библии подобна в данном случае практике Лаврентия Зизания, для которого значение будущего времени связывается с употреблением при глаголе частицы **да** (в частности, *да освятится* при переводе аористного императива ἁγιασθήτω, который интерпретируется как осуществление прошения в будущем времени) [Кравец, 1991: 253–254]. В свою очередь ТПЕ и НЗЕ возвращаются к традиции, представленной, в частности, в Чуд.

Каково отношение перевода Епифания к предшествующей традиции толкового перевода Посланий? Старший перевод толкований на Послания апостола Павла известен в русских списках с XII в. Он восходит к византийской катене на послания, созданной не позднее IX в. Толкования

[15] «Пированием» называется (состояние) в пьяном виде, соединенное с обидами: https://azbyka.ru/otechnik/Feofilakt_Bolgarskij/tolkovanie-na-poslanie-k-rimljanam-svjatogo-apostola-pavla/13 (дата обращения 03.12.2016).

принадлежат различным авторам [Алексеев, 1999: 179; Бобрик, 2011: 54; Пентковская и др., 2011: 30].

В славянской традиции выделяется также группа рукописей (старшая из них – болгарский Апостол из собрания афонского монастыря Каракалл, № 294, XII–XIII вв.), содержащих катену на Павловы Послания, так называемые Loci Selecti, компиляция которых приписывается Иоанну Дамаскину. Перевод этой катены был осуществлен по крайней мере в объеме 1 Послания к Тимофею [Cleminson, 2009: 49–84]. Он не тождественен толкованиям в старейших рукописях древнейшего перевода, в которых представлен текст 1 Тим: 1–4 – Христинопольском апостоле и апостоле РНБ, Пог. 30 (XIV в.), так что вопрос об их происхождении остается открытым [Бобрик, 2011: 55].

Сопоставление фрагментов показывает текстологическое несходство старшего перевода с переводом Епифания Славинецкого[16], который тщательно следует изданию греческого текста толкований Феофилакта Болгарского. Для сопоставления в первую очередь привлекается сравнительно поздний список старшего перевода, приближенный ко времени переводческой деятельности чудовских книжников[17].

Так, в списке РГБ, ф. 304.I № 118 XVI в. (далее – ТСЛ 118) в Рим. 13:13 читается следующий пассаж: **ꙗко въ дн҃е бл҃гообразно ходимъ. не козлогласованїими. ни пїаньствїими** <...> **Не не пити но безмѣрное Ставлѧѥ**т (л. 215 об.)[18] – ср. εἰπὼν δὲ μὴ κώμοις καὶ μέθαις, οὐ τὸ πίνειν κωλύει, ἀλλὰ τὸ ἀμέτρως [Cramer, 1844, 4: 468]. То же ГИМ, Син. 7 1220 г. (л. 65 в–г). Это толкование не находит опоры в переведенном Епифанием тексте.

Еще одно вкрапление толкований в НЗЕ относится к стиху 1 Кор. 4:13: Син. греч. 472 **аки ѡбчищины мїра быхомъ, всѣхъ ˇѡтренинаˇ доселѣ**. На поле глосса: ˇ**ѡтрень**ˇ (л. 317). К столбцу со славянским текстом подклеен фрагмент толкований: что есть **ѡбчищина; гл҃емое ѡгꙋбство. Єгда скверное нѣчто ѡгꙋбствꙋетъ кто, ѡчищина гл҃ется ѡгꙋбство оно. И ѡтренина тожде ꙗвляѥ**т**. ѡтирати бо гл҃ется ѡгꙋбствовати. Гл҃етъ ꙋбѡ, ꙗкѡ ѡтметатися есмы достойни, и аки гнюство ѥ҆мѣнятися**.

[16] Неполнота сохранившихся источников делает невозможным сопоставление славянского перевода Loci Selecti и перевода Епифания, однако их греческие оригиналы не совпадают.

[17] Известно использование списков XVI в. чудовскими переводчиками: так, Евфимий Чудовский редактировал русский список XVI в. ГИМ Син. 104, содержащий перевод Андриант Иоанна Златоуста [Турилов, 2001: 410].

[18] http://old.stsl.ru/manuscripts/big.php?col=1&manuscript=118&pagefile=118-0223 (дата обращения 11.12.2016).

Син. 718 **аки ѡбчищины міра быхо**м, **всѣхъ** // **ѡтренина досе**л. На поле глосса: // **ѡтрень**. Толкования: **что есть ѡ**б**чищина; гл҃емое ѡгꙋбство. Єгда бо скверное нѣчто ѡгꙋбствꙋетъ кто ѡчищина гл҃ется ѡгꙋбство оное. И** // **ѡтренина же тожде ꙗвляе**т. **ѡтырати бо гл҃ется ѡгꙋбствовати. Гл҃е**т **ꙋбо, ꙗкѡ ѡтметатисѧ есмы достойни, " аки гнюство ѥ҆мѣнѧтисѧ, не вамъ единимъ, но всемꙋ мірꙋ, и всѣмъ чл҃вкѡ**м. На поле глосса // **ѡтре**нь (л. 103) – Ὡς περικαθάρματα τοῦ κόσμου ἐγενήθημεν, πάντων περίψημα ἕως ἄρτι]. Τί ἐστι τὸ περικάθαρμα; Τὸ λεγόμενον ἀποσπόγγισμα. Ὅταν γὰρ ῥυπαρόν τι ἀποσπογγίσῃ τις, περικάθαρμα λέγεται τὸ ἀποσπόγγισμα ἐκεῖνο. Καὶ τὸ περίψημα δὲ τὸ αὐτὸ δηλοῖ. Περιψᾶν γὰρ λέγεται τὸ περισπογγίζειν. Φησὶν οὖν, ὅτι τοῦ ἀπορῥίπτεσθαί ἐσμεν ἄξιοι, καὶ ὡς βδέλυγμα λογίζεσθαι, οὐχ ὑμῖν μόνοι; ἀλλὰ παντὶ τῷ κόσμῳ, καὶ πᾶσιν ἀνθρώποις [Lindsell, 1636: 196][19].

В Лексиконе Епифания греч. perik)ayarma соответствует несколько синонимов (**пречищина**, **сметіє**), среди которых на первом месте находится **ѡчищина** *purgamentum* ‘сор, мусор, грязь’ (л. 551 об.). В латинском тексте здесь читается Quid vero est “purgamentum”? [Lindsell, 1636: 196]. Возможно, дополнительное влияние на выбор эквивалента при переводе мог оказать латинский текст толкования. Однако основным фактором выбора лексемы явилось стремление к точному поморфемному соответствию греческому слову: приставки **ѡ** / **ѡб** калькируют греческую приставку περι-. Отметим, что в русских западных и северо-западных говорах отмечаются следующие варианты: сущ. *обчисток* (м.р.) ‘очищенный, обработанный лен’ (Псков., Осташк, Тверск., 1855), глаголы *обчищивать* ‘очищать’ (Медвежьегорск, КАССР, 1970 г.) и *обчищаться* ‘терять сухие ветки весной (о елке)’ (Смоленск., 1914) [СРНГ, 1987, 22: 266, 267]. Одним из способов перевода περίψημα в Син. греч. 383 является **ѡтреніє**, однако вариант **ѡтренина** не зафиксирован (л. 559). В латинском тексте комментария здесь находится грецизм *peripsema* [Lindsell, 1636: 196]. Наконец, соответствием для ἀποσπόγγισμα в Лексиконе является **ѡгꙋбство** и **ѡгꙋбина** *sordes spongia detersa* (л. 113). Ср. в латинском переводе данного фрагмента: Sordes quae spongia absterguntur [Lindsell, 1636: 196] – ‘грязь,

[19] 1 Кор. 4: 13 «Мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый доныне. Что такое «сор»? Все, что выметается или стирается как негодное. Так, если кто скверное что-либо стирает губкой, называют сором. Это же значит и «прах, всеми попираемый»; ибо попирать тоже, что обратить губкой. Итак, апостол говорит: мы достойны того, чтобы нас отвергали и почитали за сор не только вы, но весь мир и все люди...» http://azbyka.ru/otechnik/Feofilakt_Bolgarskij/tolkovanie-na-pervoe-poslanie-k-korinfjanam/4 (дата обращения 06.12.2016).

которую вытирают губкой’. По всей вероятности, здесь мы имеем дело с тем же стремлением к поморфемной передаче греческого слова, поскольку латинский эквивалент в словарной статье всего один.

Лексема βδέλυγμα передается в Лексиконе как мерзость *abominatio*, **смра**д *foetor*, **гнюство**, **гнюсъ** *execratio*[20](л. 153). В латинском тексте в соответствующем месте читается ac veluti abominationi habendi [Lindsell, 1636: 196]. Существующие исторические словари варианты **гнюство** и **гнюсъ** не фиксируют (см., однако, отсылку **гнюшатисѧ** в [СДРЯ XI–XIV вв., II: 341]). Вариант *гнюсъ* ‘гнус’ отмечен в словаре В. Даля [Даль, 1995, I: 363].

Таким образом, в Лексиконе отыскиваются практически все варианты, употребленные Евфимием в переводе толкований. Своеобразие словоупотребления Евфимия наглядно демонстрирует сопоставление данного фрагмента с предшествующей традицией перевода: ТСЛ 118 **ꙗко ѻтрѣби всемоу мироу быхомъ. всѣмъ попранїе** (л. 238 об.). В толкованиях читается: **севирїанꙋ: Ꙗко гноусъ нѣкыи и гнои ѿ домоу изверженъ. и ѕабьвенъ. быхомъ ѿ всѣх оумалѧеми и хоулими. и есмы всѣмъ ѡтрѣбѣ. всѣх чл҃къ ѿложьшесѧ х҃а ради** (л. 239)[21] – Σευηριανοῦ. Ἀντὶ τοῦ αποψήγματα, ὥσπερ ἀποσαρώματα καὶ κόπρος ἐξ οἴκου ἀποκαθαρθέντος λειφθεῖσα γεγόναμεν, ἀπὸ πάντων εὐτελιζόμενοι· καὶ ἐσμὲν πάντων ἀποκαθάρματα, πᾶσιν ἀνθρώποις ὑποτιθέντες ἑαυτοὺς διὰ Χριστόν [Cramer, 1844, 5: 86]. Тот же текст с небольшими разночтениями находится и в Син. 7 (л. 94 г).

Библия 1663 г. и остальные источники дают вариант перевода, совпадающий с толковой традицией: **ꙗкоже ѻтрѣби мірꙋ быхом҃, всѣмъ попранїе доселѣ** (л. 507); Острожская Библия: **ꙗкоже ѻтрѣбы мирꙋ быхомъ всѣмъ попранїе доселѣ** (с. 1805); Чуд. **ꙗко ѻтрѣби мироу быхо**м҃. **всѣмъ попраныѥ доселѣ** (109 г); F.I.657 **ꙗко ѡтрѣби мирови быхомъ, всѣмъ попранїе доселѣ** (л. 214).

Третий фрагмент толкований читается в Син. греч. 472 в 1 Кор. 7:18: **ѡбрѣѕанъ** [сверху помета **чю**д] **ли кто приѕвасѧ; да не привлачаѥ**т [сверху над подчеркнутым: **торг**]. На поле глосса: **навлачи́тъ**. Ниже на поле вклейка: **ѳеофилактово. многи стыдящеся ѡбрѣѕанїя, чрѣ**з **нѣкое врачество, на ветхꙋю привъвождахꙋ ѡбрѣѕанꙋю часть привлачаще кожꙋ** (л. 320). Ср. Син. 718 **ѡбрѣѕанъ ли кто приѕвасѧ, да не привлачаѥ**т –

[20] Последнее латинское слово написано по затертому другими чернилами.

[21] http://old.stsl.ru/manuscripts/big.php?col=1&manuscript=118&pagefile=118-0246 (дата обращения 12.12.2016).

περιτετμημένος τις ἐκλήθη, μὴ ἐπισπάσθω. В толковании к этому стиху читается: **подобно бѣ многимъ стыдѧщисѧ ѡбрѣзанїѧ, чре҃ нѣкое врачество, на ветхꙋю привъводити ѡбрѣзанꙋю часть привлачающимъ кожꙋ** (л. 115) – Εἰκὸς ἦν πολλοὺς αἰσχυνομένους τῇ περιτομῇ, διά τινος ἰατρείας, ἐπὶ τὸ ἀρχαῖον ἐπανάγειν τὸ ἐμπερίτομον μόριον, ἐπισπωμένους τὸ δέρμα [Lindsell, 1636: 217][22]. Сопоставление показывает, что фрагмент толкования подвергся при перенесении в Син. греч. 472 некоторой перестройке, которая выражается в устранении первой части фразы и замене инфинитива на личную форму глагола. Глагол **привлачаю** *attraho* является первым соответствием для ἐπισπάω в Син. греч. 383 (л. 48).

Библия 1663 **Во ѡбрѣзанїи ли кто призванъ бысть, да не ѿторгнетсѧ** (л. 507 об.). То же в Острожской Библии (л. 34 об.). Это чтение восходит к афонской редакции: F.I.657 **ѡбрѣзанъ ли кто призванъ бы. да не ѿтръгнетсѧ** (л. 216). Ср. Чуд. **обрѣза кто призва да не обращаютсѧ** (л. 110 г).

Толкования древнейшего перевода, как и в других случаях, не сходны с ТПЕ, ср. ТСЛ 118 **обрѣзанъ кто призванъ бы. да не обращаетсѧ <...> Пакы вѣща. обрѣзанъ ли призванъ еси. не сꙋмнисѧ:- Обычаи бо нѣ ѿ коего послоꙋженїа мощи въ первое възити обрѣзанїе** (л. 247 об. – 248)[23] – ср. Οἰκουμενίου. Εἰκὸς γὰρ ἀπό τινος θεραπείας δύνασθαι εἰς τὸ ἀρχαῖον ἐπανελθεῖν τὴν περιτομήν... [Cramer, 1844, 5: 139]. То же Син. 7 (л. 104 в).

Таким образом, перевод Епифания не сверялся с предшествующим толковым переводом Посланий и был выполнен с нового греческого оригинала – современного переводчику издания, появление которого ненамного отстояло от времени выполнения перевода.

Материал позволяет сделать следующие выводы. Перевод толковых Посланий апостола Павла был сделан после 1636 г. (время появления лондонского издания греческого текста), но до появления НЗЕ, работа над которым была прервана смертью Епифания Славинецкого в 1675 г. Вероятнее всего, перевод толковых Посланий явился первым этапом ра-

[22] «Вероятно, многие, стыдясь обрезания, каким-нибудь лекарством приводили обрезанный член в первобытный вид, наращивая на нем кожицу» (цит. по: ttps://azbyka.ru/otechnik/Feofilakt_Bolgarskij/tolkovanie-na-pervoe-poslanie-k-korinfjanam/7).

http://old.stsl.ru/manuscripts/medium.php?col=1&manuscript=118&pagefile=118-0255 (дата обращения 03.12.2016).

[23] http://old.stsl.ru/manuscripts/big.php?col=1&manuscript=118&pagefile=118-0255. Дата обращения 21.12.2016.же.

боты над Новым Заветом, который пришелся на начальный период деятельности Епифания Славинецкого в Москве (с 1649 г.), подобно тому как первым этапом переводческой практики Максима Грека стало дополнение толкований на Деяния св. апостолов (1519 г.)[24]. Епифаний Славинецкий переводил не только толкования (как это сделал в свое время Максим Грек для Толковых Деяний), но и существенно переработал сам текст Посланий. Фактически его текст является полным новым переводом Посланий, от которого до нас дошел фрагмент в рукописи Син. 718, написанной самим Епифанием. Этот перевод не основан на предшествующих версиях толкового Апостола, так как выполнен с иного греческого оригинала. По всей вероятности, основной текст Апостола сверялся предшествующими церковнославянскими редакциями (Чудовской и афонской), на что указывают случаи совпадения отдельных переводческих решений с этими источниками. Не исключено, что к работе привлекался польский Новый Завет в переводе Якуба Вуйка по изданию 1593 г., однако вопрос этот еще нуждается в дальнейшем исследовании. Вопрос о том, использовал ли Епифаний Библию 1663 г., или, наоборот, в Библию 1663 г. вошли чтения перевода Толковых Посланий, зависит от хронологический последовательности этих двух переводов. Оба перевода – ТПЕ и Библия 1663 в ряде вариантов – демонстрируют совпадения с материалом, представленного в мультиязычном Лексиконе Епифания (Син. греч. 383). Общие для ТПЕ и Библии 1663 г. могут объясняться использованием в обоих случаях данных Лексикона. Привлечение словаря при переводе – черта, свойственная Новому времени.

В 1673 г. по постановлению Поместного Собора начинается новое исправление Библии. Вначале основной текст из переведенного Епифанием Толкового Апостола, освобожденный от толкований, был перенесен в НЗЕ. Такая практика известна из более ранней славянской традиции. Например, при создании Геннадиевской Библии в этот библейский свод было включено несколько толковых переводов разного времени, из которых были изъяты толкования (Песнь Песней, Пророки, Апокалипсис), при-

[24] Предположение о том, что работы над переводом Нового Завета начали осуществляться Епифанием Славинецким и коллективом книжников уже в 50-е годы XVII в. (при патриархе Никоне), то есть практически сразу по прибытию Епифания в Москву, было высказано Т.А. Исаченко при анализе косвенных источников, цитированных в трактате «На оглаголающих Священную Библию», автором которого является Евфимий Чудовский [Исаченко, 2015: 9]. Рукопись Син. 718, содержащая епифаниевский перевод толковых посланий, является прямым (непосредственным) источником, подтверждающим эту гипотезу.

чем фрагменты толкований, не опознанных как таковые, были ошибочно помещены в основной текст [Алексеев, 1999: 37, 198].

Именно этот перевод Епифания потом редактировался остальными участниками справы. В частности, к нему (возможно, Евфимием Чудовским) были добавлены аргументы перед главами, переведенные по польскому изданию Нового Завета 1593 г. Я. Вуйка. В отредактированном тексте (Син. греч. 472) появляются киноварные ссылки на славянские источники (Чуд.), изменяется югозападнорусский (и шире – западный) пособ оформления глосс на способ, свойственный московской традиции. Исправления, затрагивающие уровень языка, направлены на выравнивание перевода по греческому тексту, помещенному в Син. греч. 472. Они не являются кардинальной переработкой уже существовавшего перевода. Евфимий Чудовский, правивший переводы своего учителя, и здесь выступает в роли редактора. Эти работы производились, по всей вероятности, в 1680-е гг. (время составления Син. греч. 472 и 473) [Исаченко, 2015: 164–165, 206]. При работе над НЗЕ использовались те же источники, что и при переводе Толковых Посланий. Эти источники, в отличие от ТПЕ, частично указывались в самом тексте. При этом в НЗЕ использовался не только основной текст толкового перевода, но и выписки из самих толкований.

Рукопись Син 718 фактически является еще одним, и более ранним, чем Син. греч. 472 и 473, источником сведений о справе, известной под названием НЗЕ.

Список литературы

Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.

Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе с иллюстрациями. Т. 8. М., 1992.

Бобрик М.А. Толковый Апостол в Великих Четьих Минеях: два списка – две редакции // Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2010–2011). М., 2011. С. 52–102.

Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. 2. Ч. 1. М., 1857.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Репринт. изд. Т. I–IV. М., 1995.

Исаченко Т.А. Переводная московская книжность. Митрополичий и патриарший скрипторий XV–XVII вв. М., 2009.

Исаченко Т.А. Вера и противление в ответах и обличениях 80–90-х гг.

XVII в. Новые библейские переводы в филологических школах XVII в. М., 2015.

Кравец Е.В. Книжная справа и переводы Максима Грека как опыт нормализации церковнославянского языка XVI в. // Russian linguistics. 15 (1991). P. 247–279.

Пентковская Т.В., Индыченко А.А., Федорова Е.В. К изучению толковой традиции домонгольского периода: Апостол и Евангелие с толкованиями // Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2010–2011). М., 2011. С. 30–51.

Пентковская Т.В. Толковый Апостол в переводе-восполнении Максима Грека и в среднеболгарском переводе: принципы и характер работы над текстом // Круги времен: В память Е.К. Ромодановской. Т. 2. М., 2015. С. 209–220.

Пентковская Т.В. Новый Завет в переводе книжного круга Епифания Славинецкого и польская переводческая традиция XVI в.: перевод аргументов к Апостолу // Русский язык в научном освещении. 2016. № 1. С. 184–229.

Пичхадзе А.А. Библия. Переводы на церковнославянский язык // Православная энциклопедия. Т. V. М., 2009. С. 139–147.

Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. I–. М., 1988–.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М., 1975–.

Словарь русских народных говоров. Вып. 22. Обвивень – Одалбливать. Л., 1987.

Турилов А.А. Андрианты // Православная энциклопедия. Т. II. М., 2001. С. 410.

Турилов А.А. Переводы сочинений Григория Богослова на славянский язык до XIX в., рукописная и старопечатная традиция / Григорий Богослов // Православная энциклопедия. Т. XII. 2010. С. 668–712 (см.: http://www.pravenc.ru/text/166811.html).

Ходова К.И. Падежи с предлогами в старославянском языке. М., 1971.

Cleminson R. A Slavonic Translation of the Loci Selecti of St John Damascene // Scripta & e-Scripta 2009, 7. С. 49–84 (см: https://www.ceeol.com/search/article-detail?id=132559).

Theophylacti archiepiscopi Bulgariae in d. Pauli epistolas commentarii: Studio et curae Reverendissimi Patris, Domini Augustini Lindselli, Episcopi Herefordensis, ex antiquis Manuscriptis Codicibus descripri, et castigati, et nunc primum Graece editi. Cum Latina Philippi Montani versione, ad Craecorum exemplarium fidem restituta. Londini, M.DC.XXXVI.

Nestle-Aland. Novum Testamentum Graece et Latine. Textum Graecum post Eberhard et Erwin Nestle communiter ediderunt Barbara et Kurt Aland, Johannes Karavidopoulos, Carlo M. Martini, Bruce M. Metzger. Stuttgart, 1994.

Сведения об авторе: Пентковская Татьяна Викторовна, докт. филол. наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: pentkovskaia@gmail.com

Е.В.Федорова

Настоящее историческое в древнейшем переводе Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского (на примере Евангелия от Марка)

В статье рассматриваются особенности функционирования настоящего исторического в первом переводе Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского (ТЕ-1). Почти все формы настоящего исторического представлены в ТЕ-1 глаголами несовершенного вида (98,3%), и в большинстве случаев они имеют событийное значение (87,6%), то есть передают законченные, последовательно сменяющиеся действия. Это характерно для книжных памятников строгой нормы и значительно чаще встречается в более поздних текстах, тогда как вплоть до к. XIII в. переносное употребление презенса крайне редко. Древнейший перевод ТЕ-1 был выполнен до 1117 г., однако показывает похожие результаты с чудовской редакцией Нового Завета XIV в., которая считается одним из первых памятников на восточнославянской территории, содержащих последовательное употребление именно событийного настоящего исторического.

Ключевые слова: первый перевод Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского, настоящее историческое, особенности домонгольских переводов с греческого.

The aim of the paper is to consider peculiarities of praesens historicum in the first translation of The Gospels with commentaries by Theophylact of Bulgaria (GTB-1). The most of praesens historicum are presented by verbs in imperfective aspect (98,3%) in The GTB-1 and in most of cases (87,6%) they are used in value of perfective aspect (event value). Such usage of the forms is characteristically for a literary monuments of the strict linguistic norm, but it is uncommon for texts written before end of the 13th century. The GTB-1 was written before 1117. However, usage of praesens historicum there looks similar to the Chudovsky redaction of the New Testament, which was written in the 14th century and is known as one of the first literary monuments in the East Slavic territory where praesens historicum was used in this way.

Key words: the first translation of The Gospels with commentaries by Theophylact of Bulgaria, praesens historicum, peculiarities of premongolian translations from Greek.

Употребление презенса в значении прошедшего времени достаточно частотно для греческого текста Евангелия. Так, например, глагол ἔρχομαι выступает в качестве praesens historicum в Евангелии от Марка 24 раза[1]

[1] В качестве источника греческого текста Евангелия от Марка привлекалось

(это формы 3-го л. ед. и мн. ч. наст. вр.: ἔρχεται (11 раз) и ἔρχονται (13 раз), а глагол говорения λέγω, вводящий прямую речь в форме настоящего исторического, только в 3 л. ед. ч. встречается 58 раз. Однако в старославянских памятниках зафиксировано лишь несколько случаев употребления настоящего исторического: Мф. 22:16 в Мариинском, Ассеманиевом и Остромировом Евангелиях, Мк. 15:16 в Ассеманиевом и Остромировом и Ин. 1:29 в Зографском Евангелии [Бондарко, 2005: 569]; более частотна данная форма для Супрасльского сборника – там отмечается 28 случаев употребления praesens historicum [Дограмаджиева, 1966: 122–128]. Более поздние переводные тексты к. XI–XII вв. также исчерпываются единичными случаями употребления настоящего исторического: так, в восточнославянском переводе конца XI в. Жития Василия Нового греческие формы praesens historicum в большинстве случаев передаются формами аориста, лишь изредка калькируясь в тех случаях, когда они вводят прямую речь [Уржа, Пентковская, 2013: 174]; в русских списках древнейшего славянского перевода Пандект Никона Черногорца, выполненного не позднее конца XII в., отмечаются редкие формы презенса в соответствии с греческим praesens historicum, причем заменяющиеся аористом в сербских списках [Пичхадзе, 2006: 64–65].

В более поздней славянской переводческой традиции тексты характеризуются более последовательным употреблением настоящего исторического в связи с установкой буквализма новых переводов с греческого на различных уровнях языка [Уржа, Пентковская, 2013: 175]. Так, устойчивым признаком чудовской редакции Нового Завета, появившейся в XIV в., является систематическое употребление форм настоящего исторического в соответствии с формами praesens historicum греческого текста [Пентковская, 2009: 112]. В частности, формы настоящего исторического от глагола ἔρχομαι в тексте ТЕ от Марка чудовской редакции калькируются 23 раза из 24 (подсчитано по изданию [Воскресенский, 1894: 111–397]).

Однако существует особая редакция евангельского текста, возникшая не позднее начала XII в., в которой также встречается употребление презенса в значении прошедшего времени, – это древнейший перевод Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского (далее – ТЕ-1). Наличие в данном тексте спорадических форм praesens historicum отмечалось в [Пентковская, 2009: 135]. Но при ближайшем рассмотрении данные формы

изд.: The New Testament in the Original Greek: Byzantine Text Form / Compiled and arranged by M.A. Robinson and W.G. Pierpont. 2005 (Bibleworks, BYZ).

оказываются в далеко не окказиональном употреблении: действительно, в евангельском тексте они крайне редки, зато в толкованиях они регулярно возникают на месте греческих форм praesens historicum.

Для анализа были привлечены две рукописи первой редакции ТЕ-1 – ТСЛ 109 и РГАДА 331 (далее – ТЕ-1a) – и рукопись ТСЛ 108, представляющая вторую, более позднюю редакцию ТЕ-1 (далее – ТЕ-1b).

Почти все формы настоящего исторического представлены в ТЕ-1 глаголами несовершенного вида. Формы НСВ в praesens historicum могут употребляться в двух значениях: собственно в значении несовершенного вида (так называемое имперфектное настоящее историческое [Падучева, 2010: 288], или процессное настоящее историческое [Горбунова, 1998: 251]), и в значении совершенного вида (событийное настоящее историческое [Падучева, 2010: 288]). Большинство форм НСВ настоящего исторического в ТЕ-1 употребляется в событийном значении (87,6% в ТЕ-1 от Марка). Кроме того, событийное значение настоящего исторического в ТЕ-1 от Марка пять раз передается формами СВ, например:

1) Мк. 14: 26–31 (толк.) Προφητεύει δὲ αὐτοῖς ὅτι καὶ σκανδαλισθήσονται. ([Христос] предсказывает ученикам, что и они соблазнятся.) – 109 прорнчет же нмь ꙗко соблазнтс (л. 311) – 108 прорнчѐ (л. 338 об.);

2) Мк. 6:30–33 (толк.) ὅμως οὐδ’ ἐνταῦθα λανθάνει τοὺς ζητοῦντας αὐτόν (Однако и здесь не укрывается от искавших Его) – 109 но ѡбꙑ нн тоу оутантс нцюцнѝ его (л. 248) – 108 оутантс (л. 285).

С одной стороны, это, на первый взгляд, отличает ТЕ-1 как от старославянских памятников, где все случаи употребления praesens historicum представлены исключительно глаголами НСВ в событийном значении [Бондарко, 2005: 569], так и от восточнославянских текстов высокой степени книжности (от самых ранних и вплоть до XVII включительно), где настоящее историческое также передается только формами НСВ в событийном значении [Новикова, 2016: 144]. С другой стороны, второй вариант функционирования настоящего исторического, характерный уже для ранних некнижных древнерусских текстов – когда практически все формы настоящего исторического НСВ имеют процессное значение, а событийное значение передается глаголами СВ [Мишина, 1998: 252], [Новикова, 2016: 144], – полностью противоположен ситуации, представленной в ТЕ-1. Можно сказать, что ТЕ-1 – первый известный памятник высокой степени книжности, в котором фиксируются первые единичные нарушения строгого распределения вариантов настоящего исторического.

В ТЕ-1 от Марка надежных примеров употребления настоящего исторического в соответствии с греческим praesens historicum для евангельского текста всего два:

1) Мк. 3: 13 Καὶ ἀναβαίνει εἰς τὸ ὄρος, καὶ προσκαλεῖται οὓς ἤθελεν αὐτός (‘Потом всходит на гору и призывает к Себе, кого Сам хотел’) – ТСЛ 109 н въсходнть на гороу н прнзываеть ꙗже самъ въсхотѣ (л. 228 об.) – 331 н въсходнть на гороу н прнзываеть (л. 159), так же в чудовской редакции [Воскресенский, 1894: 137]; в более поздней редакции ТЕ-1 устраняется: ТСЛ 108 н вꙑде на горꙋ н прнзва (л. 268 об.); кроме того, формы презенса повторяются в толковании на данный стих: Мк. 3: 13–19 (толк.) Ἀναβαίνει εἰς τὸ ὄρος ὥστε προσεύξασθαι (‘Поднимается на гору, чтобы помолиться’) – 109 въсходнть анавенн на гороу ꙗкоже молнтнс (л. 229) – 331 анавенн н҃ въсходнть на гороу҃ ꙗко҃ помолнтнс (л. 159) – ТСЛ 108 въсходн҃ на горꙋ (л. 268 об.).

2) Mк. 7:5 Ἔπειτα ἐπερωτῶσιν αὐτὸν οἱ Φαρισαῖοι καὶ οἱ Γραμματεῖς (‘Потом спрашивают Его фарисеи и книжники’) – ТСЛ 109 ѡ том' же въпрашають н фарнсѣн н кннжннцн (л. 251 об.), форма praesens historicum, в соответствии с греческим текстом, содержится также в чудовской редакции, в остальных – имперфект въпрашаахѫ [Воскресенский, 1894: 214–215], ТСЛ 108 въпрашахꙋ (л. 288).

Кроме того, в ТЕ-1 от Марка встречается два случая, когда форму презенса следует признать неисконной и возникшей в евангельском тексте вследствие ошибки переписчика:

1) Мк. 1: 13 καὶ ἄγγελοι διηκόνουν αὐτῷ – ТСЛ 109 н анг҃лн слоужать емоу (л. 216) – 331 слоужахоу҃ (л. 147 об.) – ТСЛ 108 слꙋжахꙋ (л. 259 об.). В ТСЛ 109 возникает настоящее историческое на месте имперфекта с приращением в более ранней рукописи РГАДА 331, которому в греческом тексте также соответствует имперфект. Скорее всего, в ТСЛ 109 слог был случайно пропущен при переписывании текста. Кроме того, в толковании на этот стих и в греческом тексте, и в славянском переводе также содержится имперфект: Мк. 1: 12–13 (толк.) οἱ δὲ ἄγγελοι διηκόνουν αὐτῷ – ТСЛ 109 анг҃лн бо слоужахоуть емоу (л. 215 об.), поэтому следует предположить, что в славянском протографе евангельский стих содержал имперфектную форму с вторичным приращением –ть, которое частотно для древнейшего перевода ТЕ и возникает преимущественно в позиции перед формами местоимения н ‘он’, и, вероятно, в данном случае послужило основой для пропуска слога.

2) Аналогичная ситуация имеет место в Мк. 15:29:

Мк. 15:29 Καὶ οἱ παραπορευόμενοι ἐβλασφήμουν αὐτόν, κινοῦντες τὰς κεφαλὰς αὐτῶν, καὶ λέγοντες (‘И проходящие злословили Его, кивая головами своими и говоря’) – 109 н мнмохоудщнн хоулть н кнвающе главамн своимн глⷭ҇ще (л. 322) – 331 хоулхоу҆ н (л. 211 об.) – ТСЛ 108 хꙋлхꙋ (л. 348). Настоящее историческое возникает в ТСЛ 109 в соответствии с греческим имперфектом; в толковании на этот стих и в греческом оригинале, и в переводе глагольная форма стоит в форме имперфекта: Мк. 15:29–32 (толк.) ἐβλασφήμουν τὸν Κύριον – ТСЛ 109 хоулхоу гⷭ҇а (л. 322).

Один раз в евангельском тексте ТЕ-1 от Марка форма презенса передает греческий аорист: Мк. 7:10 Μωσῆς γὰρ εἶπε (‘Ибо Моисей сказал’) – 109 мѡнснн бо ре҆ть (л. 252); в остальных редакциях евангельского текста используется форма аориста ρεϊε [Воскресенский, 1894: 218–219]; ТСЛ 108 ре҆ (л. 288 об.); в 331 листы, содержащие Мк. 5: 44 – 7: 30, отсутствуют.

Однако если обратиться к толкованиям, то можно убедиться, что там представлена совсем другая ситуация: если в толкованиях цитируется евангельский стих, содержащий в греческом praesens historicum, то в большинстве случаев в славянском древнейшем переводе также будет употреблен praesens historicum. Все случаи употребления настоящего исторического в ТЕ-1 от Марка можно разделить на группы в зависимости от соответствия / несоответствия греческому praesens historicum.

I. Настоящее историческое и в греческом тексте, и в переводе

I.1. Случаи, когда евангельский стих повторяется в толковании и калькирует греческое настоящее историческое

Таких случаев в тексте толкований ТЕ-1 от Марка встретилось восемь (девять форм на восемь фрагментов). Приведем некоторые из них:

(1) Мк. 9: 2–3 (толк.) Εἰς ὄρος δὲ ὑψηλὸν ἀναφέρει, ἵνα μᾶλλον ἐνδοξότερον εἴη τὸ θαῦμα (Возводит их на высокую гору, чтобы чудо было тем славнее) – 109 на гороу же возводнть высокоу . да па҃ славⷭ҇нѣе боудеть чю҆дⷭ҇ (л. 264) – 108 възводⷭ҇н (л. 298 об.), однако в евангельском стихе Мк. 9: 2 при переводе используется форма аориста: 109 н возⷭ҇веде ꙗ на гороу высокꙋ (л. 264) – 108 вз҃веде (л. 298) – ἀναφέρει. В употреблении аористной формы ТЕ-1 совпадает с древней, преславской и афонской редакциями, и лишь чудовская точно следуют греческому тексту и использует презенсную форму возводⷭ҇н [Воскресенский, 1894: 248–249].

(2) Мк. 14: 12–15 (толк.) Ἀποστέλλει δὲ δύο τῶν μαθητῶν αὐτου (Посылает же двух учеников своих) – 109 посылает‘ же два оучнкь его (л. 308) –

108 посылаѣ (л. 336), однако в евангельском стихе Мк. 14:13 греческая презентная форма передается аористом: Καὶ ἀποστέλλει δύο τῶν μαθητῶν αὐτου (И посылает двух учеников своих) – 109 н посла два ѿ оучнкь свонхь (л. 307 об.) – 108 посла (л. 335 об.). Как и в предыдущем случае, только чудовская редакция содержит форму настоящего времени посылаѣ [Воскресенский, 1894: 348–349].

(3) В Мк. 15: 16–17, в отличие от Ассеманиева и Остромирова Евангелий, в евангельском тексте ТЕ-1 используется цепочка аористов: Мк. 15:16–17 καὶ συγκαλοῦσιν ὅλην τὴν σπεῖραν, καὶ ἐνδύουσιν αὐτὸν πορφύραν, καὶ περιτιθέασιν αὐτῷ πλέξαντες ἀκάνθινον στέφανον (‘и созывают весь полк, и одевают Его в багряницу, и, сплетя терновый венец, возлагают на Него’) – 109 н созваша всю спиρоу н ѡблекоша н в' багрнницоу н возложнша на нь с'плетше тер'новъ венець (л. 319 об.) – 108 съзвавше ... ѡблекоша ... възложнша (л. 346), однако в толковании на данный стих соответствием греческому praesens historicum в славянском переводе являются формы презенса: Мк. 15:16–21 (толк.) Συγκαλοῦσιν οὖν ὅλον τὴν σπεῖραν, ἀντὶ τοῦ, ὅλον τὸ τάγμα, καὶ ἐνδύουσιν αὐτὸν πορφύραν, ὡς βασιλέα παίζοντες· καὶ τὸν στέφανον ἀντὶ διαδήματος, καὶ τὸν κάλαμον δὲ ἀντὶ σκήπτρου παραλαμβάνουσιν (‘они созывают на Него целый полк, или целый отряд, одевают Его для посмеяния в багряницу как царя, терновый венец вместо диадемы, вместо скипетра берут трость’) – 109 съзывають оубо в'сю спїроу . еже есть съборъ н ѡблачат н въ багрнницоу ꙗко цр҃ роугающес . н венець за ѡбѣ цр҃кын . н трость за скнпетръ . понмають (л. 319 об. – 320) – 108 съзываю ... ѡдѣваю ... понмаю (л. 346 – 346 об.)

(4) Аналогичные отношения между евангельским стихом и толкованием представлены в Мк. 15:21: καὶ ἀγγαρεύουσι παράγοντά τινα Σίμωνα Κυρηναῖον (‘и заставляют проходящего мимо некого Симона Киринеянина’) – 109 н ꙗша мнмондоуща нѣкоего снмона кирннѣнꙗ (л. 319 об.) – 108 задѣша (л. 346), однако в толковании на данный стих, как и в греческом тексте, содержится презенсная форма: Мк. 15:16–21 (толк.) ἀγγαρεύουσι δέ τινα – 109 емлют же нѣкоего (л. 320) – 108 емлю (л. 346 об.).

I.2. Настоящее историческое содержится только в толковании – и в греческом текте, и в переводе

Случаев, когда греческие формы настоящего исторического содержатся только в толковании, а в переводе ТЕ-1 им соответствуют формы настоящего времени, в Евангелии от Марка насчитывается 294[2].

[2] Или 293, в зависимости от того, как рассматривать следующий пример: Мк.

Примеров, где в одном контексте содержатся цепочки форм настоящего исторического, на весь текст ТЕ от Марка относительно немного, преобладают единичные употребления форм praesens historicum, так как обычно толкование строится в виде объяснения действий или слов Христа или событий, с ним связанных, которые постоянно прерываются авторскими пояснениями и цитатами из текстов Священного Писания, например:

1) Мк. 8: 22–26 (толк.) Οὐ γνησία δὲ ἦν ἡ πίστις τῶν προσαγόντων, ὅθεν καὶ ὁ Κύριος ἀπάγει τὸν τυφλὸν ἐκ τῆς κώμης, καὶ οὕτως ἰᾶται αὐτόν. Πτύει δὲ εἰς τὰ ὄμματα τοῦ τυφλοῦ, καὶ τὰς χεῖρας ἐπιτίθησιν (Но вера приведших не была чиста, почему Господь и выводит слепого из селения, и потом уже исцеляет его. Он плюет на очи слепого и возлагает на него руки) – 109 не прнсна же вѣра прнвѣшнхь . тѣ҃ н гⷭ҇ь нзводнть слѣпца нзо весн . н тако нсцѣлеть . н плюет же во очн слѣпцоу н возлагаеть роуцѣ (л. 260) – 108 н҃водн҃ ... нсцѣле҃ ... плюе҃ ... възлагае҃ (л. 294 об.).

В приведенном примере формы презенса несовершенного вида представляют однократные, завершенные, последовательно сменяющиеся действия, то есть выступают в значении совершенного вида.

2) Мк. 4: 35–41 (толк.) Συγχωρεῖ οὖν ἐπιγενέσθαι τὸν χειμῶνα· καθεύδει δὲ ἐπὶ τὸ προσκεφάλαιον τὸ τοῦ πλοίου, ξύλινον δὲ πάντως ἦν τοῦτο. Διυπνισθεὶς δὲ, ἐπιτιμᾷ πρότερον τῷ ἀνέμῳ (οὗτος γὰρ ἐστιν ὁ τὴν θάλασσαν αγριαίνειν παρασκευάζων), εἶτα καὶ θαλάσσῃ. Ἐπιτιμᾷ δέ καὶ τοὶς μαθηταῖς, ὡς μὴ ἔχουσι πίστιν (Поэтому [Господь] попускает быть буре. Он спит на корме корабля (она была, конечно, деревянная). Пробудившись, Христос запрещает сначала ветру, так как он бывает причиной морского волнения, а потом [укрощает] и море. Обличает и учеников за то, что они не имели веры) – 109 попоущаеть оубо бытн вѣтроу н спнт҃ же на възглавнн корабл . древно же вско бѣ . възбоуженъ же в҃ско ꙁапрѣщаеть вѣтроу . то бо есть свѣрѣпнтнс морю . сътроѭ . та҃ н морю ꙁапрѣщаеть оучнкомъ же ꙗко не нмоущнмъ вѣры (л. 238) – 108 попꙋщае҃ ... спн҃ ... ꙁапрѣщае҃ ... ꙁапрѣщаеть (л. 276).

10: 41–45 (толк.) ἐπειδὴ δὲ ἐνταῦθα αὐτοὶ ἐκεῖνοι τὴν τιμὴν ᾐτήσαντο, οὐ φέρουσι λοιπὸν οἱ λοιποί (Когда же те два ученика стали сами просить себе почести, прочие уже не могут стерпеть) – 109 а понеже сдѣ сама та утн проснта . не терпть оуже прочее (л. 282 об.) – 331 трьпхꙋ (л. 186 об.) – 108 трьпхꙋ (л. 314). Можно предположить, что в протографе была форма имперфекта с приращением трьпхоуть, а позднее при переписке был пропущен слог перед -ть, и такая форма закрепилась в некоторых рукописях, в том числе и в ТСЛ 109. С другой стороны, именно ТСЛ 109 отражает правильный перевод в соответствии с формой настоящего исторического в греческом тексте, и вторичное чтение может быть представлено именно в 331 и TE-1b.

Формы перфективного презенса попоущаєть, ѕапрѣщаєть (дважды), как и в предыдущем случае, представляют события, следующие друг за другом. При этом форма несовершенного вида спитъ представляет действие в процессе его протекания, то есть выступает в значении процессного настоящего исторического, которое в целом не характерно для ТЕ-1 и встречается в ТЕ от Марка всего 37 раз, в отличие от событийного, представленного 261 примером.

II. Прошедшее время в ТЕ-1 в соответствии с греческим praesens historicum

Несмотря на то что в древнейшем славянском переводе ТЕ praesens historicum является достаточно частотной формой, она не всегда появляется в соответствии с греческим текстом – иногда греческое настоящее историческое может передаваться славянским аористом или имперфектом. Так, на ТЕ от Марка приходится 44 подобных случая. Рассмотрим некоторые из них:

1) Мк. 1: 21–22 (толк.) Πόθεν εἰσπορεύονται εἰς Καπερναούμ; (‘Откуда приходят в Капернаум?’) – 109 ѿкоудоу оубо вʼниндоша вʼ каперʼнаоумъ (л. 217) – 108 вниндоша (л. 258), как и в евангельском стихе Мк. 1: 21 Καὶ εἰσπορεύονται εἰς Καπερναούμ (‘И приходят в Капернаум’) – 109 вʼниндоша вʼ каперʼнаоумъ (л. 217). Дальше в толковании на Мк. 1: 21–22 и в греческом тексте, и в переводе используются формы прошедшего времени: Мк. 1: 21–22 (толк.) 109 егѡ̀ сʼбнрахоус (συνήγοντο – импф.) поунтающе тогѡ̀ вʼнинде (εἰσῆλθε – аор.) оуча і҃с ... оучаше (ἐδίδασκεν – импф.) бо г҃ь ѡбличнѣ ... прещаше (ἠπείλει – импф.) мѵ҃нне́мь (л. 217).

2) Мк. 5: 11–14а (толк.) ὁ δὲ συγχωρεῖ τοῦτο (Он позволяет это) – 109 и ѡнъ же попоустн се (л. 239 об.) – 108 попѹстн (л. 277 об.), однако дальше и в греческом тексте данный глагол следует в форме аориста: Мк. 5:11–14а (толк.) Συνεχώρησε δὲ αὐτοῖς εἰς τοὺς χοίρους εἰσελθεῖν (Позволил им войти в свиней) – 109 попоустн же нмь въ свинниѧ вʼниитн (л. 239 об.) – 108 попѹстн (л. 277 об.).

3) Мк. 8: 22–26 (толк.) Ἐνταῦθα τοίνυν ἐλθόντι τῷ Κυρίῳ, προσάγουσιν αὐτῷ τυφλόν. (По прибытии сюда Господа приводят к Нему слепого) – 109 и ѕʼдѣ же пришѣшоу г҃ви . и привѣдоша ем8 слѣпа (л. 259 об. – 260) – 108 привѣдоша (л. 294 об.). Интересно, что, хотя в евангельском стихе Мк. 8:22 содержится сходная фраза – Καὶ φέρουσιν αὐτῷ τυφλόν (‘И привели к Нему слепого’), – в толковании это не буквальное ее повторение с аористной формой (ТСЛ 109 и привѣдоша к немоу слѣпа (л. 259 об.)), а новый

перевод, калькирующий беспредложное употребление местоимения емоу, однако игнорирующий форму настоящего исторического.

4) Мр.15: 22–28 (толк.) Καὶ μετὰ λῃστῶν δὲ σταυροῦται (И с разбойниками распинается) – 109 с разбоннникома расптс (л. 321 об.) – 108 распша (л. 347 об.). Интересно, что в толковании на Мк. 15:22–28 греч. σταυροῦται в значении перфективного презенса встречается трижды и два раза переводится формами настоящего времени.

Как мы видим, появление в переводе форм аориста / имперфекта на месте настоящего исторического вряд ли вызвано какими-то внешними факторами, лишь в отдельных случаях можно усмотреть влияние соседних форм прошедшего времени. Так, например, глагол ἐρωτάω ‘спрашивать’ в значении перфективного презенса встречается 12 раз, и в ТЕ-1 в сходных контекстах пять раз передается презенсом, пять раз – имперфектом, два раза – аористом, например:

1) Мк. 5: 6–10 (толк.) Ἐρωτᾷ δὲ αὐτὸν ὁ Κύριος, οὐχ ἵνα μάθῃ αὐτὸς (Спрашивает же его Господь не для того, чтобы самому знать) – 109 въпрашает' же н гь не да оувѣсть самъ (л. 239) – 108 въпрашає (л. 277);

2) Мк. 10: 46–52 (толк.) Ἐρωτᾷ δὲ αὐτὸν ὁ Κύριος (Спрашивает же его Господь) – 109 въпрашаше же іс (л. 283 об.) – 108 въпрошашє (л. 315);

3) Мк. 14: 55–61 (толк.) Ὁ δὲ ἀρχιερεὺς ἀναστὰς ἐρωτᾷ τὸν Ἰησοῦν, βουλόμενος εἰς ἀπολογίαν αὐτὸν ἑλκύσσι (Архиерей, восстав, спрашивает Иисуса, намереваясь побудить Его к ответу) – 109 архїерѣн же воста . въпросн іса . хот н ѿвѣ прївестн (л. 315 об.) – 108 въпросн (л. 342 об.).

Кроме того, формы 3-го л. наст. вр. от глагола φημί в ТЕ-1а всегда переводятся аористными формами от глагола вѣцатн, поэтому отдельно они не рассматриваются и в статистику не включаются (при этом за греческой аористной формой εἶπεν закреплена стандартная аористная форма рече). В ТЕ-1b они заменяются аористными формами от глагола рецн. Введением цитат с помощью аориста вѣца ТЕ-1 сближается с некоторыми другими толковыми переводами: первым переводом Толкового Апостола, толкованиями Никиты Ираклийского на 16 Слов Григория Богослова, Толковым Екклесиастом и Толкованиями на Песнь Песней [Алексеев, 1999: 178–179].

III. Настоящее историческое в ТЕ-1 в соответствии с формами прошедшего времени в греческом тексте

Появление настоящего исторического в ТЕ-1 обусловлено следованием греческому оригиналу, однако в ТЕ от Марка есть 8 случаев, когда

формам praesens historicum в славянском тексте соответствуют аорист или имперфект в греческом тексте. Рассмотрим некоторые примеры:

1) Мк. 2: 13–17 (толк.) Ὅσπερ οὖν καὶ ὁ Κύριος ἔφευγε παρὰ τὴν θάλασσαν, καὶ πάλιν ὁ ὄχλος αὐτὸν κατεδίωκεν (‘Вот и Господь только что *удалился* к морю, как народ опять следовал за Ним’) – 109 тѣмъ же оубо н гь бѣгаеть къ морю н пакн народъ гоншеть н (л. 223 об.) – 331 бѣгаше ... гоншеть (л. 155) – 108 бѣгаѣ ... гонше (л. 264). В греческом тексте употреблены два имперфекта, один из которых переводится формой презенса в ТСЛ 109 и в ТЕ-1b. В чудовской редакции Нового Завета также встречаются случаи соответствия настоящего исторического в переводе греческому имперфекту – там это хорошо объясняется влиянием сходных контекстов с соответствующими аористными формами [Пентковская, 2009: 131, 135], однако примеры в ТЕ подобным образом объяснить нельзя.

2) Мк. 7: 31–37 (толк.) Οὐκ ἐμβραδύνει τοῖς τῶν ἐθνικῶν τόποις, ἀλλὰ ταχέως μεθέσταται ([Господь] не медлит в языческих местах, но скоро *удалился* от них) – 109 не медлнт въ ѩзыческы мѣстѣхь . но скоро ѿходнть (л. 255 об. – 256)) – 331 не медьлнт ... ѿходнт (л. 169) – 108 не медлнт ... ѿходнт (л. 291). Форма презенса ѿходнть соответствует греческому аористу μεθέσταται.

3) Мк. 14: 26–31 (толк.) Πρόβατα δὲ τοὺς ἀποστόλους, ὡς ἀκάκους ὠνόμασεν. («Овцами» Он назвал апостолов как людей незлобивых) – 109 овца же аплы именоуеть . ѩко безьзлобны (л. 311 об.) – 331 именоуеть (л. 205) – 108 глеть (л. 339). В переводе настоящее историческое появляется на месте греческого аориста ὠνόμασεν. Стоит отметить, что глагол ὀνομάζω ‘называть’ в значении перфективного презенса в тексте толкований ТЕ от Марка встречается 14 раз и всегда передается презентной формой; вероятно, именно частотность данного глагола и контекстов ‘X называет Y-ом’ позволяет переводчику сходную конструкцию по инерции перевести привычной формой настоящего исторического.

IV. Славянский presens historicum соответствует другим греческим формам

Кроме того, славянский presens historicum может соответствовать другим греческим формам, однако эти случаи немногочисленны. Так, один раз настоящее историческое возникает в ТЕ-1 от Марка на месте греческого прилагательного с предлогом: Мк. 6: 30–33 (толк.) εἰς ἔρημον δὲ τόπον ἀναχωρῶν, διὰ τὸ ἀφιλόδοξον ([Господь] удаляется в пустынное место, не любя славы) – 109 въ поусто мѣсто ѿход . оунть неславолюбню (л. 248) – 108 оунт (л. 285).

Пять раз в тексте ТЕ-1а от Марка форма презенса возникает на месте греческого причастия, причем оно может стоять как в настоящем, так и в прошедшем времени, например:

(1) Мк. 1: 40–42 (толк.) ἀλλ’ ὁ Σωτὴρ <u>δεικνύων</u> ὅτι ἀκαθάρτον οὐδέν ἐστι κατὰ φύσιν <...> ἅπτεται τοῦ λεπροῦ (‘но Спаситель, <u>показывая</u>, что нет по природе ничего нечистого <...> прикасается к прокаженному’)– 109 но сп҃съ <u>ꙗвлѣ</u>т҃ . ꙗко неуто ннуторже не уто е по ествоу <...> касает же с прокаженѣмь (л. 219 об. – 220) – 331 ꙗвлꙗ (л. 151 об.) – 108 вла (л. 260). Форма презенса ꙗвлѣ т҃ передает греческое причастие настоящего времени δεικνύων, которому точно соответствует причастная форма в 331 и ТЕ-1b.

(2) Мк. 7: 31–37 (толк.) Καὶ ἰδὴ κωφὸν μογιλάλον, ἀπὸ δαίμονος δὲ τὸ πάθος ἦν, ἰᾶται. Κατ’ ἰδίαν μὲν αὐτὸν <u>ἀπολαβών</u> (И исцеляет глухонемого, недуг которого был от беса, <u>отведя</u> его в сторону) – 109 глх҃оу же н нѣмоу ѿ бѣсовъ страстн бѣ н нсцѣлеть . ѡсобь же <u>понмаеть</u> (л. 256) – 331 понмаеть (л. 169 об.) – 108 понмаѣ т҃ (л. 291 об.). Греческое аористное причастие ἀπολαβών переводчик ТЕ передает формой презенса понмаеть, которая также сохраняется в ТЕ-1b.

Примечательно, что один раз, под влиянием соседних форм настоящего исторического, в ТЕ-1b на месте греческого аористного причастия также появляется презентная форма – тогда как в ТЕ-1а используется действительное причастие настоящего времени: Мк. 11: 11–14 (толк.) Ἐξέρχεται δὲ εἰς Βηθανίαν· ὅ ἑρμηνεύεται οἶκος ὑπακοῆς. Τοὺς γὰρ ἀνυποτάκτους καὶ σκληροκαρδίους <u>ἀφεὶς</u> Ἰουδαίους, ἐπὶ τοὺς ὑπακούοντας αὐτῷ <u>ἔρχεται</u> μετὰ τῶν μαθητῶν. (Он <u>уходит</u> в Вифанию, что значит дом послушания, ибо, <u>*оставляя*</u> непокорных и жестокосердных, <u>идет</u> теперь с учениками к послушным Ему) – 109 <u>в҆ходнт҆</u> же в҆ внфанїю . нже толкоуетс домъ послоушанїа . непокорлнвыꙗ оубо н жестосердыꙗ ѡставль юудѣꙗ . н въ послоушающа его <u>ндеть</u> со оучнкы (л. 286) – 331воходнть ... ѡставль ... ндеть (л. 189) – 108 входн҃ ... <u>оставлѣ</u> т҃ ... ндеть (л. 317 об.).

Три раза настоящее историческое появляется на месте греческой инфинитивной конструкции διὰ τοῦ + inf., для которой при переводе более характерна номинализация [Федорова, 2014: 42], например: Мк. 10: 32–34 (толк.) Ἅμα καὶ <u>διὰ τοῦ προάγειν</u> πάντας καὶ προφθάνειν ἐν τῇ ὁδῷ (В то же время [Господь] <u>с целью предварить</u> всех и <u>предвосхитить</u> на пути) – 109 абне же н сего ра҃ <u>вареть</u> на поутн вс н <u>предннделть</u> (л. 280 об.) – 331 вареть ... прдннде т҃ (л. 185 об.) – 108 прѣваре т҃ ... предннде т҃ (л. 312 об.)

V. Сочетание в одном контексте форм аориста / имперфекта и презенса НСВ при греческом настоящем историческом

В ТЕ-1 встречаются единичные случаи (всего в ТЕ от Марка их 7), когда в одном контексте сочетаются формы презенса и прошедшего времени, соответствующие греческому настоящему историческому, и если в греческом тексте это равнозначные действия, последовательно сменяющие друг друга, то в переводе отдельные сохранившиеся формы praesens historicum становятся маркированными, выделяющими одно действие в ряду других, например:

1) Мк. 5: 35–43 (толк.) Κρατεῖ δὲ τῆς χειρὸς, ἵνα ἐνθῇ ταύτῃ δύναμιν. Καὶ δίδωσιν αὐτῇ φαγεῖν (‘Берет ее за руку, чтобы сообщить ей силу. И дает ей есть...’) – 109 ꙗтъ же ꙁа рогкоу н да вложн҃ в ню снлоу . н даєть єн ꙗстн (л. 243). В соответствии с двумя греческими формами praesens historicum (κρατεῖ, δίδωσιν – praes. ind. act., 3 Sg.) при переводе идет чередование форм: сначала следует форма аориста ꙗтъ, затем появляется настоящее историческое, которое в ТЕ-1b устраняется заменой на евангельскую цитату: Мк. 5: 43 ТСЛ 108г же ꙁа рѫкоу . да вложн҃ въ ню снлꙋ . н ре҃ датн єн стн (л. 280 об.);

2) Мк. 9: 19–27 (толк.) Οὐ μὴν ἵσταται ἄχρι τοῦ μέμψασθαι αὐτοὺς, ἀλλὰ καὶ τὴν ἴασιν ἐπιτίθησιν (Впрочем, Он не останавливается только на укоризне, а подает и исцеление) – 109 не же ста до похоуленнꙗ нмъ . но нсцѣленне налагаєть (л. 268 об.) – 331 ста ... налагаєть (л. 177 об.) – 108 ста ... налагаєть (л. 302);

3) Мк. 10: 10–12 (толк.) Ἔτι καὶ οἱ μαθηταὶ ἐσκανδαλίζοντο· διὰ τοῦτο οὖν καὶ προσέρχονται πάλιν αὐτῷ καὶ ἐρωτῶσιν (Так как и ученики соблазнялись [относительно развода мужа и жены], то и они приступают к Нему и спрашивают о том же) – 109 ꙗко оуч҃нцн блаꙁнтс . тѣмь оубо прнстоупнша к немоу . н въпрашають (л. 275) – 331 прнстоупнша ... въпрашаѫ҃ (л. 182) – 108 прнстѫпнша ... въпрашаю҃ (л. 307 об.).

Интересно, что два раза в одном контексте в соответствии с греческим настоящим историческим чередуются формы презенса и имперфекта, а не аориста:

1) Мк. 1: 9–11 (толк.) Ἀλλὰ μὴν οὐδὲ διὰ τὸ μετανοῆσαι ἔρχεται βαπτισθησόμενος· πολλῷ γὰρ ἦν κρείττων καὶ τοῦ Βαπτιστοῦ. Διατί οὖν ἔρχεται; (Но и не для покаяния *приходит* Он креститься, поскольку Он был «больше самого Крестителя». Итак, для чего же Он приходит?’) –109 нн оубо покаꙗтнс градше кр҃щаемын . мноꙁѣмь оубо болнн бѣ кр҃та . что радн оубо градеть (л. 214 об.) – 331 градше ... градеть (л. 147 об.) – 108 градше ... градѣ҃ (л. 256);

2) Мк. 1: 29–31 (толк.) ἀλλ᾽ ἐκεῖνος ἰᾶται αὐτήν· ἡ δὲ διακονεῖ αὐτοῖς (‘Но тот [Господь] исцеляет ее, и она *служит* им’) – 109 но ѡнъ нс҆цѣлеть ю . ѡна же слоужашеть нмь (л. 218) – 331 нсцѣлеть ... слоужаше (л. 150) – 108 нсцѣлѣ ... слѹжаше (л. 259). В данном случае форма настоящего исторического обозначает действие в прошлом, а форма имперфекта фиксирует результативный процесс этого действия в прошлом.

Формы имперфекта подчеркивают длительный характер действия в прошлом и оказываются взаимозаменяемыми с перфективным презенсом; это может быть обусловлено тем, что и греческое настоящее историческое «выражает действие длительное, развивающееся» [Бондарко, 2005: 570].

VI. Другие варианты передачи греческого presens historicum

В пяти случаях в ТЕ-1 от Марка представлены другие способы перевода греческого praesens historicum. Так, два раза форма настоящего исторического передается формой повелительного наклонения, с помощью которой повествователь напрямую обращается к читателю:

1) Мк. 4: 26–29 (толк.) Βασιλείαν τοῦ Θεοῦ, τὴν περὶ ἡμᾶς οἰκονομίαν τοῦ Θεοῦ νόει (Под Царством Божиим [Господь] разумеет Божие смотрение о нас) – 109 цр҃тво бж҃не ѡ на҃ смотренне бж҃не разоумѣн (л. 235 об.) – 108 разѹмѣн (л. 274);

2) Мк. 7: 14–23 (толк.) Ἀφροσύνην δὲ νόει, τὴν εἰς ἀνθρώπους ὕβριν. (Под «безумством» [Господь] разумеет обиду против ближних) – 109 безоумне же разоумѣн ѡ ѵла҃вцѣ досадоу (л. 253 об.) – 108 разоумѣн (л. 289 об.).

Кроме того, трижды греческая форма praesens historicum передается причастием:

1) Мк. 7: 24–30 (толк.) Διὰ τοῦτο οὖν καὶ ὁ Κύριος οὐκ εὐθέως ὑπακούει, ἀλλ᾽ ἀναβάλλεται τὴν δωρεὰν (Поэтому и Господь не тотчас соглашается, но отсрочивает дар) – 109 тѣ҃ н гь҃ . не абне послоушавъ но ѫеть дара (л. 254 об.) – 108 послѹша (л. 290);

2) Мк. 10: 32–34 (толк.) προστρέχει τῷ πάθει ([Христос] спешит к страданию) – 109 текнн ко страстн (л. 280 об.) – 108 текын (л. 312 об.);

3) Мк. 14: 32–42 (толк.) Καὶ ἔρχεται πάλιν (И снова приходит) 109 н пр҃ниѿ пакн (л. 313) – 108 пр҃ниѿ (л. 340).

VII. Относительное употребление презентной формы в придаточных предложениях

Относительным является такое употребление времен, при котором «время действия определяется с точки зрения времени другого действия

или какого-либо момента, помимо момента речи»; время действия, в отличие от абсолютного употребления временной формы, не ориентируется на момент речи говорящего [Бондарко, 1971: 112]. Обычно относительное употребление форм презенса является элементом структуры придаточных предложений и соответствует норме как современного русского языка, так и других славянских языков. Относительное употребление формы презенса не является переносным, однако здесь интересен один аспект.

При согласовании времен в придаточных предложениях, вводимых союзом ꙗко, в текстах древней редакции почти всегда будут использоваться формы настоящего времени на месте греческих форм прошедшего времени, что и соответствует славянской языковой норме, однако в придаточных причины, вводимых союзом бо (соотв. греч. γάρ), формы настоящего времени в соответствии с греческими формами прошедшего времени в текстах древней редакции вроде бы не появляются (или же они крайне редки, поэтому не попали в нашу выборку[3] по Евангелию от Марка), а в ТЕ-1 от Марка есть пять примеров, когда форма презенса в придаточном причины соответствует греческому имперфекту. Приведем несколько примеров:

1) Мк. 1: 40–42 (толк.) Ἅπτεται δὲ αὐτοῦ ὁ Χριστὸς, ἵνα δείξῃ ὅτι οὐδὲν ἀκάθαρτον· ὁ γὰρ νόμος <u>ἐκέλευε</u> μὴ ἅπτεσθαι τοῦ λεπροῦ, ὡς ἀκαθάρτου (‘Христос прикасается к нему в знак того, что ничего нет нечистого, потому что закон *<u>запрещал</u>* прикасаться к прокаженному как к нечистому’) – 109 касаєть же с х҃с емъ да ꙗвнть . ꙗко ннчтоже не чт҃о нбо ζаконъ <u>велнтъ</u> . не прикасатнс прокаженѣмь . ꙗко нечт҃ѣ (л. 219 об.) – 331 велнть (л. 151 об.) – 108 велн҃ (л. 260 об.). Форма презенса велнтъ соответствует греческому имперфекту.

2) Мк. 8: 27–30 (толк.) Ἀποκρίνονται οὖν ὅτι, Οἱ μὲν Ἰωάννην σε ὑπολαμβάνουσιν· οἱ δὲ, Ἠλίαν. <u>Ἐνόμιζον</u> γὰρ οἱ πολλοὶ ἀναστῆναι τὸν Ἰωάννην (Они отвечают, что одни принимают его за Иоанна, другие – за Илию, потому что многие *<u>думали</u>*, что Иоанн воскрес) – 109 <u>п҃мꙋють</u> бо мноζн . ꙗко въскр҃ноꙋтн ꙗωаннꙋ (л. 260 об.) – 108 помышлю҃ (л. 295 об.).

Кроме того, в ТЕ-1 нередки случаи, когда в других видах придаточных форма презенса соответствует не только греческому аористу, но и имперфекту, например:

1) Мк. 1: 1–3 (толк.) ἐν τῇ Συναγωγῇ τῶν Ἰουδαίων, ἥτις ἔρημος <u>ἦν</u> παντὸς ἀγαθοῦ (‘в синагоге иудейской, которая <u>была</u> пуста в отношении к

[3] По изданию [Воскресенский, 1894].

добру’) – 109 ѡ с҆борѣ ꙗудѣнстѣмь . нже ѥ҆ поустъ вского блага (л. 204 об. – 205) – 331 есть (л. 146) – 108 ѥ҆ (л. 254 об.);

2) Мк. 7:6–13 (толк.) Ἐκεῖνοι μὲν οὖν τοῖς μαθηταῖς ἐνεκάλουν ὅτι τὴν τῶν πρεσβυτέρων παράδοσιν παρέβαινον (Они обвиняли учеников в том, что ученики преступили предание старцев) – 109 ѡнн бо на оучн҃кн гл҃ѡу . ꙗко старˈческаꙗ преданнꙗ преступаꙗть (л. 252 об.) – 108 преступаю (л. 288 об.) Форма презенса преступаꙗть соответствует греческому имперфекту.

Возможно, подобные случаи согласования времен в придаточных повлияли на то, что в славянском переводе и за пределами придаточных иногда появляются формы настоящего исторического в соответствии с греческим имперфектом.

Таким образом, случаи, когда настоящее историческое представлено и в греческом тексте, и в древнейшем славянском переводе ТЕ, являются наиболее частотными (всего 303 примера в ТЕ-1 от Марка). Помимо данных случаев, возможны еще три варианта, из которых преобладает такой, когда греческий praesens historicum передается славянским аористом или имперфектом (44 случая), значительно реже – когда формам praesens historicum в славянском тексте соответствуют греческие аорист или имперфект (8 раз), а также возможно чередование в одном контексте форм аориста / имперфекта с презенсом НСВ при наличии в греческом тексте одних форм praesens historicum (7 случаев).

Всего в греческом тексте толкований ТЕ от Марка встречается 347 употреблений презенса в значении прошедшего времени, и в 87,3% случаев в древнейшем переводе ТЕ-1 данные формы калькируются, тогда как на весь евангельский текст ТЕ-1 от Марка приходится всего лишь две презентные формы, соответствующие греческому praesens historicum и составляющие примерно 2% от praesens historicum в греческом евангельском тексте. Таким образом, для выявления переводческой манеры в ТЕ-1 информативным оказывается именно текст толкований, тогда как в переводе евангельского текста проявляется влияние традиции, не допускавшей употребления презенса в значении прошедшего времени и отразившейся в древней, преславской и афонской редакциях евангельского текста.

Почти все формы настоящего исторического представлены в ТЕ-1 глаголами несовершенного вида (98,3%), и в большинстве случаев они имеют событийное значение (87,6%), то есть передают законченные, последовательно сменяющиеся действия, что характерно для книжных памятников строгой нормы и значительно чаще встречается в более поздних

текстах, тогда как вплоть до конца XIII в. переносное употребление презенса крайне редко. Широкое распространение praesens historicum наступает с конца XIII – начала XIV в., когда у южных славян возобновляется интенсивная переводческая деятельность, а с ней данный переводческий прием начинает активно проникать и в восточнославянские тексты [Уржа, Пентковская, 2013: 175], [Горбунова, 1998: 255]. Древнейший перевод ТЕ-1 представляет собой значительно более ранний текст, однако показывает похожие результаты с чудовской редакцией Нового Завета, которая считается одним из первых памятников на восточнославянской территории, содержащих последовательное употребление именно событийного настоящего исторического.

Сокращения

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва).
ТСЛ – Собрание рукописей Троице-Сергиевой Лавры (ф. 304/I). РГБ.

Список литературы

Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.

Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. М., 1971.

Бондарко А.В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М., 2005.

Воскресенский Г.А. Евангелие от Марка по основным спискам четырех редакций рукописного славянского евангельского текста с разночтениями из ста восьми рукописей Евангелия XI–XVI вв. 1894.

*Горбунова Е.*А. Функционирование настоящего исторического в восточнославянских памятниках XI–XIV веков // Annali dell' Istituto universitario Orientale di Napoli (Dipartimento di studi dell'Europa orientale. Sezione Slavistica). Roma, 1998. №5. С. 247–285.

Дограмаджиева Е. Към въпроса за praesens historicum в старобългарски език // Български език. 1966. Кн. 2. С. 122–128.

Новикова М.В. Особенности нарративных функций видо-временных форм в севернорусских былинах в сопоставлении с памятниками русской письменности XII–XVII вв.: Дисс. … канд. филол. наук. М., 2016.

Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 2010.

Пентковская Т.В. К истории исправления богослужебных книг в Древней Руси в XIV веке: Чудовская редакция Нового Завета. М., 2009.

Пичхадзе А.А. К текстологии древнейшего славянского перевода Пандект Никона Черногорца // Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2004–2005). М., 2006. С. 59–84.

Уржа А., Пентковская Т. Переводческие стратегии в древних и современных текстах: настоящее историческое // Славистика (Београд). 2013. № XVII. С. 173–180.

Федорова Е. Особенности перевода инфинитивных конструкций в Толковом Евангелии от Луки Феофилакта Болгарского // Beitraege der Europaeischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV). 2014. Т. 17. С. 39–45.

Сведения об авторе: Федорова Екатерина Викторовна, специалист по учебно-методической работе учебно-научной лаборатории персональных компьютеров филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: e_todorov@mail.ru

В.А.Шарипова, Н.Р.Шакирова, М.А.Елинсон

Объективация в языке функционально-когнитивной сферы «Речевая деятельность» (сопоставительное исследование на материале русского и английского языков)

В статье изложены некоторые проблемы компаративного исследования лексического пласта языка homo loquens, посвященные сравнению речевой деятельности, направленной на процесс коммуникативного общения в соответствии со сложившейся в языке системой концептов, благодаря которой осуществляется связь языка с мыслительной деятельностью человека (на примере родного и иностранного языков). Предлагаемый нами функционально-когнитивный подход исследования лексической системы позволяет систематизировать лексику с опорой на речевую деятельность, преломив ее через призму восприятия человека, и исследовать словарный состав с точки зрения антропоцентричности языка и мышления.

Ключевые слова: язык, мыслительная деятельность человека, концепт, функционально-когнитивный подход, концептуализация, макроконцепт.

The article presents some pieces of comparative studies of the lexical layer of homo loquens language devoted to speech activity in Russian and English – speaking language environment in accordance with established in the language system of concepts through which the relationship of human language and mental activities is implemented. The functional and cognitive approach of studying the lexical system we proposed allows to organize vocabulary on the basis of speech activity through the prism of human perception, and also allows to explore vocabulary from the point of view of anthropocentricity of a language and thinking.

Key words: language, human thought, concept, functional-cognitive approach, conceptualization, macroconcept.

Проблема «человек в языке» остается одной из наиболее актуальных в языкознании, ибо именно в мыслительной деятельности человека исследователи находят то звено, которое соединяет реально существующий мир и язык, отражающий этот мир. Человек познает мир, подвергая типы знаний определенной когнитивной обработке в соответствии со сложившейся в языке системой концептов, посредством которых осуществляется связь языка с человеческой мыслью, так как именно концепты «выступают основными единицами обработки, хранения и передачи знаний» [Кильдибекова, 2012: 304].

Исследовать словарный состав homo loquens с точки зрения антропоцентричности языка и мышления, систематизируя лексику с опорой на речевую деятельность, позволяет функционально-когнитивный подход.

В современной лингвистике функциональное направление характеризуется тесной связью с когнитивным аспектом исследования языковых единиц, что предполагает изучение языка в прямой связи с реальным миром и познавательной деятельностью человека [Елинсон, 2016: 97].

В связи с переориентацией лексикографических исследований на когнитивную параметризацию (по Хомскому) словарного состава языка в последние годы наблюдается практика обогащения лексикографии *новыми* типами словарей. Один из таких словарей «активного» типа, ориентированный на то, чтобы приблизить человека к новому словарю – к его структуре, содержанию, механизму функционирования, к тем потребностям, с которыми к словарю обращается носитель языка или человек, изучающий язык как не родной, – это функционально-когнитивный словарь. Классификация вокабуляра в этом словаре производится с учетом коммуникативной деятельности человека, то есть живого употребления слов [Шарипова, Валиахметова, 2015: 101].

Функционально-когнитивный подход является в составлении словаря стержневым и позволяет подойти к решению проблемы систематизации лексического материала с опорой на речемыслительную деятельность человека и выделить качественно новые разряды лексики, которые определяют как членение вокабуляра, так и семантические процессы, происходящие в отдельных блоках и лексемах.

В словаре реализуется интегральная, комплексная подача материала, предопределяющая включение разных частей речи и разных типов зависимостей между словами, что в максимально возможном полном объеме отражает функционально-когнитивные отношения в структуре *функционально-когнитивной сферы* (*ФКС*) и максимально приближает словарь к речевой компетенции носителей языка. Раскрывается частеречная наполняемость каждой сферы.

«ФКС – это многомерное образование, позволяющее вычленить из словарного состава языка его наиболее объемный фрагмент так или иначе связанный с человеком: ж*изнь человека*: *место жительства*, *семья*, *родственные отношения*, *качество*, *образ жизни*, *жизненный путь*, *жизненные потребности*, *здоровье*, *материальное положение*; *движение и местонахождение*; *окружающий мир и его восприятие*: *вселенная*, *воздушное пространство*, *водное пространство*, *природа*,

растительный мир, *животный мир*, *предметный мир*, *зрение* (*смотреть*, *видеть*), *восприятие цвета*, *слух* (*слушать*, *слышать*), *осязание*, *обоняние*, *запахи*, *вкус*, *речемыслительная деятельность*: *речевая деятельность*, *общение*, *мыслительная деятельность*, *думать*, *размышлять*, *понимать*, *образование*, *деятельность*: *работать*, *трудиться*, *творческая деятельность*, *незаконная деятельность*, *человек в языке*: *его внешность*, *красота*, *характер*, *поведение*, *чувства*, *эмоции* и т.п. Это целостное образование с широким значением, создающее когнитивную субстанцию языка и выступающее в качестве базы языковой картины мира» [Функционально-когнитивный словарь русского языка…, 2011: 4]. «Расчленение мира в деятельностном аспекте находит отражение в объемных *функционально-когнитивных сферах* (*ФКС*), которые представляют собой принципиально новый тип организации лексики» [Гафарова, Кильдибекова, 2003: 138, 139].

Основу сферы составляет *макроконцепт*, предполагающий различные аспекты развертывания общего понятия. *Макроконцепты* представляют собой глобальные, масштабные сущности, обладающие значительной систематизирующей силой; вокруг них концентрируются обширные смысловые области.

Исходная определяющая единица, выступающая в качестве детерминанты семантического поля, предопределяет семантическое разветвление его элементов, направление развертывания связей и его частеречный состав; например: в одних семантических полях доминируют глаголы (*говорить*, *разговаривать*, *беседовать*, *рассказывать*, *передавать*, *пересказывать*, *рассуждать*, *толковать* и т. п.), другие члены функционально, семантически вторичны (*разговор*, *беседа*, *сказка*, *рассказ*, *говорливый* и т. п.), в других семантических полях ведущая позиция принадлежит существительным (транспортные средства: *автомобиль*, *машина*, *лодка*, *самолет* и т. д.) [Кобозева, 2012].

Но самое главное преимущество ФКС – это *свойство открытости*, т.е. возможности его пополнения новыми словами без перестройки общей схемы, что позволяет ее структуре легко адаптироваться к происходящим в языке изменениям.

Рассмотрим подробнее ФКС «Речевая деятельность». В лингвистике исследование глаголов говорения (глаголов речи, коммуникативных глаголов) шло по разным направлениям. Глаголы речи изучали на материале русского языка в синхронии и диахронии; в сравнительно-историческом аспекте на материале старославянского, древнерусского и

родственных языков; в сопоставительном плане; рассматривались особенности глаголов речи, функционирующих в диалектах. Начиная с 1950–1960-х гг., с утверждением в лексикологии системного подхода применительно к исследованию и описанию лексических единиц, появились работы, посвященные системным связям и отношениям между компонентами группы глаголов речи. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. профессором Т.А. Кильдибековой было представлено функционально-когнитивное описание разных сфер деятельности человека на материале русского языка, включая функционально-когнитивную сферу «*говорить*» [Функционально-когнитивный словарь русского языка…, 2011]. Однако данная проблема далека от завершения. Так, в частности, и поныне отсутствуют специальные работы, где было бы представлено функционально-когнитивное описание глаголов речи, с учетом их дериватов и распространителей, вербализующих *макроконцепт* «говорить» в составе многоаспектного образования – *функционально-когнитивной сферы* в сопоставительном аспекте на материале русского и английского языков.

ФКС «Речевая деятельность» базируется на макроконцепте «говорить», который конкретизируется входящими в состав данной сферы семантическими полями: «общаться», «информировать», «советовать», «критиковать», «благодарить» и т. д. [Кильдибекова, Гафарова, Шарипова, 2004: 4–111]

В процессе вербализации макроконцепта «говорить» посредством глаголов речи активно проявляются все функции языка – номинативная, интерпретирующая, когнитивная, эмоционально-оценочная, коммуникативная, информативная. При когнитивном подходе базовые функции языка рассматриваются в динамике вербальной коммуникации. При этом функции речевой деятельности опираются на функции языка и отражают структуру самого речевого акта. В сфере речи реализуются основные функции языка и речи: *коммуникативная*, *сообщения* (*информирования*), *эмоционально-оценочная* и *интенциональная*.

Ведущей функцией речевой деятельности является собственно коммуникативная функция. Она является изначальной, первичной, «ради которой и появился язык» [Аврорин, 1975: 138]. Язык предназначен служить орудием общения людей и средством обмена информацией и ее накопления. В процессе речемыслительной деятельности информация, чтобы быть переданной и воспринятой, подвергается концептуализации и категоризации и наконец, вербализации. «Общение всегда

содержательно, предполагает обмен мыслями, сведениями, информацией, поэтому всегда практически может быть квалифицировано по признаку содержательности» [Антонова, 2009: 159]. Поэтому центральным при изучении коммуникативной функции становится понятие речевого акта как ее минимального компонента [Серль, 1986: 151–166], а его наиболее общим обозначением являются глаголы *говорить*, *сказать* // to speak, to tell, to say, вербализующие следующие словарные дефиниции – *владеть устной речью*, *владеть каким-нибудь языком*; *выражать какие-либо мысли с целью их сообщения кому-либо*; *высказывать мнение*, *суждение*, *обсуждать*; *общаясь*, *разговаривать*, *вести беседу*, *разговор* [Ожегов, 2003: 116, 117].

«Исходным начальным этапом и стимулом к речи является вопрос одного собеседника, из него исходит ответ второго собеседника» [Серебренников, 1988: 211]. В связи с этим среди глаголов речевого контакта можно выделить обладающие наибольшей функциональной активностью глаголы: *спросить* / *спрашивать* // to ask / to ask for / to demand sth. from / to question or test a pupil; *отвечать* / *ответить* // to answer / to reply (to) [Русско-английский функционально-когнитивный словарь, 2004: 84–90].

В предложениях, основная коммуникативная цель которых – «узнать что-либо или удостовериться в чем-либо» [Словарь русского языка, 1984: 386] мы, как правило, употребляем глаголы *спросить* / *спрашивать*, *осведомляться*, *вопрошать*. В английском языке номинации вопрошения на вербальном уровне представлены следующими дефинициями, например, в словаре Вебстера: to ask: (1) to use words in seeking the answer to (a question), to try to find out about by inquiring; (2) to put a question to (a person), to inquire of; (3) to request, to solicit, to beg; (4) to demand or to expect as a price [they ask ten dollars for it]; (5) to be in need of or call for (a thing); (6) to invite [Webster's New World Dictionary, 1988: 80–81].

«Если слово имеет синонимы – это сразу же создает векторный тип соответствий, так как при любом сопоставлении оказывается возможным выбор и оказывается необходимым сравнить исследуемую единицу со всеми возможными ее соответствиями. Векторные соответствия могут и не быть в строгом смысле взаимно синонимичными» [Стернин, 2007: 42].

Интересны с точки зрения сопоставительного исследования средства представления общения в неформальной обстановке. Лексемы, объ-

единенные значением вести дружескую беседу, болтать, передаются такими глаголами как: *болтать*, *трепаться* // to chat, to chitchat, to confab, to rap, to chin, to bull и т. д.

Неформальная речь, объединенная общим значением «судачить, сплетничать» объективируется в английском языке глаголами to squel, to squeak, to rat, to fink, to stool, to peach, to chew the rag, и т. д. [Шарипова, 2013: 121].

Отразить окружающий нас мир таким, каков он есть, – задача рационального мышления и этому способствует одна из разновидностей потребности общения – информирование, сообщение о результатах рационального мышления. Ввиду того, что любое высказывание несет в себе информацию о каких-либо событиях, фактах и выражает определенную позицию говорящего по отношению к ее содержанию, некоторые ученые склонны рассматривать информационную функцию как более важную, чем другие. Содержательный аспект конкретизации речевого акта сообщения проявляется как наиболее многообразный и богатый. В содержательной стороне речи находят отражение различные стороны жизнедеятельности человека, предметы и их свойства, отношения между предметами и явлениями внешнего мира, многочисленные факты, события, классы ситуаций, отношение коммуникантов друг к другу [Шарипова, 2011: 1101]. Наряду с глаголами *говорить*, *сказать* // to speak, to tell, to say денотат сообщать факты, информацию, информировать вербализуют многочисленные глаголы и глагольные сочетания, отражающие информативную функцию языка. Наиболее емким из этой группы глаголов, объединенных общим значением «передача информации», является глагол *сообщать*// to inform (of, about)/ to report (on, to) / to notify / to apprise (of) / to proclaim / to announce / to declare / to inform officially, который означает: говорить (сказать) что-либо кому-либо, доводя какую-либо информацию до чьего-либо сведения, доводить до сведения, извещать, информировать, осведомлять, уведомлять [Шарипова, 2011: 1102].

В группе «вербализаторов» информационной функции языка также находим ряд языковых единиц, представляющих интерес для исследования неформальной лексики. Например, глаголы, объединенные семой «обобщать, поверхностно передавать информацию» – to sketch, to picture, to paint. Или словосочетания, объединенные значением «раскрыть секрет, сделать информацию доступной для широкого круга людей», – *раскрывать*, *вскрывать*, *обнародовать*, *сделать известным*,

разглашать, *говорить в открытую*, *выводить на чистую воду* // to reveal, to make known, to disclose, to divulge, to bring out into the open, to bring to light [Шарипова, 2013: 134].

Язык не только средство выражения информации, но и средство для обозначения чувств, социальных и индивидуальных оценок и различных интенций, а также отражения сферы субъективного восприятия мира.

В основе выражения отношения лежит этическая оценка. В случае этической оценки индивид исходит из общих представлений о добре и зле, о хорошем и плохом. При этом этическая оценка, как и другие виды оценок, сопряжена с определенными чувствами индивида. Именно поэтому, в основу анализа субъективного аспекта речи положен антропоцентрический принцип языка. Автор высказывания не может индифферентно относиться к сообщаемому. Он не просто что-то объективно констатирует или о чем-то безучастно повествует, а преподносит все со своей точки зрения, обнаруживая заинтересованность и участие своего «я» во всем, о чем он говорит. То, чего он касается в речи, должно его устраивать или нет, вызывать его положительную или отрицательную реакцию [Шарипова, 2012: 232].

Стремление говорящего передать оценку сообщаемого и воздействовать на собеседника отражает *эмоционально-оценочная функция* языка. Цели интеллектуальной оценки положения вещей служат глаголы речи *говорить*, *сказать* // to speak, to say, to tell, обладающие универсальной сочетаемостью с наречиями психофизиологического состояния, равно как и с наречиями-конкретизаторами, передающими отношение, чувства, эмоциональность и другие характеристики оценочной стороны речи говорящего.

В связи с тем, что эмоции оценочны, нельзя забывать о содержании в концептах оценочной составляющей. С этой точки зрения, несомненным является утверждение Н.А. Красавского, что концепт является «камерой хранения эмоциональной памяти народа о ценности культуремы, из которой все последующие поколения извлекают, как из энциклопедии, необходимую для эмоционального общения информацию, даже при наличии динамики содержания концептов в плане диахронии, которая неизбежна во времени» [Красавский, 2001: 17–18].

В русской языковой картине мира четко прослеживается тенденция к превалированию явной эмоциональности, в силу включенности сферы эмоций и чувств в ценностную канву ментального мира носителя языка, где стимулом диалога является не столько установление и под-

держка гармоничных отношений с собеседником, сколько поиск истины; к говорящему предъявляется этическое требование искренности, которая, в свою очередь, не мыслится без открытого выражения эмоций и чувств. Вместе с тем доминирование явной эмоциональности играет в общении русскоязычных представителей скорее конструктивную, чем деструктивную роль и зачастую способствует более эффективному достижению взаимопонимания. В английской языковой картине мира довлеет стереотип наличия тесной связи эмоциональных и рациональных концептов, что неизменно в той или иной степени облачает эмоциональность в рациональные формы и не позволяет «миру страстей» взять верх над «миром идей». В ментальном мире носителей английского языка косвенная оценка ассоциируется со скрытой эмоциогенностью. Сдержанность, стремление не показывать свои чувства окружающим – качества, которые воспитываются англоязычной культурой. Проявление эмоциональности подавляется нормами социального поведения, проявляющимися в максимах вежливости и в маркированной ориентации английского языка на адресата.

Говорящий во время беседы может испытывать самые разные чувства к собеседнику, к предмету их разговора. В зависимости от сложившейся ситуации субъект речи может *говорить*, *сказать насмешливо*, *скептично*, *ехидно*, *мягко*, *миролюбиво*, *умильно*, *нежно*, *вежливо* и т. п. // to say, to speak, to talk, to tell mockingly, maliciously / spitefully, gently, peacefully, touchingly, affectionately, politely; *говорить*, *сказать со смехом*, *с издевкой*, *с усмешкой*, *с теплотой* // to say, to speak, to talk, to tell laughing, jibing / making a mockery of, sneering / with a slight smile, with warmth [Шарипова, 2013: 16].

Как отмечает А. Вежбицкая, в английском языке глаголы называющие какую-либо эмоцию представляют собой «вымирающую» категорию, их становится все меньше, и они семантически и стилистически ограничены (так, по данным BNC, существительное pity встречается в двадцать раз чаще, чем глагол to pity) [Вежбицкая, 1997]. В то же время, по мнению В.Ю. Апресян, «в русском языке глаголы со значением эмоций (*жалеть*, *стыдиться*, *радоваться*, *ужасаться*) являются регулярным явлением» [Апресян, 2011: 63–88].

В.Ю. Апресян отмечает общее свойство устройства системы эмоций в русском и английском языках: «в обоих языках количество «негативных» кластеров (*страх*, *гнев*, *грусть*, *отвращение*, *стыд*, *жалость*, *зависть*, *ревность*, *обида*) существенно превышает количество «пози-

тивных» (*радость*, *гордость*, *благодарность*, *восхищение*). Язык, отражая общечеловеческое когнитивное устройство, фиксирует негативное и отклоняющееся от нормы в гораздо большей степени, чем позитивное и соответствующее норме» [Апресян, 2011: 63–88].

На недоброжелательное отношение к собеседнику указывают русские глаголы и английские глагольные словосочетания *грубить* / *грубиянить*, *дерзить*, *загибать* / *загнуть*, *рычать*, *ехидничать* / *ехидствовать*, *злословить*, *язвить* // to be rude to sb. / to be impertinent, to spout, to snarl at, to make spiteful remarks, to indulge in ridicule, to speak sharply to / to be scathing at sb's expense.

Недовольство собеседник также может выразить глаголами *ворчать* (*как старый дед*), *бурчать* (*себе под нос*), *брюзжать*, *фыркать*, *шипеть* (*как змея или как гусь*), *роптать* // to grumble (at), to chide, to grouch, to grouse (at, about), to nag (at), to gobble, to scold, to snarl (at, against), to growl (out), to complain, to hiss (like a snake or goose), to murmur [Шарипова, 2013: 17].

Веселое, шутливое настроение говорящего, его хорошее отношение к собеседнику передается в речи глаголами *острить*, *шутить*, *остроумничать* // to joke, jest (at, with), to wisecrack, to witticize / to make witticisms, to crack jokes (esp. in entertainment), to gag.

В речи нередко ведущую роль играют словосочетания, в которых информация переплетается с ее оценкой, что свидетельствует об отношении говорящего к адресату. Таковы сочетания с оценочными существительными и прилагательными: *говорить любезности*, *комплименты* // to say to tell compliments, to compliment sb. / to say soft soap. С одной стороны, ***любезности*** – сугубо русская лексема (*лакуна* для английского языка), с другой стороны, словосочетание soft soap с заложенным в него смыслом отсутствует как понятие в русском языке (т. е. *лакунарно* для русского языка).

К этой же группе относятся словосочетания *говорить*, *сказать гадости*, *пошлости*, *глупости*, *чепуху*, *ерунду*, *вздор*, *чушь*, *галиматью*, *ахинею*, *бред*, *пустяки* и т.д. // to say nasty things, to make trite and vulgar comments, to say nonsense / silly things, rubbish / garbage, delirium. ***Пошлость*** также лексема исключительно русского происхождения, появившаяся в русском языке, когда за сказанные в общественном месте «гадости» были обязаны платить пошлину [Вежбицкая, 1999]. Наличие большего числа разных выражений комплиментов в английском языке не случайно, ведь комплиментарность в английском коммуникативном

поведении используется чаще, чем в русском согласно данным исследования Стернина [Стернин, 2007: 283–287]

Кроме того, физическое или эмоциональное состояние говорящего, отношение говорящего к собеседнику и к содержанию сказанного в значительной мере объективируются в языке такими *голосовыми признаками*, как *высота*, *сила* или *громкость*, *тембр* голоса, *фонации* и *тон*, которые уточняют, а иногда однозначно задают тот или иной конкретный тип речевого акта в коммуникации. Причитание, нытье, клятва, уверение, наставление, поучение, вопрошение, подбадривание, утешение, извинение, оправдание, упрек, оскорбление, ругань, или различного вида апеллятивы связаны с определенным видом голоса [Шарипова, 2016].

Возникнув в рамках философии сознания, понятие интенциональности прочно вошло в понятийный аппарат современных лингвистических исследований. Ряд современных теорий анализа коммуникации: теория речевых актов, теории речевой деятельности, теории речевого воздействия, теории массмедийного дискурса широко используют понятие интенции в анализе основополагающих принципов человеческой коммуникации, что дает возможность отнести интенцию к базовым понятиям современной лингвистики [Губик, Шакирова, 2016: 160].

Интенциональность является одним из основных компонентов речевой деятельности, так как в речевом акте говорящий осуществляет свое намерение произвести неречевой эффект на адресата речи: воздействие на собеседника обязательный признак коммуникации. Речевой акт считается интенциональным, если воздействие на адресата планируется говорящим. Такие речевые акты, как сообщение, просьба, совет, обещание, предостережение и т. д., включают различные намерения и предположения. Однако, следует отметить, что на интенцию говорящего накладываются ограничения, которые задаются структурой языка, с одной стороны, и ситуацией общения, с другой стороны [Губик, Шакирова, 2015: 15].

Процесс вербализации макроконцепта «говорить» осуществляется посредством глаголов ФКС «Речевая деятельность», которые ориентированы на реализацию функции языка в речевой деятельности, благодаря чему конкретизируются многочисленные аспекты, раскрывается сложная структура значения макроконцепта «говорить» в иерархической организации ключевых компонентов ФКС «Речевая деятельность». *Акустический*, *информативный*, *субъектный*, *интенциональный* аспек-

ты речи проявляются как языковые *универсалии*. Сопоставительная характеристика основных функций языка, объективируемых ключевыми компонентами ФКС «Речевая деятельность» на материале русского и английского языков, позволяет в рамках нашего исследования сделать выводы о том, что средств объективации основных функций в сравниваемых языках примерно равное количество. Лишь элементы вербализующие информативную функцию в сравниваемых языках представляют собой в основном русско-английские векторные соответствия (см. диаграмму).

В ходе исследования было обнаружено некоторое количество *лакун* в английском языке, особенно при объективации концептосферы, представляющей эмоционально-оценочную функцию. Это может быть связано с тем, что русское коммуникативное поведение предполагает бо́льшую свободу выражения эмоций и оценок как со знаком плюс, так и со знаком минус, что, безусловно, отражается и в языке.

Список литературы

Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка: К вопросу о предмете социолингвистики. Л., 1975.

Антонова С.М. Глаголы говорения – динамическая модель языковой картины мира: опыт когнитивной интерпретации: Монография. Гродно, 2003.

Апресян В.Ю. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты // Вопросы языкознания. 2011. ?1. С. 19–51; ?2. С. 63–88.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997.

Габдуллин С.С. Современные принципы лексикографии. Уфа, 2009.

Габдуллин С.С. Лексикология в сопоставительном аспекте. Уфа, 2009.

Гайнаншин М.Ф., *Чанышева З.З*. Синергетический эффект экономической метафоры в интердискурсивном пространстве // Вестник Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2014. ? 2. С. 98–106.

Гафарова Г.В., *Кильдибекова*, *Т.А*. Когнитивные аспекты лексической системы языка. Уфа, 1998.

Гафарова Г.В., *Кильдибекова Т.А*. Теоретические основы и принципы составления функционально-когнитивного словаря. Уфа, 2003.

Губик С.В., *Шакирова Э.Р*. Особенности выражения авторской интенции в экономическом медиадискурсе (на материале журнала «The Economist») // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2016. ? 2. С. 160–166.

Губик С.В., *Шакирова Э.Р.* Коммуникативные и когнитивные аспекты исследования экономического медиа-дискурса (на материале журнала “The Economist”). Уфа, 2015.

Елинсон М.А. Коммуникативная стратегия речевых актов // Альманах мировой науки. 2016. ? 2–1 (5). С. 97–100.

Кильдибекова Т.А., *Гафарова Г.В.*, *Абдюкова Л.А.* Функционально-когнитивная систематизация лексики как основа дискурсивной деятельности // Когнитивный и коммуникативный аспекты дискурсивной деятельности: Материалы Междунар. научно-практич. конф. 11–12 декабря 2012. Т. 1 / Отв. ред. Ф.Г. Фаткуллина. Уфа, 2012.

Кильдибекова Т.А., *Гафарова Г.В.*, *Шарипова В.А. и др.* Русско-английский функционально-когнитивный словарь (сферы «Говорить», «Слышать», «Видеть»). Уфа, 2004.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. 5-е изд., испр. и доп. М., 2012.

Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград, 2001.

Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 53000 слов / Под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М., 2003.

Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М., 1988.

Серль Дж. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986. С. 151–166.

Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. проф. Н.Ю. Шведовой. 16-е изд., испр. М., 1984.

Стернин И.А. Контрастивная лингвистика: Проблемы теории и методики исследования. М., 2007 (Лингвистика и межкультурная коммуникация: Золотая серия).

Функционально-когнитивный словарь русского языка (Языковая картина мира) / Под общ. ред. Т.А. Кильдибековой. СПб., 2011.

Шакирова Н.Р., *Макарова Ю.В.* Перевод культурно-маркированных единиц в художественном тексте // Фундаментальные проблемы науки: Сб. статей Междунар. научно-практич. конф.: В 2 ч. Ч. 2 / Отв. Ред. А.А. Сукиасян. Уфа, 2015. С. 98–101.

Шарипова В.А. Русские и английские глаголы сферы «Говорить» со значением передачи информации, отражающие одну из основных функций языка // Вестник Башкирского ун-та. 2011. Т. 16. ? 3 (1). С. 1101–1105.

Шарипова В.А. Передача чувств, состояния, отношения посредством ядерных глаголов сферы «говорить» и их дериватов в свете рассмо-

трения субъектного аспекта вербальной интеракции (на материале русского и английского языков) // Вестник Башкирского ун-та. 2012. Т. 17. ? 1. С. 232–236.

Шарипова В.А. Объективация в языке функционально-когнитивной сферы «речевая деятельность» (на материале русского и английского языков): Дисс. … канд. филол. наук. Казань, 2013.

Шарипова В.А. Объективация в языке функционально-когнитивной сферы «речевая деятельность» (на материале русского и английского языков): Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Казань, 2013.

Шарипова В.А., *Валиахметова Э.К.* Функционально-когнитивная сфера – новый тип организации лексики // Вестник Вятского гос. гуманитарного ун-та. 2015. ? 8. С. 100–104.

Шарипова В.А. О концептуализации и объективации концептов в языке – неотъемлемых процессах речевой деятельности homo loquens (с использованием материалов компаративного исследования глаголов говорения русского и английского языков) // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2015. ? 4 (64). Т. 1. С. 186–190.

Шарипова В.А. Голос и тон как эмоциональная составляющая речевой коммуникации в компаративных исследованиях сферы «речевая деятельность» на материале русского и английского языков // Электронный научный журнал: Материалы Междунар. научно-практич. конф. «Развитие науки и образования в современном мире» 31 января 2016. СМИ ЭЛ ? ФС 77 – 59572 от 08.10.2014 г.

Aznabaeva L.A., Shakirova N.R. Lexical aspect of translation from English into Russian: Учеб. пособие. Уфа, 2014.

Harrap's English School Dictionary. London, 1991.

Webster's New World Dictionary. Third College Edition. 1994.

Сведения об авторах:

Шарипова Василя Анатольевна, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков для профессиональной коммуникации Башкирского государственного университета (Уфа). E-mail: vasilia.anatolevna@yandex.ru;

Шакирова Наиля Рауфатовна, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков для профессиональной коммуникации Башкирского государственного университета (Уфа). E-mail: nailya_shakirova@mail.ru;

Елинсон Мария Альбертовна, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков для профессиональной коммуникации Башкирского государственного университета (Уфа). E-mail: maria_elinson@mail.ru.

Н.А.Литвиненко

Роман У. Эко «Таинственное пламя царицы Лоаны»: ретроспективные горизонты массового

В статье исследуется проблема взаимосвязи поэтики массового и немассового в романе У. Эко «Таинственное пламя царицы Лоаны». Массовое рассматривается как пласт культуры и становления героя, как составляющая «эстетического синкретизма» художественного мышления писателя.

Ключевые слова: архетип, интертекст, память, массовое, синкретизм.

The article explores the problem of interconnection of the poetics of mass and non masculture in «The Mysterious Flame Of Queen Loana» by U. Eco. The mass is regarded as the layer of culture as well as part of the development of the character becoming the part of the aesthetic syncretism, forming the writer's artistic thought processes.

Key words: Umberto Eco, archetype intertext, memory, mass culture, syncretism.

Автор многих трудов по семиотике, исследовавший природу и механизмы интерпретации, взаимосвязи читателя и текста, Умберто Эко в романе «La misteriosa fiamma della regina Loana» (2004) воплотил феномен синкретизма массового и немассового, присущий многим произведениям современной литературы, специфика которого все еще недостаточно исследована. Традиционно маркированный жанровый подход к проблеме изучения массовой литературы[1] не вполне продуктивен, поскольку многие значительные произведения разных эпох представляют метатекст, симбиоз массового и немассового, требуют использования интерпретационного инструментария, учитывающего двойственную природу подобных явлений.

Свойственная романистике писателя амбивалентность массового и немассового по-разному воплотилась в его бестселлерах: «Имени розы» (1980) – романе с детективной интригой и «обаянием тайны», богатством цитат и остроумных аллюзий (Адриано Дель Аста), в «Маятнике Фуко» (1988), «Острове накануне» (1994), «Баундолино» (2000), «Пражском кладбище» (2011), «Нулевом номере» (2015) – художественных текстах, раскрывающих механизмы мифологизации, где читатель сталкива-

[1] *Fondanèche D.* Paralittératures. Vuibert, 2005.

ется «с заговором, интригой, загадкой, какими-то фантастическими смещениями реальности»[2]. В многочисленных трудах по семиотике и истории литературы У. Эко исследовал социальные и литературные механизмы, лежащие в основе функционирования массовой литературы – от «Мифа о Супермене» и романов Э. Сю, Флеминга до популизма в СМИ[3], – феномен «открытого» и «закрытого» произведения[4], разработал принципы подхода к массовому и немассовому искусству на основе изучения процессов творчества, интерпретации и актуализации содержания текста.

У. Эко неоднократно подчеркивал, что в литературном произведении всегда заложен «структурный элемент процесса порождения самого этого текста»[5], подчеркивал роль «текстового замысла», прокладывающего пути к «наслаждению текстом» (выражение Р. Барта). При этом писатель и литературовед, он убежден в возможности двойственного прочтения любого произведения. Анализируя рассказ Альфонса Алле «Вполне парижская драма», У. Эко отмечал, что он может быть прочтен «двумя различными способами: наивно и критически, – но оба типа читателя изначально включены в стратегию текста»[6]. Особенности художественного мышления писателя, как очевидно, по-разному формируют жанрово-поэтологические векторы письма, восприятия и интерпретации произведения – текста.

В романе «Таинственное пламя царицы Лоаны» в заглавие вынесены метафора, миф, аллюзии, адресованные – на серьезном и игровом уровне – эрудированному читателю и в то же время широкому, для которого все элементы заглавия обладают сказочной, фантастической – притягательной семантикой. Уже на этапе первичного именования текст обнаруживает многоуровневость и многомерность. Вектор «порождения» наталкивает исследователя не только на проблему взаимосвязи массового и немассового в романе, но и на стремление понять, какую роль играет массовое в становлении личности и сознания героя – изощренного интеллектуала, по многим признакам близкого самому писателю. В рамках

---

[2] *Улицкая Л.* Ученый под маской писателя; *Костюкович Е.* Паранойя заговора и логика истории. http://archive.taday.ru/text/1338146.html.

[3] См.: *Эко У.* Роль читателя: Исследования по семиотике текста. М., 2017 (в книгу вошли работы 1960–1970-х гг.); *Эко У.* Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ. М., 2007. https://www.litres.ru/umberto-eko/rol-chitatelya-issledovaniya-po-semiotike-teksta/chitat-onlayn/.

[4] См.: *Эко У.* Открытое произведение. СПб., 2004.

[5] *Эко У.* Роль читателя. М., 2005. С. 22.

[6] Там же. С. 23.

небольшой статьи мы затронем некоторые аспекты обозначенной проблемы.

Одна из особенностей художественного мышления У. Эко, обнаруживающего многовекторность формируемого горизонта читательских ожиданий, связана с обращением писателя к архетипическим образам и мотивам. Они в процессе развертывания сюжета обретают «личностное» своеобразие и неисчерпаемое поле интерпретационных возможностей. В игровом и многослойном пространстве культуры, в условиях дробящегося и ускользающего бытия писатель ищет ценности личностно значимые – и универсальные.

Использование архетипа в литературном произведении неизбежно порождает «потенциальную бесконечность» интерпретаций, ассоциаций, аллюзий, множество смыслов, находящих разнообразный отклик в сознании автора, героя и читателя. К. Юнг писал о том, что «любое отношение к архетипу, переживаемое или просто именуемое… пробуждает в нас голос более громкий, чем наш собственный. Говорящий праобразами говорит как бы тысячью голосов, он пленяет и покоряет, он поднимает описываемое им из однократности и временности в сферу вечносущего, он возвышает личную судьбу до судьбы человечества, и таким путем высвобождает в нас все те спасительные силы, что извечно помогали человечеству избавляться от любых опасностей и превозмогать даже самую долгую ночь»[7]. Герой У. Эко ищет в своей памяти эти «спасительные силы». Очевидно, праобразы, архетипы по-разному проявляют себя в произведениях массовой и немассовой литературы, в произведениях, обладающих универсальным эстетическим потенциалом.

В ряду центральных образов-архетипов в романе У. Эко выделим принадлежащие разным семантическим мирам, антитетические образы – тумана и любви, стягивающие в единое романное целое различные пласты философско-эстетических идей и традиций изображения смерти и бессмертия, судьбы поколения и героя.

«Туман» на различных этапах развития литературы, в поэзии, прозе, как природное явление[8], как метафора и символ, был признаком и проявлением мистического начала, элементом готической топики, знаменовал или сопровождал появление «потусторонних сил», интенсивно исполь-

---

[7] *Юнг К.* Архетип и символ. Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству. http://knigosite.org/library/read/45737.

[8] Туман как атмосферное явление имеет широкую и разнообразную классификацию. https://ru.wikipedia.org/wiki/Туман.

зовался в оссианической лирике, формировал особую технику письма в произведениях живописи (в картинах Каспара Давида Фридриха, Моне, Писарро…)[9]. Черпая из глубин иррационального, он передавал бесконечность и непостижимость универсума, человеческой души, эстетического опыта, был одним из модусов изображения бессознательного. В нем записан «опыт воображения», эстетические и культурные коды разных эпох. В его «атмосферной» и метафорической природе заложены семантически контрастные пары, антиномии, соотносящие представление о видимом и невидимом, ясном и неразличимом, светом и тьмой, ночью и днем, жизнью и смертью, рациональном и иррациональном. Он предварял, предсказывал, угадывал, предвещал, предостерегал, погружал, манил, пугал… В нем переплетались таинственные нити бытия и небытия. Он был «субъектом» и объектом художественного изображения. «Размытая» семантика потенциально включала пространство символизации, порождая «избыточность», художественных смыслов, ассоциаций и психологических подтекстов. Интерпретация этого мотива по-разному вписывалась в художественные стратегии писателей разных литературных направлений и эпох, в особенности романтиков и символистов, которые «вчувствовались» в «символические связи-сцепления вещей», а через них умели расслышать «говорящий смысл самого бытия»[10].

Герою романа У. Эко Джамбатиста Бальдони, протагонисту автора, приходится превозмогать ночь беспамятства, прибегнуть не только к бессознательному, но и к сознательному «одухотворению архетипа». Мотив тумана позволяет писателю «обрести доступ к глубочайшим источникам жизни» – к своему прошлому, к поэзии и искусству. В нем заключен автобиографический и даже политический подтекст: авторы школьных букварей из его детства «переврали даже туман» – в условиях военной маскировки «туман покрывал город защитной пеленой». В сознании героя туман постепенно рассеивается, затем снова сгущается, порождая лейтмотивное звучание отдельных поэтических фрагментов, чтобы обернуться в конце ясностью высокого и трагического финала. Сопрягаемый с бессознательным памяти, туман соединяет первичные жизненные впечатления героя с универсумом итальянской истории и культуры.

---

[9] Category: Fog in art - Wikimedia Commons. http://commons.wikimedia.org›wiki/Category:Fog_in_art.

[10] *Косиков Г.К.* Два пути французского постромантизма: символисты и Лотреамон // Поэзия французского символизма. Лотреамон. Песни Мальдорора. М., 1993. С. 12.

Потеря памяти и поиски персонажем своей идентичности – достаточно широко используемый прием, в том числе массовой литературой XX в. У. Эко обновляет его, сделав главным героем миланского букиниста-антиквара, частично утратившего память. Герой не помнит всего того, что связано с его личностью и биографией, но сохранил «бумажную память» – обо всем, что запечатлено в слове, в том числе в образах массового и немассового искусства XX в., от комиксов до произведений представителей интеллектуальной художественной элиты. Новую жизнь герой начинает как будто по упрощенной схеме – с чистого листа, в духе коллизий массовой литературы, тогда как его «бумажная память» живет в другом измерении, она безмерна и фантасмагорична. Интертекстуальное пространство романа обнаруживает в герое-повествователе ученого-медиевиста, культуролога, литературоведа, семиотика, искусствоведа, отсылая читателя к «Вавилонской библиотеке» Борхеса. Роман У. Эко становится романом становления героя, переживающего процесс идентификации личности, стремящегося не только вернуть прошлое, но и по-новому осмыслить прожитую жизнь. С этим связаны исповедальность, лиризм, ирония, энергия его исканий. Это процесс не линейный, прерывистый, протекающий иррационально и являющийся предметом постоянной рефлексии героя.

У. Эко дифференцирует разнообразные виды памяти – органической, минеральной, «бумажной», семантической, автобиографической, эксплицитной, эпизодической – неоднократно возвращается к опыту Марселя Пруста, на постмодернистской основе вступая в диалог с ним. Хаотично и бурно возвращающееся сознание создает сложные, парадоксальные, иронические связи между современностью, миром книжного и исторического опыта, политического знания об эпохе, второй мировой войне, итальянской истории и собственной жизнью. В изображении этого процесса переплетаются обыденно-массовый опыт взросления героя и современный – высокий эстетический интеллектуализм.

У. Эко начинает произведение с описания состояния героя, продирающегося сквозь неясные, размытые, разреженные очертания окружающего мира: «Я долго спал и проснулся, но был как в сером молоке»[11]. Мотив тумана с первых строк погружает читателя в поэзию. Она – и след прежней жизни, и глубинная сущность жизни как таковой, и нечто дальнее, что отстоит от нее и пребывает на других берегах. «*Бывал ли я дотоле в*

[11] *Эко У.* Таинственное пламя царицы Лоаны. http://www.libros.am/book/read/id/143925/slug/tainstvennoe-plamya-caricy-loany.

Брюгге мертвом? Где меж дворцов туман как ладан снулый? О грустный и серый город – Надгробие в хризантемах, По стенам ошметки тумана Висят как обоев куски»[12]. Эти строки связывают «Таинственное пламя царицы Лоаны» с романом бельгийского писателя-символиста Жоржа Роденбаха «Мертвый Брюгге» («Brugesla-morte», 1892). Цитируемые строки – предощущение надвигающегося конца, которое удается герою, возвращающемуся в реальный мир, на время отодвинуть, приостановить. Обретение прежнего и нового себя трансформирует поэтику романа становления. И мотив мертвого Брюгге, обволакивающего поэтической интонацией, убаюкивающей, навевающей печальные и страшные то ли воспоминания, то ли сны, становится значимым экспозиционным мотивом. В то же время процитированные строки, ассоциативно всплывающие в сознании героя, передают и создают атмосферу, в которой пребывает герой. В силу музыкальности, самой убаюкивающей интонации эти строки обладают доступностью – не только на уровне сознания, но и эстетического бессознательного широкого читателя, порождая в то же время широкий пласт символистских поэтических ассоциаций.

У самого Роденбаха в символистской традиции, восходящей к романтизму, изображен герой, замкнутый в своем одиночестве, страдании, самолюбовании, сосредоточенный на эстетизируемом образе умершей любимой жены, он срастается с городом – образом Брюгге. Герой Роденбаха совершает свою «обычную прогулку в сумерки, несмотря на продолжавшийся дождь и частый туман конца осени, – мелкий вертикальный дождь, который точно плачет, ткет воду, наматывает воздух, усеивает иголками гладкие каналы, охватывает и пронизывает душу, подобно птице, попавшей в мокрые сети с бесконечными петлями… в этом старом городе мертвый пепел времени, прах из песочных часов минувших лет положил на все свою молчаливую печать»[13]. «Серую душу оттенка города» герой Роденбаха осознанно культивирует в себе, автор воплощает эту тему и в других романах: «Призвание» («La Vocation», 1895), «Звонарь» («Le carillonneur», 1897).

Семантика ассоциаций романа У. Эко уходит вглубь элитарных, порой мистических традиций литературы рубежа XIX–XX вв. «Песчинки вечности» всплывают в сознании героя У. Эко, «возвращающегося» из «мертвого города» своего беспамятства, насыщают его цитатами, фрагмента-

[12] Там же.

[13] *Роденбах Ж.* Мертвый Брюгге. http://az.lib.ru/r/rodenbah_z/text_1892_bruges_la_morte.shtml.

ми, обрывками былых знаний. Туман становится одним из центральных мотивов, передающих состояние героя на этапе возвращения к жизни и погружения в ночь. «Вязкий и тусклый», он заполняет пространство сознания, он «окутал весь город и вызвал сонм привидений»… Это метафора не только состояния героя. В ней звучит мотив, восходящий не только к романам, но и к поэтическим текстам Роденбаха, который на протяжении всей жизни рисовал в мистическом ореоле Мертвый Брюгге. В книге «Светлая юность» («La Jeunesse blanche», 1886) в философском лирическом видении – «Городе прошлого» («La ville du Passé») он воспевал «солнца юности в кровавых ранах», воплощение необратимо исчезающего былого – мечты:

La ville du Passé s'efface ainsi qu'un rêve
Sous la brume qui tremble en d'invisibles doigts,
Mais un faisceau confus de Souvenirs s'élève…
Par delà le sommeil des pignons et des toits...
La ville du Passé s'efface ainsi qu'un rêve
Sous la brume qui tremble en d'invisibles doigts,
Mais un faisceau confus de Souvenirs s'élève
Par delà le sommeil des pignons et des toits...[14]

Город прошлого у Роденбаха – это и город смерти, и хрупкие лучи памяти, колокольни детства, – гармонизированный образ воскрешаемого мира, погружающегося в «задумчивый закат». «Глубоко личное, неотчуждаемо-интимное»[15] формирует лирический миф поэта, опирающегося на символистский архетип образа, где «глубоко личное», мистически окрашенное, содержит модус всеобщего.

Персонаж У. Эко не устремлен к божественно-идеальному, не стремится, подобно лирическому герою Роденбаха, «погрузиться в аквариум» воспоминаний, жить в «изгнании», «в пустоте вчерашней», одиночестве, в мертвом городе, следя за тем, «как подступает смерть», как «душу день за днем уничтожает время». Ритмическая интонация стихов Роденбаха создает психологический подтекст, вводит полифонию оттенков. Стихи Роденбаха вносят в роман Эко новую меланхолическую, трагическую мелодию, создают текстовое пространство, связывающее строки романа с символистскими мотивами смерти, но и с сентименталистски-

[14] *Rodenbach G.* La ville du Passé: http://short-edition.com/classique/georges-rodenbach/la-ville-du-passe

[15] *Кассу Ж.* Энциклопедия символизма: Живопись, графика и скульптура. Литература. Музыка. http://coollib.com/b/233786.

ми – тщетности и быстротечности всего земного, звучание которых уходит вглубь вековых традиций культуры. У автора «Таинственного пламени…» эти мотивы сопряжены с иронической и напряженной интеллектуальной рефлексией, познавательной энергией повествователя – героя.

Поэтические цитаты и фрагменты возникают спонтанно, по принципу нанизывания ассоциаций – и туман Брюгге сменяется туманом Кардуччи:

«– Можете вы описать туман? – спросил доктор.

– *Туман по дикому склону Карабкается и каплет»* (курсив автора)[16].

У Дж. Кардуччи в «San Martino» на фоне элегической задумчивости возникают знаки-сигналы другого – мрачного мира:

La nebbia a gl'irti colli / piovigginando sale,
e sotto il maestrale / urla e biancheggia il mar…
tra le rossastre nubi / stormi d'uccelli neri,
com'esuli pensieri, / nel vespero migrar[17].

Эко не комментирует, не развивает поэтическую интонацию Кардуччи, но пробуждает, заставляет подтекстово звучать образы-знаки – черные птицы, изгнанники-мысли; ассоциация поэтическая отдаленно вводит мрачный мотив предчувствия катастрофы. Индивидуально-личностное соприкасается, преломляется в трагически всеобщем – символически окрашенном пейзаже. И от читателя зависит глубина восприятия – то ли оставаться в пределах иронически прозвучавшей реплики персонажа о «карабкающемся тумане», то ли погрузиться в пространство смыслов, встающих за строкой стихотворения Кардуччи, которую процитировал библиофил и эрудит-герой.

Высокая стилистика и образная ткань произведения постоянно подвергаются ироническому «заземлению». Опыт современного восприятия жизни перекликается не только с символизмом. Романтический катастрофизм входит составляющей в массовое и немассовое сознание современного героя. В этот контекст, перемежаясь с другими образами и мотивами, вписываются: паром, Харон, энцефалограмма, атрибуты пыток, «В исправительной колонии», железная маска, «Приключения Артура Гордона Пима», Измаил из романа Мелвилла «Моби Дик», «Три мушкетера»… Поток мыслей воспроизводит бессознательно-автоматическое, ассоциативное переплетение обрывков мыслей, образов, попытку преодоления иррационального, попытку прорвать завесу тумана, надвигаю-

[16] *Эко У.* Таинственное пламя… Указ. изд.

[17] *Carducci G.* San Martino. http://www.tania-soleil.com/giosue-carducci-san-martino/.

щегося небытия. Но это и блистательный фейерверк, на протяжении романа формирующий образ европейской культуры, его выразителя – современного гуманитария-интеллектуала.

Писатель не стремится к созданию мистического подтекста, вкрапляет бытовые впечатления, наблюдения героя, при этом поэтическая тема, тональность содержит интеллектуально-игровую иронию, неоднократно возникает на страницах романа. Она – во всплывающих в сознании героя и цитируемых строках: «*Я жевал туман.* – Из лирического цикла «Ноктюрн. Комментарий к сумеркам» (Notturno. Commentario delle tenebre, 1916) Габриеле Д'Аннунцио, и в строках «*Проникает туман, будто кошка…*» – из поэмы «Туман» (1916) американского поэта Карла Сэндберга[18]…

В бесконечно интеллектуализированный пласт изображения У. Эко вводит не только высокие мотивы поэзии, но и образы, впечатления, непосредственно почерпнутые из массового искусства. Эти сферы восприятия и изображения в романе У. Эко не антагонистичны, не враждебны, но взаимодействуют, дополняют друг друга, могут быть в ироническом контексте взаимообратимы.

По контрасту и заземляя текст, в ассоциативном пространстве возникают имена литературных героев, авторов произведений массовой литературы: «Мегрэ ныряет в такой плотный туман, что даже не видит, куда ступает. Видит, что в тумане полно человеческих фигур. Чем дальше идет комиссар, тем оживленней становится таинственная жизнь в тумане. Мегрэ? Элементарно, дорогой Уотсон, элементарно, как десять негритят, именно туман-то и укрывал собаку Баскервилей»[19]. «Плотный туман» детектива остранен и введен в новый романный контекст. Детективный элемент включает в единое художественное пространство Мегрэ, Уотсона, Агату Кристи, Шерлока Холмса. Мотив таинственного растворяется в преступлении, разгадка которого аналитически постижима и в то же время – в интерпретации У. Эко – становится непостижимой. Массовое – детектив приобретает новое эстетическое измерение.

Смещенные акценты интригуют и порождают новые читательские догадки о сцеплении упомянутых детективных сюжетов. На основе собственного «прочтения», разнообразных реинтерпретаций, цитирования и

---

[18] The fog comes / on little cat feet.
It sits looking / over harbor and city
on silent launches / and then moves on [10].
Sandburg C. http://www.0zd.ru/literatura/biografiya_i_tvorchestvo_pisatelya_ka.html.

[19] *Eco U.* La misteriosa fiamma della regina Loana. Указ. изд.

семантических трансформаций, «интертекстуальной иронии» писатель создает «двойной код». Он конструирует внутри текста «двойную парадигму интерпретаций, благодаря которой произведением может в равной мере насладиться как образованный читатель, опознающий все интертекстуальные отсылки, так и читатель массовый, этих перекличек не замечающий»[20]. Писатель создает новые художественные смыслы; для широкого читателя – забавный и увлекательный, эмоционально впечатляющий и загадочный коллаж.

И, однако, в романе бессознательное – сфера элитарного дискурса, оно заполнено философско-литературными аллюзиями. Мотив тумана, жизни в тумане включает строки из стихотворения «Странно бродить в тумане!» (1905) из одноименного стихотворения Германа Гессе[21]: «*Странно бродить в тумане! Деревья не видят друг друга, Одинок каждый куст и камень, Не выйти из этого круга*!» (пер. с нем. Р. Филипповой). Переводчик Е. Костюкович в комментариях к роману уточняет многочисленные источники цитирования У. Эко: строки из произведений Джованни Пасколи, Федерико Гарсиа Лорки, Альберто Савинио, Э. Дикинсон, Т.С. Элиота, Пиранделло, Витторио Серени, Д'Аннунцио, Флобера, Бодлера, Г. Гейне, Ч. Диккнеса…[22]

Туман становится рефреном, лейтмотивом, символом состояния героя, его полного одиночества во вновь обретенном мире – одиночества, преодолеваемого памятью-сознанием, которое черпает поддержку в великом множестве «одиночеств», запечатленных в литературе. Поэтический текст, даже самый «закрытый», замкнутый на лирическом «я», потенциально диалогичен, он – средство сублимации, высокого и трагического общения с миром в романе У. Эко.

Отрывочные фразы, ассоциативно набегающие образы развертываются в стихотворения, фрагменты, своеобразную симфонию туманов. И прежние, и новые имена возникают на страницах текста, придавая им удивительную поэтическую объемность, охватывая бескоайние поэтические горизонты – мыслей, впечатлений героя, восполняющего и созида-

[20] *Ребеккини Д.* Умберто Эко на рубеже веков: от теории к практике // Новое литературное обозрение. 2006. № 80. http://magazines.russ.ru/nlo/2006/80/re26.html.

[21] Seltsam, im Nebel zu wandern! / Einsam ist jeder Busch und Stein Kein Baum sieht den andern, / Jeder ist allein… (*Hesse H*. Im Nebel. http://www.lyrikline.org/de/gedichte/im-nebel).

[22] *Костюкович Е.* Комментарии // Эко У. Таинственное пламя царицы Лоаны. http://www.libros.am/book/read/id/143925/slug/tainstvennoe-plamya-caricy-loany.

ющего на глазах читателя свой образ-мир. Этот мир «фрагментирован», но поэтическое пространство культуры и восприятия героя придают ему целостность. Подобно «амальгаме сна» у Джойса, туман создает в романе У. Эко «исконную свободу», «зону плодотворной двусмысленности», помогая «обнаружить новый порядок универсума»[23] – романного и психологического. Центром его становится царица Лоана. С нею связан переход в новое ценностное измерение – к иному архетипу – любви, а затем видению, завершающему роман.

Образ царицы Лоаны в роман Эко, как он сам признается, пришел из комиксов. Из комиксов, массовой культуры пришел в роман огромный массив иллюстраций, они – способ изображения «местного колорита», иронии над временем и собой, знаки прошлого, культурного пространства, в котором формировался герой, – но за этим – и признание той особой роли, которую играла массовая культура в выработке сознания и ценностных представлений не только героя, но и целого поколения итальянцев[24]. За этим воспроизводимым потоком документов – иллюстраций, обложек, комиксов, рекламных и пропагандистских плакатов, марок скрывается намерение писателя охватить все пласты и составляющие культуры Италии описываемых лет. Американские комиксы, этикетки, разнообразные картинки, песенки, рисунки – Эко создал иллюстрированный роман, в котором обширный материал артефактов сопровождает биографию героя, историю детства, фашистского этапа жизни поколения, к которому принадлежит Бодони, историю Италии 1930–1940-х гг. – периода, когда формировалось «гражданское сознание» героя. Д. Ребеккини не без основания увидел в романе У. Эко «инициационное путешествие в материальную культуру межвоенной Италии, экспедицию в мир культурных, в основном американских, мифов и ключевых образов одного из итальянских поколений, выросшего в переломный момент истории страны»[25].

Весь этот изображенный писателем обширный пласт принадлежит массовой культуре, благодаря фактографической точности придает роману ценность своеобразного исторического документа, но также документа глубоко личного: с влиянием массовой культуры писатель связывает нравственное становление героя, способность преодолеть воздействие официальной идеологии: «Очевидно, что в этих книгах, наполненных

---

[23] *Эко У.* Поэтика Джойса. СПб., 2003. С. 343.

[24] См.: *Ребеккини Д.* Указ. соч.

[25] Там же.

грамматическими ошибками, я встречал героев, отличных от тех, которых предлагала мне официальная культура, и, возможно, с виньеток, раскрашенных самыми обыкновенными, но обладавшими гипнотическим воздействием цветами, я научился по-другому видеть Добро и Зло»[26].

Образ царицы Лоаны отсылает читателя не к политическим, а к приключенческим, художественным мифам. С царицей Лоаной связан один из центральных мотивов, характеризующих роман писателя и массовую литературу, – идеальной и вечной любви. Это образ и миф, в свете которого все произведение приобретает свой особенный смысл.

В апокалиптической фантасмагории предсмертных видений, смешивающих в бесконечном калейдоскопе детские впечатления, комиксы, образы и литературных героев, повествователь обращается к «собственному божеству divinita privata» – царице Лоане: «Я знаю, царица Лоана тоже почерпнута из пресловутой *бумажной памяти* (*memoria cartacea*). Однако я имею в виду не ту, не царицу Лоану из реального комикса, а мою собственную царицу Лоану, переработанную моим воображением, значительно более эфирную и бестелесную. Царицу – хранительницу таинственного пламени воскресения, способную оживить “каменных гостей” из любого, самого отдаленного былого[27] (la custode della fiamma della resurrezione, che può far tornare cadaveri impietriti da qualsiasi remoto passato)»[28].

Эко совмещает и переплетает трагический мотив таинственного пламени с иронией, с обыденной, едва ли не физиологической реакцией героя: «Что мы ощущаем, когда нам пожимают селезенку? Я бы сказал… таинственное пламя… И ты что-то ощутил, когда увидел снимок родителей? – Почти… – А я, между нами говоря, запылал таинственным пламенем, возмечтав о Сибилле…»[29]. В этот мотив входят метафорические, символические оттенки – симпатии, притяжения, влечения к женщине – прекрасному, как целокупному смыслу жизни, – и ироническая улыбка автора.

Писатель связывает этот мотив не только с цветным комиксом под названием «Таинственное пламя царицы Лоаны», но и с произведениями писателя-неоромантика Райдера Хаггарда «Она: история приключения» («She: A History of Adventure», 1887) и «Аэша: возвращение Ее» («Ayesha:

---

[26] Эко У. Таинственное пламя… Указ. изд.

[27] Эко У. Таинственное пламя… Указ. изд.

[28] *Eco U.* La misteriosa fiamma della regina Loana. http://www.BookZZ.org.

[29] Там же.

The Return of She», 1905). К героине Хаггарда восходит миф о вечной красоте и бессмертной любви, побеждающей смерть и время[30]. Две тысячи лет отделяют первое воплощение любимого ею Калликрата от последнего, – когда любовь героя наконец выдержит все испытания и станет взаимной[31]. Вся энергия борьбы за любовь, красоту, совершенство и бессмертие принадлежит героине. И именно она в романе Хаггарда становится образом-символом. У Эко все искания и борьба за любовь осуществляются в пространстве «приключений» мысли – интеллектуально-поэтического дискурса героя, в области слова, которое открывает и пробуждает его рефлексию о собственной и несобственной жизни, времени, истории и любви.

Эко использует традиции романтической мифологизации; трансформируя каноны современного массового искусства, в процессе развертывания сюжета он придает им новое, уже не «массовое», – личностное звучание. Тема бессмертия любви вновь и вновь возникает в пространстве памяти героя. Пламя царицы Лоаны коснулось его юности, там остался оттиск, контур, абрис его первой любви, который временами возникал в его сознании, возникает – и перед смертью. Повествователь-аналитик угадывает в нем «единым разом лица всех женщин, которых любил… признаки архетипа, черты Идеи, которую… никогда не достиг, но за которой гнался всю жизнь»[32]. Автор сам обозначил природу и смысл этого архетипа.

В аспекте исследуемой проблемы – соотношения массового и немассового в романе Эко важна неоднократно всплывающая в памяти героя пьеса Э. Ростана «Сирано де Бержерак» (1897), поскольку тема бессмертной любви – воскресения любви и в любви – формирует личностный миф героя. Она вырастает из впечатлений, образов, проблематики этой пьесы – мелодрамы, построенной на эффектах и контрастах, на идеальных и абсолютных императивах неоромантизма. «Я и сейчас помню почти дословно каждую строку», – пишет Джамбаттиста Бодони. Именно в «Сирано», повествователь обнаруживает «ключ» к своему «взрослению», связывает с этой драмой «историю первых любовных переживаний». Знаменательно: понимание мелодраматизма произведения Ростана, оказавшего столь глубокое влияние на становление внутреннего мира

---

[30] *Андреева Е.* Ориенталистские мотивы в творчестве Генри Райдера Хаггарда. М., 2016. https://books.google.com.ua/books?isbn=5040068387.

[31] *Хаггард Г.Р.* Аэша. http://royallib.com/read/haggard_genri/aesha.html#409600.

[32] Эко У. Таинственное пламя… Указ. изд.

героя, – понимание массового в стилистике и проблематике драмы, не мешает, а напротив, помогает герою-повествователю почувствовать ее волшебство, дать адекватную оценку роли «Сирано» в собственной жизни, в формировании романтического идеала. Отождествлявший себя с персонажем Ростана, счастливый, он «уходил из жизни, не дотронувшись до любимой, оставляя ее в небесном состоянии неоскверненной мечты»[33]. Массовое, романтизм, даже в его мелодраматическом воплощении, формировали образ идеальной возлюбленной, – «и Лила стала моею навсегда», как пишет повествователь-герой. Массовым предстает модус и императив такой любви.

Лирическое, поэтическое переживание становится способом и средством воплощения прекрасного, погружения в бездну и выхода из нее; передает бесконечное сплетение оттенков – в тексте и подтексте – мотивов одиночества, страдания, любви, поисков смысла жизни – переживания и аналитического размышления, иронии и счастья. Исповедальность и лиризм соединяют в единое эстетическое целое искание идеала, любовь, жизнь и смерть.

Произведения массовой литературы, восходящие к романтизму, будучи переработаны воображением героя, остаются для него источником подлинного и прекрасного, воплощением скрытого таинственного смысла жизни.

В самом конце, в «голубом свете отдаленья» от таинственного острова, в желании уйти от «банальности жизни», устремленный к недосягаемому, готовивший себя для встречи с Лилой, герой У. Эко наконец видит ее мягкую походку, колыхание волос, «легонькую фигуру Лилы в черной школьной форме» – легкий и четкий контур.

Романист пересоздает в кульминации-развязке – последней главе – пласт по-новому осмысленных картин и впечатлений детства, юности, представлений о жизни. Это вспомненная реальность – при всем циклическом обороте памяти замыкается воспоминанием-видением, в сознании читателя заставляющем воскреснуть идеальные контуры Лауры или Беатриче. Лишенные жизненной реальности, они остались только в отражениях, созданных влюбленными в эти образы поэтов. Сама мерцающая реальность придавала и придает им, как и в романе Эко, архетипический, глубинный смысл.

В отличие от своих великих предшественников, герой не уверен, была ли она – или это плод его воображения: «Если б я увидел лицо Лилы, я

[33] *Эко У.* Таинственное пламя… Указ. изд.

уверился бы, что она существовала на свете». Но, безусловно, она существует в его сознании, он создает ее образ, *видит* в самые последние мгновенья жизни. И это уже не туман, а пламя царицы Лоаны, воскрешающей черты его идеала. Архетип пламени, резко, контрастно противопоставленный туману, воплощает извечную и страстно переживаемую героем-повествователем потребность в абсолютной, идеальной любви.

Прежде чем возникнет «последнее» видение, Эко несколько страниц романа посвящает спутанному сознанию героя – фантасмагории цитат, фрагментов, имен персонажей, утрачивающих логическую связь между собой. «Воскресение» перенесено в ожидание, в будущее, которого у героя нет: «Она сойдет еще целомудреннее, еще соблазнительней, в черном школьном переднике, светя, *чем солнце даже,* сильнее, и *светлее, чем луна, и белее,* гибкая, не ведающая, что она есть средоточие и истинный пуп земли (l'ombelico del mondo). Я увижу ее славное личико, прямой нос, губы, из-под которых при улыбке чуть выглядывают верхние резцы, как у кролика, она мой ангорский кролик, мой кот Мату, мурлычущий, легонько отряхивая мягкую шерсть, моя голубка, горностай, моя белочка. Она опустится на землю, как утренняя изморозь, и, увидев меня, сделает легкий знак рукой не то чтобы пригласить, но все же – чтобы удержать, чтоб воспрепятствовать моему повторному от нее бегству. Наконец я узнаю, как играется бесконечно сцена развязки моего "Сирано", узнаю, кого же я искал всю на этой земле жизнь, от Паолы до Сибиллы. И воссоединюсь. И пребуду с покоем» (курсив автора)[34]. Перечень ласкательных прозвищ-метафор отчасти банален, но не совокупность, не интонация, не сочетание их… Мотив белого цвета – смерти, возникает, чтобы смениться не туманом, но тьмой, черным солнцем. Возврат в прошлое – иллюзия, которую дарит автор своему герою – и читателю. В переводе Е. Костюкович «Улучу наконец свою Оказию». В оригинале «Finalmente dovrò cogliere l'Occasione» – «Наконец я должен воспользоваться этой Возможностью»[35]… Последнее слово написано с прописной буквы. Идеал и жизнь совместимы в смерти, но все-таки совместимы – в произведении искусства, в сознании, в воображении, в памяти, в мечте… индивидуально, личностно неповторимое вбирает и преломляет свою исключительность в архетипически универсальном, всеобщем.

В предсмертном видении, знаменующем итог жизненных исканий героя, Эко не прибегает к размытым контурам, напротив, цвет и свет, обра-

[34] *Эко У.* Таинственное пламя… Указ. изд.

[35] *Eco U.* La misteriosa fiamma della regina Loana. http://www.BookZZ.org.

зы приобретают отчетливость, определенность с тем, чтобы смениться предсмертным туманом, «загораживающим дверь», и тьмой:

«Ma un leggero fumifugium color topo si sta diffondendo al sommo della scalinata, velando l'entrata.

Sento una folata di freddo, alzo gli occhi.
Perché il sole si sta facendo nero?»[36]

Герой У. Эко, освобождаясь от иронии, до последней секунды сохраняет способность мыслить, чувствовать и любить – в самом высоком эмоциональном регистре. Трагическое включает смерть героя в космос гаснущего солнца и вопрошание о смысле всего.

У. Эко выносит идеал за пределы земной жизни, его любовь не грандиозна, не «движет солнце и светила», но – смысл и цель жизни, «легкий знак рукой». Идеальное, вечное – в предсмертном видении, – как в романтизме, в *предощущении*, *искании* идеала, – в глубине души, в неизбывно трагическом и прекрасном творении художника, писателя, поэта. Но и в памяти. Архетипы тумана и любви, воплощенные во множестве переплетающихся и перекликающихся интертекстуальных мотивов, формируют этот идеал. Современный критик имел основание назвать «Таинственное пламя царицы Лоаны» «уникальным романом» о «самой искренней и чистой любви в истории современной литературы»[37].

Интертекстуальное пространство романа, как и в других произведениях Эко, широко распахнуто в мировую культуру, в нем проступает скрытая в глубине сознания современного человека потребность исповедания идеала. В романе писателя образы переплетаются, вступают в сложные связи и отношения, порождая пространство взаимоотражений, когда каждый мотив, «каждая интерпретация откликаются во всех прочих». В нем проступают традиции, мифологемы, мифы, характеризующие европейскую культуру – «от Декарта до Кубрика»[38]. Джованни Дезидери уловил сходство романа Эко с «Амаркордом» Феллини, стремление сохранить в искусстве «все», восхождение героя к истокам собственной и космической жизни[39].

---

[36] Там же.

[37] *Colella B.* La misteriosa fiamma della regina Loana. L'opera della maturità di Umberto Eco. http://guide.supereva.it/greco/interventi/2004/08/171083.shtml.

[38] *Desideri G.* Lultimo romanzo di Umberto Eco da Cartesio a Kubrick. http://www.ilquotidiano.it/articoli/2004/07/20/22715/la-misteriosa-fiamma-della-regina-loana

[39] Там же.

В «Таинственном пламени царицы Лоаны», как и в других своих романах, У. Эко сосредоточил огромный комплекс проблем, волновавших его на протяжении всей творческой жизни, – философских, эстетических, психологических, общественно-политических. Это роман-итог, затрагивающий различные ветви гуманитарного знания, роман о современности, который охватывает бесконечные горизонты культуры[40]. Очевидно, что это и роман ретроспективно-воспитательный, автобиографический, поскольку автор вложил в него многие мотивы своих предшествующих произведений, личностных размышлений, факты собственной жизни[41], роман исторический и лирический, наконец, иллюстрированный роман.

Изучение подобного текста порождает эффект неизменно отодвигающегося, ускользающего горизонта, когда массовое и немассовое обнаруживают своеобразную амбивалентность, поскольку роман «Таинственное пламя…» принадлежит к элитарной традиции – интеллектуальной литературе, и в то же время «на глазах читателя» формирует свою элитарность из «сора» обыденной и реальной – массовой исторической и культурной, эстетической, собственной жизни героя-повествователя и целого поколения.

У. Эко считал, что «открытый текст подразумевает “закрытого” М-читателя (т.е. “закрытую” фиксированную модель читателя) как составную часть своей структурной стратегии»[42]. Этот принцип он воплотил в энциклопедически масштабном замысле – романе, соединившем судьбу индивида и историческое время как составляющие огромного пространства европейской культуры, где разноуровневые и разнородные полюса отталкиваются, соприкасаются, порождают «возрастание и умножение значений», императивы поисков новых смыслов. Д. Ребеккини считает «эффект затуманивания», которое дезориентирует читателя с помощью резкого смешения пространственно-временных координат, одним из ключевых приемов романа «Волшебное пламя царицы Лоаны»[43]. Но это только одна из составляющих стратегии писателя, другие направлены на разрушение, преодоление «затуманивания», эффекта «искушений одно-

---

[40] *Трофимов А.* Таинственное пламя царевны Лоаны // Бельские просторы. 07.05.2012. № 4. http://litbook.ru/article/1019/.

[41] Отзывы о романе и интервью писателя, переведенное одним из читателей: https://new.vk.com/topic-113250_4003055?post=348

https://www.livelib.ru/book/1000492159/reviews-tainstvennoe-plamya-tsaritsy-loany-umberto-eko

[42] *Эко У.* Роль читателя… Указ. изд.

[43] *Ребеккини Д.* Указ. соч.

значного», вовлекая читателя «в трансакцию, богатую открытиями, все более непредсказуемыми»[44].

Массовое в романе У. Эко – одна из составляющих жизни, истории и искусства, характеризуется эстетическим синкретизмом. Преобразуемое воображением повествователя и читателя, оно обнаруживает неисчерпаемость жизни, скрытые глубины, – как и во многих немассовых произведениях современной литературы.

Эстетическое «двоемирие» – соотношение элитарного и массового снимается в художественной интерпретации мифа и архетипа, в интертекстуальном пространстве романа, в котором взаимодействуют «интенции» автора, произведения и читателя[45]. Механизм поисков утраченного времени, лежащий в основе сюжета, позволяет читателю увидеть, как «наивное наслаждение» обретает множественность и неисчерпаемость смыслов в процессе становления повествователя и ретроспективных поисков героем своего «я» – поисков, в которых принимает участие читатель, создающий собственные «миры референции»[46].

Список литературы

Андреева Е. Ориенталистские мотивы в творчестве Генри Райдера Хаггарда. М., 2016. https://books.google.com.ua/books?isbn=5040068387.

Кассу Ж. Энциклопедия символизма: Живопись, графика и скульптура. Литература. Музыка. http://coollib.com/b/233786.

Косиков Г.К. Два пути французского постромантизма: символисты и Лотреамон // Поэзия французского символизма. Лотреамон. Песни Мальдорора. М., 1993. С. 12.

Костюкович Е. Комментарии // Эко У. Таинственное пламя царицы Лоаны. http://www.libros.am/book/read/id/143925/slug/tainstvennoe-plamya-caricy-loany.

Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. М., 1994. 136 с.

Ребеккини Д. Умберто Эко на рубеже веков: от теории к практике // Новое литературное обозрение. 2006. № 80. http://magazines.russ.ru/nlo/2006/80/re26.html.

Роденбах Ж. Мертвый Брюгге. http://az.lib.ru/r/rodenbah_z/text_1892_bruges_la_morte.shtml.

---

[44] *Эко У.* Открытое произведение. С. 184.

[45] *Eco U.* Les limites de l'interprétation. Paris, 1992. P. 29. https://www.livelib.ru/book/1000492159/reviews-tainstvennoe-plamya-tsaritsy-loany-umberto-eko

[46] *Эко У.* Роль читателя… Указ. изд. С. 402.

Роденбах Ж. Светлая юность / Пер. М. Яснова. http://mreadz.com/read-197880/p3.

Трофимов А. Таинственное пламя царевны Лоаны // Бельские просторы. 07.05.2012. № 4. http://litbook.ru/article/1019/.

Улицкая Л. Ученый под маской писателя; *Костюкович Е*. Паранойя заговора и логика истории. http://archive.taday.ru/text/1338146.html.

Эко У. Открытое произведение. СПб., 2004. 381 с.

Эко У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ. М., 2007. 510 с.

Эко У. Роль читателя. М., 2005. 502 с.

Эко У. Таинственное пламя царицы Лоаны. http://www.libros.am/book/read/id/143925/slug/tainstvennoe-plamya-caricy-loany.

Юнг К. Архетип и символ: Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству. http://knigosite.org/library/read/45737.

Carducci G. San Martino. http://www.tania-soleil.com/giosue-carducci-san-martino/.

Category: Fog in art – Wikimedia Commons. http://commons.wikimedia.org›wiki/Category:Fog_in_art.

Colella B. La misteriosa fiamma della regina Loana. L'opera della maturità di Umberto Eco. http://guide.supereva.it/greco/interventi/2004/08/171083.shtml.

Desideri G. Lultimo romanzo di Umberto Eco da Cartesio a Kubrick. http://www.ilquotidiano.it/articoli/2004/07/20/22715/la-misteriosa-fiamma-della-regina-loana.

Eco U. La misteriosa fiamma della regina Loana. http://www.BookZZ.org.

Eco U. Les limites de l'interprétation. Paris, 1992. 408 p.

Fondanèche D. Paralittératures. Vuibert, 2005. 735 p.

Hesse H. Im Nebel. http://www.lyrikline.org/de/gedichte/im-nebel

Rodenbach G. La ville du Passé. http://short-edition.com/classique/georges-rodenbach/la-ville-du-passe.

Sandburg C. http://www.0zd.ru/literatura/biografiya_i_tvorchestvo_pisatelya_ka.html.

Сведения об авторе: Литвиненко Нинель Анисимовна, докт. филол. наук, профессор кафедры истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета. E-mail: ninellit@list.ru.

К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.М.КАРАМЗИНА

А.Б.Криницын

Повесть «Бедная Лиза» Н.М.Карамзина в творчестве Ф.М.Достоевского

В статье анализируется рецепция повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза» Ф.М. Достоевским – как в широком контексте сентиментализма и его идейно-художественных проекций в творчестве писателя, так и в конкретном случае заимствования сюжетных мотивов повести. Отдельно рассматривается роль антропонима «Лиза» в поэтике женских образов Ф.М. Достоевского, выделяются присущие ему психологические черты.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, Ф.М. Достоевский, сентиментализм, пейзаж, «Бедная Лиза», «золотой век».

The article analyses the influence of Karamzin's "Poor Liza" on Dostoevsky's works: both in the broad context of sentimentalism, including its artistic and ideological projections on the writer's literary works and in cases of particular borrowings of some motives of the plot of the novel. A detailed study of the role of antroponym Liza and its inherent psychological traits in Dostoevsky's poetics is given.

Key words: Dostoevsky, Karamzin, «Poor Liza», sentimentalism, «golden age», landscape.

Достоевский, по собственному признанию в письме к Н.Н. Страхову от 2 (14) декабря 1870 г., «возрос на Карамзине» [Достоевский, 29, 1: 153]. «Бедная Лиза», «Письма русского путешественника», «История государства Российского» входили в круг семейного чтения в доме его родителей. Как отмечает А. М. Достоевский, «История» была для писателя в детстве «настольною книгою, и он читал ее всегда, когда не было чего-либо новенького», тем более что в доме был «свой экземпляр» этого сочинения [Достоевский А., 1964: 80]. В «Дневнике писателя» за 1873 г. («Одна из современных фальшей») Достоевский вспоминал: «Мне было всего лишь десять лет, когда я уже знал почти все главные эпизоды русской истории из Карамзина, которого вслух по вечерам нам читал отец» [Достоевский, 21: 134]. По рекомендации Достоевского, «Историю» читали его дети. [Достоевская, 1922: 91]. Напомним в этой связи, что «историческое» имя Мышкина было взято из «Истории» Карамзина, что специально акцентируется в романе «всезнающим» Лебедевым [Достоевский, 8: 8].

Повесть С.Ф. Жанлис «Альфонс и Делинда» в переводе Карамзина читают в детстве герои «Униженных и оскорбленных» Наташа и Иван Петрович: «Раз потом, уже долго спустя, я как-то напомнил Наташе, как достали нам тогда однажды “Детское чтение”, как мы тотчас же убежали в сад, к пруду, где стояла под старым густым кленом наша любимая зеленая скамейка, уселись там и начали читать “Альфонса и Далинду” – волшебную повесть. Еще и теперь я не могу вспомнить эту повесть без какого-то странного сердечного движения, и когда я, год тому назад, припомнил Наташе две первые строчки: “Альфонс, герой моей повести, родился в Португалии; дон Рамир, его отец” и т. д., я чуть не заплакал» [Достоевский, 3: 178]. Отметим особо, что писатель Иван Петрович наделяется подчеркнутыми автобиографическими чертами: его первая повесть, описанная в романе, воспроизводит роман «Бедные люди».

Упоминается имя Карамзина в подготовительных материалах к роману «Бесы» при обрисовке образа «умеренного» либерала Кармазинова (чья фамилия каламбурно созвучна имени историка): «*Кармазинов*: <...> Я пригляделся к нашим консерваторам вообще, и вот результат: они только притворяются, что во что-то веруют и за что-то стоят в России, а в сущности мы, консерваторы, еще пуще нигилисты. <...> Вопрос должен именно в том состоять, кто передовой: Сперанский или Карамзин? А он на той же точке стоит, только просит, чтоб с Карамзиным капельку попочтительней. Так ведь это еще хуже нигилизма. Точно так и с верой» [Достоевский, 11: 288–289][1].

Таким образом, Карамзин представляется Достоевскому, с одной стороны, как консерватор и русский патриот, с другой стороны – как писатель-сентименталист, который ассоциативно связывается с детством, с чтением в семейном кругу, близостью и душевной теплотой. (Даже Великий Грешник из несостоявшегося замысла писателя в детстве со «старичками» читал Карамзина [Достоевский, 9: 127]). Разумеется, сентиментальные воспоминания детства могут быть связаны у Достоевского и его героев не только с Карамзиным, но и к примеру, с Диккенсом (в «Подростке» Тришатов вспоминает, как в детстве читал с сестрой на закате солнца «Лавку древностей» и плачет о потерянном счастье невинности).

Именно в данной идейно-мотивной парадигме мы можем понять рецепцию Достоевским «Бедной Лизы» Карамзина. Насколько важна была эта повесть для писателя, свидетельствует хотя бы созвучие с ее названи-

[1] Здесь и далее в цитатах курсив принадлежит авторам текстов, а выделения полужирным шрифтом – мне.

ем первого романа Достоевского: «бедные люди», а также наличие многочисленных по имени *Лиза* в его текстах.

Наиболее явственно влияние сентиментализма прослеживается в раннем творчестве Достоевского. Это и «Бедные люди», охарактеризованные В.В. Виноградовым как синтез традиций сентиментализма и «натуральной школы» [Виноградов, 1976]; и «Белые ночи» с подзаголовком «сентиментальный роман»; и «Слабое сердце», где невесту героя зовут Лизанькой, и оба героя многократно именуются «бедной Лизой» («Горячие слезы брызнули из глаз Аркадия. “Ах, бедная Лиза!”» [Достоевский, 2: 478] и «бедным Васей» (шесть раз!). Но сентиментальные мотивы, в модифицированном виде, прослеживаются и в послекаторжном творчестве, где для правильного понимания внутреннего мира героев необходимо знать об их трогательных, священных воспоминаниях детства и «мечтательных» (уже романтических) переживаниях ранней юности.

Как известно, у Карамзина культурные различия между Лизой и Эрастом осмысляются не только как сословные (барин и крестьянка), но и как антитеза города и природы, т. е. в руссоистском ключе. Любовь к Лизе поэтизируется Эрастом как возвращение в мир природы, где возможно обретение утраченной гармонии с мирозданием.

Достоевский – писатель-*урбанист, ненавидящий город*: действие всех его романов и повестей протекает в городской среде[2], губительность которой для личности постоянно демонстрируется: отрыв от народной почвы, ощущение призрачности существования, болезненная раздвоенность сознания. В иссушающем душу городе рождаются самые парадоксальные, бесчеловечные идеи, выношенные в одиночестве подполья. Но вместе с тем герои-идеологи ощущают «великую грусть», мучительно переживают ограниченность и конфликтность своего существования, пытаясь воскресить светлые, «негородские» впечатления детства.

Даже самые прекрасные виды Петербурга тяжелы героям и отвращают их, как Раскольникова Дворцовая площадь: «Необъяснимым холодом веяло на него всегда от этой великолепной панорамы; духом немым и глухим полна была для него эта **пышная картина**...» [Достоевский, 6: 90]. В противоположность ему рассказчик «Бедной Лизы» восторгается Москвой и ее окраинами как одним восхитительным пейзажем, где природа и город гармонически дополняют друг друга: «Может быть, никто

[2] Единственное исключение – «Село Степанчиково и его обитатели» – комическая подражательная повесть, нетипичная для общего контекста творчества писателя.

из живущих в Москве не знает так хорошо окрестностей города сего, как я, потому что никто чаще моего не бывает в поле, никто более моего не бродит пешком, без плана, без цели – куда глаза глядят -- по лугам и рощам, по холмам и равнинам. <...> Но всего приятнее для меня то место, на котором возвышаются мрачные, готические башни Си...нова монастыря. Стоя на сей горе, видишь на правой стороне почти всю Москву, сию ужасную громаду домов и церквей, которая представляется глазам в образе величественного амфитеатра: **великолепная картина**, особливо когда светит на нее солнце, когда **вечерние лучи** его пылают на бесчисленных златых куполах, на бесчисленных крестах, к небу возносящихся! Внизу расстилаются тучные, густо-зеленые цветущие луга, а за ними, по желтым пескам, течет светлая река…» [Карамзин, 1792: 238–239]. Пейзаж дается в закатных лучах солнца, которые станут важнейшим символическим образом для Достоевского при изображении природы, на что обращает внимание, в частности, В.Н. Топоров при анализе карамзинского пейзажа: «Москва видится средоточием “исторического”, “культурного”, “рукотворного”, но особенно великолепен ее вид, когда сама природа идет навстречу зрителю, – при вечерних лучах заходящего солнца, – образ предвосхищающий Достоевского, особенно охотно эксплуатировавшего этот прием» [Топоров, 1995: 96]. Однако тут же по контрасту с цветением весенней природы Карамзин вводит иную эмоциональную ноту, живописуя мрачные готические развалины Симонова монастыря: «Страшно воют ветры в стенах опустевшего монастыря, между гробов, заросших высокою травою, и в темных переходах келий. Там, опершись на развалинах гробных камней, внимаю глухому стону времен, бездною минувшего поглощенных, – стону, от которого сердце мое содрогается и трепещет» [Карамзин, 1792: 240–241]. Динамика природы, настроения рассказчика, времени: «Карамзину важно выявить всеобщность развития и текучесть во всем» [Жилякова, 1989: 90].

Одним из первых теоретиков сентиментализма был Шиллер. Его статья «О наивной и сентиментальной поэзии» (1795) была хорошо известна молодому Достоевскому. «Сентиментальная» поэзия, по Шиллеру, отличалась от «наивной» активизацией субъективной авторской позиции, диалектичностью и сложностью эмоционального освещения объекта. В произведениях древней «наивной» поэзии «впечатление от предмета «… даже в вещах очень патетических, всегда радостно, всегда чисто, всегда спокойно; в произведениях сентиментальной поэзии оно всегда несколь-

ко серьезно и напряженно»[3] и «смешанно» [Шиллер, 1935: 342]. Именно эта особенность нового искусства в бесконечной степени развивается Достоевским и доводится до крайней противоречивости мировосприятия. Коренится же она в поэтике сентиментализма.

Отметим также, что рассказчик Карамзина представлен нам одиноким «мечтателем», живущим миром своих созерцаний («Может быть, никто... не знает, никто... не бывает, никто... не бродит»). Столь же одинок и поглощен поэзией окружающего мира Мечтатель из «Белых ночей», только последний интимно общается не с природой, а с Петербургом («Но к чему мне знакомства? Мне и без того знаком весь Петербург. <...> Мне тоже и дома знакомы. Когда я иду, каждый как будто забегает вперед меня на улицу, глядит на меня во все окна и чуть не говорит: “Здравствуйте; как ваше здоровье?”» [Достоевский, 2: 102–103]). Когда же герой пересекает границу между городом и природой, его одолевают противоречивые переживания – восторженные, но смешанные с щемящей тоской и выдержанные неизменно в сентиментальном пафосе: «Я ходил много и долго, так что уже совсем успел, по своему обыкновению; забыть, где я, как вдруг очутился у заставы. Вмиг мне стало весело, и я шагнул за шлагбаум, пошел между засеянных полей и лугов, не слышал усталости, но чувствовал только всем составом своим, что какое-то бремя спадает с души моей. <...> И я был рад, как еще никогда со мной не случалось. Точно я вдруг очутился в Италии, – так сильно поразила природа меня, полубольного горожанина, чуть не задохнувшегося в городских стенах. // Есть что-то *неизъяснимо трогательное* в нашей петербургской природе, когда она, с наступлением весны, вдруг выкажет всю мощь свою, все дарованные ей небом силы опушится, разрядится, упестрится цветами... Как-то невольно напоминает она мне ту девушку, чахлую и хворую, <...> но которая вдруг, на один миг, как-то нечаянно сделается неизъяснимо, чудно прекрасною, а вы пораженный, упоенный, невольно спрашиваете себя: какая сила заставила блистать таким огнем эти грустные, задумчивые глаза? что вызвало кровь на эти бледные, похудевшие щеки? <...> Но миг проходит, и, может быть, назавтра же вы встретите опять тот же задумчивый и рассеянный взгляд, как и прежде, то же бледное лицо, ту же покорность и робость в движениях и даже раскаяние, даже следы какой-то мертвящей тоски и досады за минутное увлечение... И жаль вам, что так скоро, так безвозвратно завяла мгновенная красота, что так обманчи-

[3] *Шиллер Ф.* О наивной и сентиментальной поэзии // Шиллер Ф. Статьи по эстетике. М.; Л., 1935. С. 342.

во и напрасно блеснула она перед вами, – жаль оттого, что даже полюбить ее вам не было времени...» [Достоевский, 2: 105].

В связи с важностью данного фрагмента мы процитировали его полностью. В нем символически отражается преломление текста «Бедной Лизы» в творчестве Достоевского. Отметим следующие мотивы: *восторг горожанина перед природой*, при *общем состоянии подавленности*; ассоциация природы с *женщиной* и женской любовью; скоротечность и обреченность любви.

У Достоевского редко встречающиеся пейзажи всегда изображаются в резких крайностях: либо они идилличны и просветлены, либо безысходно мрачны. Поэтому надо признать, что они выдержаны именно в сентиментальной традиции, хотя она может у него психологически и поэтически значительно усложняться. Если рассказчик «Бедной Лизы» еще разделяет животворящую красоту и грусть умирания в природе («Часто прихожу на сие место и почти всегда встречаю там весну; туда же прихожу и в мрачные дни осени горевать вместе с природою»), то Мечтатель *даже весной* воспринимает природу как «чахлую и хворую», способную расцвести лишь на миг, чтобы тут же «безвозвратно завянуть». Этот же сюжет метафорически распространяется у него и на женскую судьбу (возможно, с учетом пушкинской «Осени» 1833 г.).

Другой мечтательный герой у раннего Достоевского, Ордынов из «Хозяйки», бродя по улицам, однажды выходит за городскую черту, «…где расстилалось пожелтевшее поле; он очнулся, когда мертвая тишина поразила его новым, давно неведомым ему впечатлением. <...> На краю синих небес чернелись леса, а с противоположной стороны находили мутные снежные облака, как будто гоня перед собою стаю перелетных птиц, без крика, одна за другою, пробиравшихся по небу. Всё было тихо и как-то торжественно-грустно, полно какого-то замиравшего, притаившегося ожидания... Ордынов пошел было дальше и дальше; но пустыня только тяготила его. Он повернул назад, в город…» [Достоевский, 1: 270]. Таким образом, герои Достоевского, даже если тяготятся городской средой, все-таки не могут существовать вне ее и возвращаются туда, как рыба в свою водную стихию. Союз природы и человека грезится им только в восторженных снах…

Субъективный пафос новой, сентиментальный поэзии для Шиллера связан с пробуждением индивидуальности и духовности, выражающейся в осознании несовершенства реальности и вечной устремленности к идеалу («Идеал есть нечто бесконечное, во веки веков для него недости-

жимое» [Шиллер, 1935: 339]. В свою очередь, образ идеального «золотого века», широко распространенный в культуре сентиментализма, глубоко вошел в сознание Карамзина, переводившего ключевые тексты Шиллера (см.: [Кочеткова, 1993]).

Вследствие юношеского увлечения Шиллером, мечта об идеале Золотого века (долженствующего возвратиться на землю как тысячелетнее царство Христа), становится одной из философских основ мировоззрения Достоевского. Но представляет он Золотой век как *сентиментальную идиллию* в духе XVIII столетия – царство всеобщего счастья и гармонии, союза людей и природы, детской невинности и наивности, всеобщего равенства и чистой, непорочной любви. Картина Золотого века в творчестве Достоевского дается в снах Смешного Человека, Ставрогина (в исключенной из окончательного текста «Бесов» главе «У Тихона») и Версилова. Процитируем последний вариант: «В Дрездене, в галерее, есть картина Клода Лоррена, по каталогу – “Асис и Галатея”; я же называл ее всегда “Золотым веком”, сам не знаю почему... уголок Греческого архипелага, причем и время как бы перешло за три тысячи лет назад; голубые, ласковые волны, острова и скалы, цветущее прибрежье, волшебная панорама вдали, заходящее зовущее солнце - словами не передашь. Тут запомнило свою колыбель европейское человечество, и мысль о том как бы наполнила и мою душу родною любовью. Здесь был земной рай человечества: боги сходили с небес и роднились с людьми... О, тут жили прекрасные люди! Они вставали и засыпали счастливые и невинные; луга и рощи наполнялись их песнями и веселыми криками; великий избыток непочатых сил уходил в любовь и в простодушную радость. Солнце обливало их теплом и светом, радуясь на своих прекрасных детей... Чудный сон, высокое заблуждение человечества! Золотой век – мечта самая невероятная из всех, какие были, но за которую люди отдавали всю жизнь свою и все свои силы, для которой умирали и убивались пророки, без которой народы не хотят жить и не могут даже и умереть! <...> Ощущение счастья, мне еще неизвестного, прошло сквозь сердце мое, даже до боли; это была всечеловеческая любовь» [Достоевский, 13: 375].

Мечта о Золотом веке (вкупе с сознанием его недостижимости) является также и идейной подосновой «Бедной Лизы» Карамзина, где оба герои мечтают о подобном райском состоянии. Эраст «читывал романы, идиллии, имел довольно живое воображение и часто переселялся мысленно в те времена (бывшие или не бывшие), в которые, если верить

стихотворцам, все люди беспечно гуляли по лугам, купались в чистых источниках, целовались, как горлицы, отдыхали под розами и миртами и в счастливой праздности все дни свои провождали. Ему казалось, что он нашел в Лизе то, чего сердце его давно искало» [Карамзин, 1792: 251–252]. В свою очередь, Лиза, мечтая о знатном незнакомце, воображает себя героиней пасторальной идиллии: «Если бы тот, кто занимает теперь мысли мои, рожден был простым крестьянином, пастухом, – и если бы он теперь мимо меня гнал стадо свое: ах! я поклонилась бы ему с улыбкою и сказала бы приветливо: “Здравствуй, любезный пастушок! Куда гонишь ты стадо свое? И здесь растет зеленая трава для овец твоих, и здесь алеют цветы, из которых можно сплести венок для шляпы твоей”. Он взглянул бы на меня с видом ласковым –взял бы, может быть, руку мою... Мечта!» [Карамзин, 1792: 253–254].

И наконец, на короткое время рай осуществляется в их взаимной любви как *гармония* человека, Бога и природы, когда «…восходящее светило дня пробудило все творение: рощи, кусточки оживились, птички вспорхнули и запели, цветы подняли свои головки, чтобы напиться животворными лучами света» [Карамзин, 1792: 253]. После объяснения с Эрастом Лиза восклицает: «– Ах, матушка! Какое прекрасное утро! Как все весело в поле! Никогда жаворонки так хорошо не певали, никогда солнце так светло не сияло, никогда цветы так приятно не пахли!» // Старушка, подпираясь клюкою, вышла на луг… <...> “Ах, Лиза! – говорила она. – Как все хорошо у Господа Бога! Шестой десяток доживаю на свете, а все еще не могу наглядеться на дела господни, не могу наглядеться на чистое небо, похожее на высокий шатер, и на землю, которая всякий год новою травою и новыми цветами покрывается. Надобно, чтобы царь небесный очень любил человека, когда он так хорошо убрал для него здешний свет. Ах, Лиза! Кто бы захотел умереть, если бы иногда не было нам горя?.. Видно, так надобно. Может быть, мы забыли бы душу свою, если бы из глаз наших никогда слезы не капали”» [Карамзин, 1792: 257–258].

Те же самые мотивы звучат у Достоевского в предсмертных речах Маркела, старшего брата Зосимы, благословляющего Божий мир с экзальтированным сентиментальным умилением: «Выходили окна его комнаты в сад, а сад у нас был тенистый, с деревьями старыми, на деревьях завязались весенние почки, прилетели ранние птички, гогочут, поют ему в окна. И стал он вдруг, глядя на них и любуясь, просить у них прощения: “Птички божие, птички радостные, простите и вы меня, потому что и пред вами я согрешил”. Этого уж никто тогда не мог понять, а он от

радости плачет: “да, говорит, была такая божия слава кругом меня: птички, деревья, луга, небеса, один я жил в позоре, один всё обесчестил, а красы и славы не приметил вовсе”. – “Уж много ты на себя грехов берешь”, плачет бывало матушка. – “Матушка, радость моя, я ведь от веселья, а не от горя это плачу; мне ведь самому хочется пред ними виноватым быть, растолковать только тебе не могу, ибо не знаю, как их и любить. Пусть я грешен пред всеми, да за то и меня все простят, вот и рай. Разве я теперь не в раю?”» [Достоевский, 14: 262–263].

Сближение идиллических мотивов в данном фрагменте и «Бедной Лизе» Карамзина очевидно. В обоих случаях образ земного рая связывается с темой смерти, но восторженное чувство детского умиления становится для писателей всеразрешающим и спасительным.

* * *

Рассмотрим теперь образы героинь Достоевского, носящих имя *Лиза*. Оно оказывается у него *самым частотным* и встречается как в повестях и рассказах (Лизанька в «Слабом сердце», Проститутка Лиза в «Записках из подполья», Лиза Трусоцкая из «Вечного мужа»), так и в поздних романах (Лизавета Ивановна, сестра процентщицы («Преступление и наказание»), Лизавета Прокофьевна Епанчина («Идиоте»), Лиза Тушина («Бесы») Лиза Долгорукая («Подросток»), Лиза Хохлакова и Лизавета Смердящая («Братья Карамазовы»)). Также в «Бесах» вскользь упоминается о «матери Лизавете блаженной», которую держали в монастыре за решеткой – образу явно аналогичному Лизавете Смердящей, а в «Братьях Карамазовых» Лизаветой прозывается грудной ребенок на руках у паломницы, приходившей к Зосиме. Два последних эпизодических образа на самом деле задают две важнейшие смысловые доминанты антропонима: *юродивая и ребенок*.

В некоторых случаях в романах есть прямые отсылки к карамзинскому образу «бедной Лизы». Так, в «Бесах» в судьбе Лизы Тушиной повторяются те же мотивы грехопадения, насильственного разлучения с любимым и самоубийства от отчаяния, с той только существенной разницей, что Лизавета Тушина происходит из высшего света, а не является «дитем природы». Ставрогин, когда отдавшаяся ему накануне Лиза утром внезапно уходит от него, в отчаянии восклицает: «Лиза, **бедная**, что ты сделала над собою?» [Достоевский, 10: 401] (ср. у Карамзина: «Ах, Лиза, Лиза! Что с тобою сделалось?» [Карамзин, 1792: 253]). Почти в бреду Лиза повторяет, что хочет бежать «в лес, в поле» [Достоевский, т. 10: 410], то есть на природу – в стихию героини Карамзина. Идя на пепелище дома Лебяд-

киных, Лизавета Тушина сознательно идет на верную смерть: «Я умру, очень скоро умру, но я боюсь, боюсь умирать…» [Достоевский, 10: 410]. Встретив на пути Степана Трофимовича, она на прощание просит у него: «Помолитесь и вы за “бедную” Лизу – так, немножко, не утруждая себя очень» [Достоевский, 10: 412]. И вновь взятый в кавычки эпитет недвусмысленно отсылает нас к прецедентному карамзинскому тексту.

Несколько раз прямые отсылки к «Бедной Лизе» встречаются у Достоевского в подготовительных материалах. Так, Лиза Долгорукая, сестра Аркадия в «Подростке», по предварительным планам должна была утопиться, когда ее бросил князь Сокольский» («Лиза утопилась. Накануне была оскорблена Княгинею» [Достоевский, 16: 147]).

Прежде всего, героинь с именем ‘Лиза’ объединяет то, что они *жертвы*[4]. При дальнейшем сравнительном анализе, вычленяются черты, каждая из которых объединяет многих из них:

1) внешность: во всех героинях с данным именем подчеркивается худоба, болезненность, неправильность черт лица (что не мешает некоторым из них считаться красавицами) и блестящие большие глаза, оживляющие лицо. Крайне примечательно, что это те самые черты, которыми Достоевский в «Белых ночах» обрисовал женский образ как метафору весны в петербургской природе (см. пример выше);

2) «падшесть»: героиня подвергается насилию или отдается возлюбленному до брака (Лиза из «Записок из подполья», Тушина, Долгорукая, Лизавета Ивановна, Смердящая; мечтает отдаться Ивану Лиза Хохлакова);

3) преждевременная смерть: Тушина, Лизавета Ивановна, Смердящая, Лиза Трусоцкая;

4) детский возраст или детскость: детьми являются Лиза Трусоцкая, Лиза Хохлакова, младенец на руках у бабы («Братья Карамазовы»); детскость как важнейшая черта характера отмечается и у взрослых героинь, таких, как Лизавета Прокофьевна, Лизавета Ивановна;

5) юродство: Лизавета Ивановна («чуть не идиотка»), Лизавета Смердящая, блаженная мать Лизавета.

Разумеется, те же мотивы присущи и многим другим героиням Достоевского, к примеру Соне Мармеладовой, Настасье Филипповне или Марье Лебядкиной. Но понятно и то обстоятельство, что называть всех героинь одним именем было бы эстетически недопустимо для любого пи-

[4] За исключением самого первого образа – Лизаньки из «Слабого сердца», несчастье которой заключается «лишь» в том, что она лишается любимого жениха.

сателя. более того, антропоним ‘Лизавета’ никогда не дается Достоевским как раз главной героине (что обеспечивает разнообразие имен), но зачастую им наделяется персонаж, явственно соотнесенный с ней как ее «протообраз» (рядом с Соней – Лизавета Ивановна, рядом с Грушенькой – Лиза Хохлакова, рядом с Хромоножкой – блаженная Лизавета), причем *Лизавета* выражает внутреннюю идею образа главной героини в более явной и прямой форме (Лизавета – смирение и самоотдачу Сони; Хохлакова – «инфернальность» как следствие обиды у Грушеньки; блаженная Лизавета – идею, что «Бог и природа есть все одно» [Достоевский, 10: 116], исповедуемую Хромоножкой). Все это позволяет сделать вывод, что некое множество смыслов, увязанное с именем *Лизавета*, было первично для Достоевского в его творческом процессе.

Итак, имя Лизы в контексте повести Карамзина становится для Достоевского символом оскорбленной невинности (обиженного ребенка) и разрушенной идиллии. Но далее смысл его еще более расширяется и ложится в основу его концепции женственности. В женщинах и детях отражается небесное, ангельское начало – как отсвет божественного в земном. По словам В.В. Зеньковского, «не красота спасет мир, но красоту в мире нужно спасать – вот страшный трагический вывод, к которому подходит, но которого не смеет осознать Достоевский»[5] [Зеньковский, 1994: 427]. Поэтому так часто встречается в его произведениях изображение «поврежденной», ущербной красоты. Например, про Хромоножку мы читаем: «Когда-нибудь, в первой молодости, это исхудавшее лицо могло быть и недурным; но тихие, ласковые, серые глаза ее были и теперь еще замечательны; что-то мечтательное и искреннее светилось в ее тихом, почти радостном взгляде. Эта тихая, спокойная радость, выражавшаяся и в улыбке ее, удивила меня» [Достоевский, 10: 114]. Вместе с тем Лебядкина хрома, болезненно худощава и повреждена рассудком. Но и ее «соперница» за обладание Ставрогиным – красавица Лиза Тушина – все время шутит о том, что стало бы с ее красотой, если она сломала бы ногу. Хромотой страдает Лиза Хохлакова, которая, несмотря на свое «прелестное личико» с «темными большими глазами с длинными ресницами», мучительно переживает, что она «урод» и ее «на креслах возят» [Достоевский, 14: 167]. Данный образный ряд можно было бы легко продолжить, но в рамках избранной нами темы обратим внимание на обилие в нем героинь с именем *Лиза*.

---

[5] *Зеньковский В.В.* Проблема красоты в миросозерцании Достоевского // Русские эмигранты о Достоевском. СПб., 1994. С. 427.

Следующим важным психологическим поворотом, траверсирующим карамзинский образ, становится у Достоевского ожесточение и дерзкая эскапада прежде тихой и смиренной *Лизы*, решающей отомстить миру за незаслуженные обиды. Так, вызывающим до насмешливости и озлобленности неожиданно показывается поведение Лизы Хохлаковой (в главе «Бесенок»), Лизы Тушиной (оскорбляющей Маврикия Николаевича и Ставрогина), Лизы Долгорукой (кричащей в истерике на Макара Ивановича), Лизаветы Прокофьевны (насмехающейся над Мышкиным). Эта вспышка агрессии всегда направлена на любимого человека и граничит с истерикой и надрывом, означая душевную поврежденность натуры, предопределяющую ее неспособность к счастью, вплоть до тяги к смерти. Так Достоевский приходит к ниспровержению сентиментализма, граничащему с отчаянием от разбитого идеала и ужасом от саморазрушения. В таких случаях сентиментальные мотивы (например, объяснение в любви Алеши и Лизы Хохлаковой) задаются как предваряющие катастрофу в отношениях, для еще более ошеломляющего эффекта от последующего скандального разрыва. Такова контрастивная по своей природе поэтика позднего Достоевского, строящаяся на конфликтах, надрывах и напряженном драматизме.

Характерным примером может послужить образ Лизы Трусоцкой из повести «Вечный муж», в которой Вельчанинов, бывший некогда любовником ее покойной матери, неожиданно узнает свою дочь. В черновиках к «Вечному мужу», незаконная дочь Вельчанинова характеризуется следующим образом: «Бедная Лиза, грустный образ» [Достоевский, 9: 306], с явной аллюзией на Карамзина. Узнав, что Трусоцкий после смерти жены начал жестоко издеваться над ребенком, Вельчанинов решает забрать его к себе. В душе девочки происходит мучительная драма, потому что она продолжает любить внезапно возненавидевшего ее отца, не выдержав которой она заболевает нервной горячкой и умирает. Лиза оказывается средоточием психологического поединка, происходящего между мужем и любовником, настоящим и номинальным отцами, которые оба переносят на нее свои отношения к умершей матери и в конечном итоге становятся ее невольными убийцами. Описывается Лиза как «высоконькая, тоненькая и очень хорошенькая девочка» семи-восьми лет «с большими голубыми глазами» [Достоевский, 9: 33]. Увезенная от Трусоцкого, она то откровенничает с Вельчаниновым, сообщая самые трогательные, сентиментальные подробности о смерти матери и отношениях с «отцом», то злобно замыкается в себе и смотрит на Вельчанинова с «ненавистью»,

«как дикарка, угрюмо, с мрачным, предрешенным упорством» [Достоевский, 9: 38]. Поселенная Вельчаниновым на богатую дачу к приятельской семье, она умоляет его привезти завтра отца: «Она вдруг бросилась целовать ему руки; она плакала, едва переводя дыхание от рыданий, просила и умоляла его, но он ничего не мог понять из ее истерического лепета. И навсегда потом остался ему памятен, мерещился наяву и снился во сне этот измученный взгляд замученного ребенка, в безумном страхе и с последней надеждой смотревший на него» [Достоевский, 9: 41]. Вельчанинов искренне желает воскреснуть душой через любовь к Лизе, забыть о грязи своих любовных похождений, посвятить дочери всего себя. Он считает себя ее спасителем, когда увозит от Трусоцкого. Причудливым образом его отношения к дочери начинают причудливо отражать отношения Эраста к Лизе у Карамзина, помышлявшего очиститься Лизиной любовью: «Эраст восхищался своей пастушкой – так называл Лизу – и, видя сколь она любит его, казался сам себе любезнее. Все блестящие забавы большого света представлялись ему ничтожными в сравнении с теми удовольствиями, которыми страстная дружба невинной души питала сердце его. С отвращением помышлял он о отрезвительном сладострастии, которым прежде упивались его чувства. “Я буду жить с Лизою, как брат с сестрою, –думал он, – не употреблю во зло любви ее и буду всегда счастлив!”» [Карамзин, 1792: 260].

В итоге Вельчанинов, как и герой Карамзина, губит свою Лизу. Переживая об отнятом у него луче надежды, он отдается самым сентиментальным переживаниям: «Главное страдание его состояло в том, что Лиза не успела узнать его и умерла, не зная, как он мучительно любил ее! Вся цель его жизни, мелькнувшая перед ним в таком радостном свете, вдруг померкла в вечной тьме. <...> “Любовью Лизы, – мечтал он, - очистилась и искупилась бы вся моя прежняя смрадная и бесполезная жизнь; взамен меня, праздного, порочного и отжившего, – я взлелеял бы для жизни чистое и прекрасное существо, и за это существо все было бы мне прощено, и все бы я сам простил себе”. <...> Он воссоздавал себе ее бледное личико, припоминал каждое выражение его; он вспоминал ее и в гробу, в цветах, и прежде бесчувственную, в жару, с открытыми и неподвижными глазами. Он вспомнил вдруг, что, когда она лежала уже на столе, он заметил у ней один бог знает от чего почерневший в болезни пальчик; это так его поразило тогда, и так жалко ему стало этот бедный пальчик…» [Достоевский, 9: 62].

«Почерневший пальчик» является особенно выразительной, утрированно сентиментальной подробностью (подобно «сапожкам», оставших-

ся от умершего Илюши Снегирева). Типичным мотивом для позднего творчества Достоевского является также желание «падшего» героя исцелить себя детской любовью (ср. умиление Раскольникова Поленькой Мармеладовой). Наконец, знаменательно, что сюжет Лизы в «Вечном муже» заканчивается визитом Вельчанинова на ее могилу, описание которой возвращает нас к мотивам повести Карамзина: «В один день, и почти сам не помня как, он забрел на кладбище, на котором похоронили Лизу, и отыскал ее могилку. Ни разу с самых похорон он не был на кладбище; ему все казалось, что будет уже слишком много муки, и он не смел пойти. Но странно, когда он приник на ее могилку и поцеловал ее, ему вдруг стало легче. Был ясный вечер, солнце закатывалось; кругом, около могил, росла сочная, зеленая трава; недалеко в шиповнике жужжала пчела; цветы и венки, оставленные на могилке Лизы после погребения детьми и Клавдией Петровной, лежали тут же, с облетевшими наполовину листочками. Какая-то даже надежда в первый раз после долгого времени освежила ему сердце. “Как легко!” – подумал он, чувствуя эту тишину кладбища и глядя на ясное, спокойное небо. Прилив какой-то чистой безмятежной веры во что-то наполнил ему душу. “Это Лиза послала мне, это она говорит со мной”, – подумалось ему» [Достоевский, 9: 62–63].

Итак, мы видим, насколько разнообразную и важную роль играет карамзинский «Лизин текст» в творчестве Достоевского, бесконечно усложняясь и адаптируясь к поэтике писателя не только в раннем, но и в позднем творчестве, где сентиментальные мотивы сохраняются лишь как один из элементов, одна из красок бесконечно разнообразной психологической палитры Достоевского. Однако глубокое усвоение традиции сентиментализма еще в детские годы, при первом знакомстве с литературой, делает сентиментальные мотивы и образность одним из самых глубинных пластов сознания писателя и ключом к интерпретации многих его сюжетов.

Литература

Виноградов В.В. Школа сентиментального натурализма (Роман Достоевского «Бедные люди» на фоне литературной эволюции 40-х годов // Виноградов В.В. Поэтика русской литературы: Избр. труды. М., 1976. С. 144–190.

Достоевская Л.Ф. Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской. М.; Пг., 1922.

Достоевский А. М. Воспоминания // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1964.

Достоевский Ф.М. Полн. акад. собр.соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.

Жилякова Э.М. Традиции сентиментализма в творчестве раннего Достоевского (1844–1849). Томск, 1989.

Зеньковский В.В. Проблема красоты в миросозерцании Достоевского // Русские эмигранты о Достоевском. СПб., 1994.

Казарин В.П. Художественная символика повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза» // Вопросы русской литературы. Вып. 2 (44). Львов, 1984. С. 65–75.

Карамзин Н.М. Бедная Лиза // Московской журнал.1792. Ч. 6. № 6. С. 238–276.

Кочеткова Н. Д. Тема «золотого века» в литературе русского сентиментализма // XVIII век: Сб. 18. – СПб., 1993. – С. 172-186.

Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1987.

Мазель Р.О. «Бедная Лиза» в творчестве Достоевского // Достоевский и современность: Материалы XXV Международных Старорусских чтений 2012 года. Великий Новгород, 2013. С. 122–127.

Топоров В.Н. «Бедная Лиза» Карамзина: Опыт прочтения. М., 1995.

Шиллер Ф. О наивной и сентиментальной поэзии // Шиллер Ф. Статьи по эстетике. М.; Л., 1935.

Сведения об авторе: Криницын Александр Борисович, канд. филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: derselbe@list.ru.

Н. Т. Пахсарьян

Карамзинские мотивы в романе Андрея Макина «Женщина, которая ждала»[1]

В статье анализируется роман А. Макина – современного французского романиста русского происхождения, относимого историками литературы к писателям «границы». Написанный по-французски роман «Женщина, которая ждала» описывает Россию и использует художественные традиции русской литературы XVIII–XIX вв., более всего – мотивы и образы Карамзина.

Ключевые слова: сентиментализм, литературное влияние, мотивы одиночества и смерти, любви и верности, топос острова, оппозиция «город – деревня», автобиографизм.

The article concerns a novel written by Andreï Makine – Russian origin French novelist, who is defined by the literary historians as the writer of borders. The novel "La femme qui attendait" is written in French but describes Russia and it contains the best traditions of the 18th–19th centuries, Karamzin themes and images in particular.

Key words: sentimentalism, literary influence, death and solitude, love and-fidelity themes, topos of island, opposition "city – village", autobiographical character.

Хотя, начиная по крайней мере с эпохи романтизма, критика большей частью склонна негативно оценивать «слащавую наивность» сентиментализма, заложенный в сентименталистской культуре заряд гуманности способствует возрождению этой культуры в форме «нового сентиментализма» конца XX – начала XXI столетия (Т. Кибиров, С. Гандлевский – в поэзии, Л. Улицкая, М. Вишневецкая, А. Геласимов – в прозе, Е. Гришковец, Н. Коляда – в драматургии [Эпштейн: 201–205], [Прохорова. 2007: 307–315]). Когда современные исследователи обращаются к проблеме влияния прозы Карамзина на современную литературу, они называют достаточно широкий круг писателей, в частности Л. Петрушевскую, А. Варламова, Л. Бежина, М. Кураева, Е. Гришковца, Л. Улицкую[2]. Одна-

[1] В основу статьи положен одноименный доклад Н. Т. Пахсарьян на конференции «Карамзин и русская литература», проведенной на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова 1–2 декабря 2016 г.

[2] Поскольку составление полной библиографии по этой проблеме не входило

ко, насколько известно, в более широком плане, подробно ни традиция сентиментализма, ни карамзинская традиция в современной прозе пока не исследована.

Вопрос об усвоении и своего рода «присвоении» художественного опыта Карамзина русско-французским или французско-русским писателем Андреем Макиным[3] тоже фактически не ставился в нашем литературоведении. Его, автора к сегодняшнему дню 17-ти романов, отечественный читатель почти не знает, поскольку из всех его сочинений на русский язык переведены только два: 1996 г. – роман «Французское завещание», в 2001 г. – роман «Музыка одной жизни» (издан в Минске). Существующие литературоведческие исследования творчества А. Макина большей частью анализируют «Французское завещание» (1995) – роман, получивший Гонкуровскую премию и принесший автору популярность (см. [Балеевских, 2003], [Владимирова, 1998], [Калинина, 2013], [Таганов, 2008], [Шишкина, 2004][4]), порой вслед за литературными критиками (см. [Злобина, 1996], [Парамонов, 2001], [Толстая, 1996], [Хабаров, 2003]) не слишком высоко оценивая его художественные достоинства. Недооцененный в России, А. Макин получил широкое признание в разных странах Европы и, конечно, во Франции, что нашло свое подтверждение не только в многочисленных литературных премиях, но и в том, что в августе 2016 г. он был избран членом Французской Академии. О сложности проблемы национальной идентичности в случае с А. Макиным писали и в России, и на Западе, хотя уровень изученности творчества писателя за рубежом гораздо выше (см. [Балеевский, 2002], [Лебедев, 2000], [Пахсарьян, 2014а], [Рубинс, 2004], [Фомин, 2000], [Bellemare-Page, 2010], [Clément, 2006], [Dufy, 2008], [Laurent, 2006], [Matei-Chilea, 2010], [PeryBorissov, 2010] и др.).

Западные ученые, говоря о влиянии на А. Макина творчества других писателей, называют в первую очередь Пруста, а из русских – И. А. Бунина и А. Чехова [Andreï Makine, 2005], [Andreï Makine, 2008], [Clément, 2006]. О бунинских мотивах в романе «Короткие истории о вечной любви» приходилось писать и мне [Пахсарьян, 2014б]. Однако это – одна из

в задачу данного исследования, упомяну только три работы: [Багманова, Прохорова, 2009], [Прохорова, 2007], [Сапченко, 2003].

[3] О проблеме идентичности писателя см. [Matei-Chilea, 2010], [Nazarova, 2004], [Sylwestrzak-Wszelaki, 2010].

[4] Исключение составляют статьи [Фомин, 2000], [Фомин, 2009], где дан анализ романов «Реквием по Востоку» и «Жизнь неизвестного человека», а также [Пахсарьян, 2014б].

очевидных параллелей, возникающих при анализе произведений А. Макина, подтверждающая *осознанное* обращение писателя к бунинской традиции: не случайно он защитил во Франции диссертацию о творчестве И.А. Бунина [Makine, 1991] и не однажды в интервью упоминал его среди тех, чье мастерство для него важно [Entretien, 2010], [Makine, 2001], [Tallon, 2002а], [Tallon, 2002б]. Между тем стоит прислушаться к словам Д. Гиллеспи: «Макинская русскость очевидна в его *бессознательных* (курсив мой. – *Н. П.*) референциях к русской литературной традиции при анализе им советских и постсоветских болезней» [Gillespie, 2012: 808]. Такой бессознательной, но важной референцией является карамзинская традиция, что особенно проявилось в поэтике романа «Женщина, которая ждала» (2004). Это девятый роман писателя, получивший в 2005 г. приз «Laterna Magica» как лучшее произведение для экранизации и литературную премию Фонда князя Пьера Монакского. Сопоставление поэтики Карамзина и Макина было в свое время проделано в статье Марко Каратоццоло, посвященной топосу острова в макинском романе [Caratozzolo, 2009]. Исходя из анализа романного пространства, исследователь находил близость между повестью Карамзина «Остров Борнгольм» и «Женщиной, которая ждала»: в обрисовке островного топоса у Макина преобладает та же северная атмосфера, ветхость построек, ветер, белизна, сохраняющаяся даже ночью, наконец, церковь, напоминающая очертания замка Борнгольм [Caratozzolo, 2009: 16–17]. Думается, однако, что переклички с карамзинской поэтикой в романе А. Макина связаны не только с одним конкретным произведением, а с достаточно широким спектром сентименталистских мотивов, характерных для разных произведений русского писателя.

Действительно, анализ «Женщины, которая ждала» показывает, что роман изобилует подобными темами и мотивами. Исходный мотив связан с сопоставлением-противопоставлением города и деревни, городского жителя и крестьян, что так часто мы находим и у Карамзина, будь то знаменитая «Бедная Лиза», будь то «Юлия», «Лиодор» и др. Повествователь макинского романа – молодой 26-летний писатель, приехавший в деревеньку Мирное недалеко от берега Белого моря (замечу попутно, что одна из французских рецензентов называет ее «сибирской деревней», хотя, как известно, побережье Белого моря – это северо-запад европейской части России). Эта оговорка, пожалуй, проистекает из действительно наличествующей в образе повествователя автобиографической составляющей (а Макин родом из Красноярска), что также указывает на близость к

карамзинскому типу рассказчика[5]. При том, что деревня Мирное описана не в восторженных тонах карамзинского очерка «Деревня», напротив, это глухое место, где живут в основном ждущие смерти старые женщины – вдовы, но пейзажи местности, суровая красота края нарисована с тем ощущением слияния с природой, с ее гармонией, которые подобны пейзажам у Карамзина – в том же «Острове Борнгольм», «Лиодоре» или «Юлии». В макинских пейзажах есть те особенности, которые вслед за Вяземским отмечал у Карамзина еще Б.М. Эйхенбаум: «на смену блеску и яркому сиянию солнца являются сумерки и тени, вместо близкого, видного – дальнее, отодвинутое к горизонту, вместо зрения осязающего – зрение внутреннее, созерцание, почти слух» [Эйхенбаум, 1924: 42]. Ср., например, описание места действия в начале романа: «…над черными кронами леса небо удерживало молочную бледность, позволявшую вообразить находящиеся в нескольких часах ходьбы дремлющие воды Белого моря, уже поджидающего зиму» [Makine, 2004: 11]. В щедро рассыпанных по тексту романа пейзажах Макин старается передать запахи воды, растений, шорох листьев, краски неба и моря, ощущение тишины и покоя, погружающие в настроение грусти и одиночества, одновременно тревожащие и умиротворяющие[6]. Умение создать атмосферу действия, насытить ее поэтичностью, превратить повествователя в лирического героя – все это близко и манере Карамзина. Приезд рассказчика в Мирное имеет и внешний повод – он воспользовался возможностью отправиться сюда, чтобы реализовать свои писательские замыслы, написать об обычаях и языке людей этого края, – и более глубокую, внутреннюю, нравственно-психологическую причину: в Ленинграде он вел призрачную жизнь своего рода диссидента-интеллектуала, жил с любимой женщиной в мастерской своего друга-художника до той поры, пока не узнал о том, что она ему изменяет с другим. Ревность, досада, боль вкупе с внезапным пониманием, что его городская жизнь – это пародия на фильмы Годара, где богема занимается сексом, много курит и пьет, заставляет его попытаться изменить свой образ жизни, отправившись в путешествие в глухую деревню. Первоначально рассказчик лишь мельком и издалека видит главную героиню, Веру, затем узнает о ней из уст един-

[5] Ср. у Ю.М. Лотмана: «Почти все произведения Карамзина воспринимались как непосредственные автобиографические признания писателя» [Лотман, 1982: 17].

[6] Ср. также: «День был ясный, морозный: победив последние спазмы лета, когда жара сражалась со снежными бурями, воцарилась осень. Снег был рыхлым, земля – сухой и жесткой, листья плакучих ив блестели, словно чешуйки золота на фоне голубого неба» [Makine, 2004: 22].

ственного мужчины, появляющегося время от времени в Мирном, – водителя грузовика Отара, который первым рассказывает молодому писателю историю Веры (ей было 16, когда ее возлюбленный в 1945 г., в конце войны, отправился на фронт, и погиб, а она вот уже 30 лет ждет его возвращения и продолжает его любить), и Отар, легко вступающий в связь с женщинами и довольно цинично судящий о них, всячески подчеркивает особенность, неповторимость и загадочность этой не поддающейся любовным соблазнам женщины. Однако в начале рассказчик уверен в том, что он все понял в Вере: «Вот женщина, о которой я все знаю… Вся ее жизнь передо мной, сконцентрированная в этом далеком силуэте, бредущем вдоль озера» [Makine, 2004: 23]. Его представление, что он сразу разъяснил загадку, между тем призрачны: полагая, что верность героини объясняется обстоятельствами ее замкнутой жизни в деревне, где попросту после войны не осталось мужчин («…женщины остались верны своим убитым мужчинам, поскольку больше не осталось живых мужчин. Как это глупо и прозаично!» [Makine 2004: 86]), он с удивлением узнает, что Вера вовсе не всегда была оторвана от городской жизни, более того, она училась в Ленинградском университете, готовила к защите диссертацию, но, как поняла в конце концов, все это время – восемь лет – «не жила» [Makine, 2004: 115]. Попытка найти другую причину поведения Веры, более циничную (на самом деле у Веры есть любовник, которого она скрывает), также проваливается: вообразив, что женщина приходит на вокзал, чтобы встретить там приехавшего к ней нового возлюбленного, рассказчик снова ошибается – Вера встречает поезд из Москвы, каждый раз надеясь, что вернется ее Борис, ведь, уходя на войну, он обещал вернуться. Подобно Эльвире из повести Карамзина «Сиерра-Морена», Вера любит того, о ком известно, что он погиб (первое сообщение от командования было – «пропал без вести», второе – «пал смертью храбрых»), и, подобно Алонзо (персонажу той же повести), Борис Коптев оказывается в конце концов жив (во время переправы через Шпрее был взорван понтонный мост, на котором находились солдаты; многие погибли, но Борис выжил, его только ранило). Однако развязка этой истории оказывается иной, чем в этой карамзинской повести: она лишена сентиментально-готического пафоса фабульного завершения «Сиерра-Морены», где выживший Алонзо, сохранивший любовь к Эльвире, покончил с собой на глазах у полюбившей другого возлюбленной. И роли персонажей меняются на противоположные: не «Алонзо»-Борис, а «Эльвира»-Вера остается верной своему чувству.

Чем дальше разворачивается повествование, тем более одновременно идеальным и призрачно-загадочным становится не только героиня, но и все, что рассказчик видит и слышит вокруг. Ему приходится отказаться от плана написать сатирический очерк об этом северном уголке России: «Я рассчитывал найти… сгусток советской эпохи, карикатуру на это время, мессианское и застойное одновременно. Но в этих деревнях время попросту отсутствовало, они жили как будто после исчезновения режима, после падения империи. <…> Знаки Истории были стерты. Остались золотые пластинки ивовых листьев на черной поверхности озера, первые снегопады, обычно начинающиеся к ночи, молчание Белого моря, угадывающегося за лесом» [Makine, 2004: 55–56]. Он словно попадает в загробный мир: не случайно, с одной стороны, Вера некогда вернулась в деревню Мирное, чтобы похоронить мать, и поняла, что ее место именно здесь, здесь она начала жить, по ее словам; с другой – одной из забот Веры является не только обучение в школе детей соседней деревни, но и переправление на лодке в место последнего упокоения, кладбище на острове, умирающих время от времени деревенских старух. Она оказывается своего рода Хароном в женском обличье. Деревня с ее устремленностью в прошлое, в воспоминания предстает неким видением, сном. А встречи повествователя с Верой, часто проходящие в молчании[7], недомолвках, в блужданиях по берегу озера или на лодке (например, когда они везут хоронить старуху Анну), подчеркивают зыбкость чувств, медленно пробуждающихся в герое, которого притягивает эта женщина, становясь все загадочнее. Подобно карамзинскому «Лиодору», в «Женщине, которая ждала» особую роль играет сцена пения: правда, это не песня прекрасной незнакомки о любви, а хор семи старых женщин, поющих о том, что возлюбленный непременно вернется, «придет из-за моря, широкого и холодного Белого моря» [Makine, 2004: 164], словно заклинающих Веру оставаться верной своему возлюбленному, подозревающих, что «ленинградец с сердцем из гранита, как и его город» может склонить ее к измене. И слезы проступают на глазах не у рассказчика (как это в соответствующей сцене карамзинской повести), а у Веры, от волнения выбежавшей из избы, где в зале старой деревенской библиотеки пели женщины. В этот момент Вера решает отправиться на праздник города в Архангельск, где ей, по-видимому, впервые откроется правда о ее женихе.

[7] О молчании как важном компоненте поэтики макинского романа см. [Harmath, 2016: 182–184].

Одна из исследовательниц, Мари Луиза Шейдауер, указывает на многозначную символику имени Веры: это – и «весна» по-латыни (vera), и утренний свет – по-гречески (ver), это, наконец, стекло по-французски (verre) [Scheidhauer, 2005: 129]. Надо сказать, что русское значение слова «вера» ускользает от зарубежных филологов, между тем оно безусловно, важно для понимания образа, порой принимающей иконообразные черты. Одновременно значение стекла с его хрупкостью и способностью разбиться тоже обыгрывается в романе: не случайно в начале романа облик героини напоминает стеклянную статую, а далее в одном из эпизодов рассказчик и Вера смотрят на свои отражения в расколотом зеркале: трещины на зеркале воплощают не просто хрупкость, но и в конечном счете неизбежность разрыва между этими персонажами: влюбленность, которая возникает у рассказчика, сопровождается сначала сдержанной симпатией, а затем внезапным ответом Веры на его страсть, однако гордость героя, представившего, что он смог в конце концов покорить эту женщину, добиться ее любви, оказывается преждевременной. Вера дружелюбна, но решается провести ночь с рассказчиком, скорее, от отчаяния: отправившись на праздник города в Архангельск, она узнала – по-видимому, из городской газеты, которую на следующий день приносит герою старуха-почтальон Зоя, – что ее жених жив, благополучно женат и занимает в Москве высокий пост.

Тарас Ивасютин называет называет Веру «русской Эммой Бовари» [Ivassioutine, 2008: 83], поскольку обе предпочитают мечту реальности. Однако она, скорее, «бедная Лиза» на современный лад: как и карамзинская героиня, она верит любовным обещаниям Бориса, ушедшего на войну, тогда как «современный Эраст» забывает их и выбирает путь партийного чиновника, делающего благополучную карьеру и не вспоминающего о своей первой любви.

Очевидна неизбежность разрыва между повествователем и женщиной-загадкой: Вера, своего рода российская Пенелопа (как назвал ее С. Жибо [Gibealt, 2004: 27]), никогда не расстанется даже не с надеждой, а с верой в возвращение своего любимого жениха – вопреки всем обстоятельствам («которые ей удается не просто выносить, а любить» [Gibealt, 2004: 27]), вопреки открывшейся ей правде, поскольку ожидание – смысл ее жизни, а повествователь вовсе не собирается похоронить себя в этой деревне и решается наконец уехать, хотя по дороге сворачивает к берегу озера, видя, что Вера собирается плыть на остров, и садится в ее лодку. Вера, предугадывая его уход, отправляясь на островное кладбище, чтобы

поставить крест на могиле Анны, переправляет рассказчика через озеро к дороге, ведущей в город. Герой вновь пытается проникнуть в психологию женщины, предполагает, что Вера будет просить его остаться, и обдумывает план бегства, но оказывается опять перед загадкой: женщина спокойно и с достоинством отпускает его, облегчив ему путь к городу этой переправой. Сама же она уплывает назад, становясь темным силуэтом на уже покрывающейся ледяной коркой водной глади: «Мне казалось, я различил колебание руки над лодкой, да, я увидел этот жест и поспешил на него ответить…» [Makine, 2004: 214].

Можно сделать вывод, что А. Макин воспринимает не отдельные образы или приемы той или иной повести Карамзина – он творчески взаимодействует с текстом карамзинской прозы в целом, вплетая отдельные мотивы в ткань романной фабулы, преобразуя их, но сохраняя особую сентиментальную модальность, прежде всего в изображении той – вопреки всем обстоятельствам – верности любовного чувства, носительницей которой выступает его героиня. Безусловно, традиция Карамзина воспринята современным писателем не напрямую, а через посредничество Бунина, Чехова, Достоевского, Толстого, но поэтологические аспекты этого посредничества должны стать предметом другого, отдельного исследования.

Список литературы:

Багманова А.Р., Прохорова Т.Г. Игровой диалог с сентиментализмом в романе Л. Улицкой «Искренне ваш Шурик» // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Вып.14. Самара, 2009. С. 441–451.

Балеевских К.В. Сходство и различие русской и французской стилевых традиций в переводе романа Андрея Макина «Французское завещание» // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. № 1. С. 88–93.

Балеевских К.В. Язык как экспликация культурного опыта писателя-билингва (А. Макина): Дисс. … канд. филол. наук. Ярославль, 2002.

Владимирова М.М. Две Атлантиды: образ Франции и образ России в романе А. Макина «Французское завещание» // Норма. Интерпретация. Диалог культур. Н. Новгород, 1998. С. 9–11.

Злобина М. В поисках утраченных мгновений // Новый мир. 1996. № 10. С. 200–209.

Калинина О.В. Образ России в романе А. Макина «Французское завещание» // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 3. С. 203–206.

Лебедев А. Современная литература русской диаспоры во Франции? // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. http://magazines.russ.ru/nlo/2000/45/main19.html.

Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1982.

Парамонов Б. Русские вопросы: Татьяна Толстая вне ксерокса // Радио Свобода. 2001. www.svoboda.org/programs/rq/2001/rq80/asp.

Пахсарьян Н.Т. Андрей Макин – Габриэль Осмонд: игры с идентичностью // Игра. Текст. Культура: Науч. сб. / Под ред. А.Л. Гринштейна. Самара, 2014. С. 155–161 (2014а).

Пахсарьян Н.Т. Любить в России: «Книга коротких историй о вечной любви» Андрея Макина // Русское присутствие в творчестве французских писателей русского происхождения: Россия видимая и невидимая. Материалы междунар. науч. конф. М., 2014. С. 107–117 (2014б).

Прохорова Т.Г. Трансформация сентименталистского дискурса в произведении Л. Петрушевской «Карамзин. Деревенский дневник» // Ученые записки Казанского ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2007. Вып. 2. Т. 149. С. 152–164.

Рубинс М. Русско-французская проза Андрея Макина // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. http://magazines.russ.ru/nlo/2004/66/rub16html.

Сапченко Л.А. Творческое наследие Н.М. Карамзина: проблемы преемственности: Дисс. … докт. филол. наук. М., 2003. 463 с.

Таганов А.Н. Лубочные формы в раннем романном творчестве Андрея Макина // Художественное слово в пространстве культуры: Национальная специфика, жанровая типология, интертекстуальность. Иваново, 2008. С. 184–194.

Таганов А.Н. Российский миф в раннем творчестве Андрея Макина // Вестник Нижегородского гос. лингвистического ун-та им. Н. А. Добролюбова. 2012. Вып. 18. С. 128–137.

Толстая Т. Русский человек на рандеву // Знамя. 1996. № 10. С. 200–209.

Фомин С.М. Лирическая проза Андрея Макина // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 6 (2). С. 121–124.

Фомин С.М. Романы Андрея Макина: проблема перевода // Вестник Нижегородского гос. лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2011. № 14. С. 171–178.

Фомин С.М. Французский писатель Андрей Макин? // Межкультурная коммуникация: Учеб. пособие. Н. Новгород, 2000. С. 289–293.

Хабаров Г. Смесь французского с красноярским // Совершенно секретно. 2003. № 7 (170). Июль.

Шишкина Г.Ю. Русское начало в произведениях французских писателей XX века («Такая долгая дорога» А. Труайя, «Обещание на рассвете» Р. Гари, «Детство» Н. Саррот, «Французское завещание» А. Макина). Дисс. … канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 172 с.

Эйхенбаум Б.М. Карамзин // Эйхенбаум Б.М. Сквозь литературу. Л., 1924. С. 37– 49.

Allen Sh.L. Makine's Tastement: Transposition, Translation, Translingualism, and the Transformation of the novel // RiLUnE. 2006. № 4.

Andreï Makine de l'Académie Française / Etudes réunies par M.L. Clément. Paris, 2013.

Andrei Makine / Etudes réunies et présentées par M.L. Clément. Amsterdam; New York, 2009.

Andreï Makine: Perspectives russes / M. Parry et al. Paris, 2005.

Andrey Makine: le sentiment poétique. Récurrence chez Bounine et Tchekov / Éd. M. Parry et al. Paris, 2008.

Bellemare-Page S. Par-delà l'Histoire: regards sur la mémoire et l'identité dans l'œuvre d'Andreï Makine. 2010.

Bourneuf R. Andreï Makine, l'espoir quand même // Nuit blanche, le magazine du livre. 2007–2008. № 109. P. 17–22.

Caratozzolo M. La sémiotique de l'île dans «La femme qui attendait» d'Andreï Makine // Andrei Makine / Etudes réunies et présentées par M.L. Clément. Amsterdam; New York, 2009. P. 13 – 22.

Clément M.L. Andrei Makine: présence de l'absence: une poétique de l'art. Thèse. Amsterdam, 2008.

Clément M.L. Trois auteurs, une tradition: Tchekov, Bounine, Makine // Acta Fabula. 2006. Octobre. Vol. 7. N 5. URL: http://www.fabula.org/revue/document1677.php.

Dufy H. The Veteran's Wounded Body before the Mirror: The Dialectic of Wholeness and Disintegration in Andrei Makine's Prose // Journal of War and Culture Studies. 2008. № 1 (2). P. 175–188.

Entretien avec Andreï Makine. La littérature, science du salut // Le Nouvel Observateur. 2010, avril. bibliobs.nouvelobs.com/romans/20110120. OBS 6598/entretien-avec-andrei-makine-la-litterature-science-du-salut.html

Gibeault S. Au-delà de l'amour // Spirale. 2004. Septembre-octobre. P. 26-27.

Gillespie D.C. Border Consciousness in the Fictional Worlds of Andreï Makine // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 6. 2012. № 5. P. 798–811.

Harmath E. Andreï Makine et la francophonie. Pour une géopolitique des oeuvres littéraires. Paris, 2016. 294 p.

Harmath E. Andreï Makine. Géopolitique d'un écrivain mineur. Szeged, 2011.

Ivassioutine T. Le mystère de la féminité chez Andreï Makine et Romain Gary // Andrey Makine: le sentiment poétique. Récurrence chez Bounine et Tchekov / Éd. M. Parry et al. Paris, 2008. P. 81–90.

Laurent T. Andrei Makine, russe en exil. Paris, 2006.

Le monde selon Andreï Makine / Sous la dir. de M.L. Clément. Editions universitaires européennes, 2011.

Makine A. Entretien par Catherine Argand // Lire. 2001. Février. P. 25.

Makine A. La femme qui attendait. Paris, 2004.

Makine A. La prose de I.A. Bounine. Poétique de la nostalgie: Thèse de doctorat. Paris IV. 1991. 572 p.

Matei-Chilea C. Problématique de l'identité literature: Comment devenir écrivain français. Andreï Makine, Vassilis Alexakis, Milan Kundera et Amin Maalouf: Thèse. Saint-Etienne, 2010.

McCall I. Translating the Pseudotranslated: Andreï's Makine's "La fille d'un Héros de L'Union Soviétique" // Forum for Modern Language Studies. 2006. Vol. 42. № 3. P. 286–297.

Nazarova N. Andreï Makine, deux facettes de son œuvre. Paris, 2004

Osmonde sort de l'ombre // Le Figaro. fr. 2011. http://www.lefigaro.fr/livres/2011/03/30/03005-2011033-ARTFIG00656-osmonde-sort-de-l-ombre.php.

Pery Borissov V. La position paradoxale d'Andreï Makine dans le champs littéraire russe // Communication, lettres et sciences du langage (Israël). 2010. Vol. 4. № 1. Juillet. P. 42–51.

Scheidhauer M.L. Une plume française pour un sol russe dans la Femme qui attendait // Andreï Makine: Perspectives russes / M. Parry et al. Paris, 2005. P. 125–135.

Sylwestrzak-Wszelak A. Andrei Makine. L'identité problématique. Paris, 2010.

Tallon J.-L. Interview d'Andreï Makine. HorsPress. Avril 2002 // Littérature Russe.net. www.litteraturerusse:net/biographie/makine-andrei.php (2002a).

Tallon J.-L. Andreï Makine: l'écriture est une vision // HorsPress, webzine culturel. Bruxelles, 2002. URL: perso:orange:fr/erato/horspress/makine.htm (2002б).

Taras R. A la recherche du pays perdu: Andrei Makine's Russia // East European Quarterly. 2000. Vol. 34 (1). P. 51–79.

Welch E. La séduction du voyage dans l'œuvre d'Andreï Makine // Andreï Makine. La Rencontre de l'Est et de l'Ouest. Paris, 2004.

Сведения об авторе: Пахсарьян Наталья Тиграновна, докт. филол.наук, профессор кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: natapa@mail.ru.

М.К.Пронина

Способы просодического оформления обращения в аргентинском национальном варианте испанского языка

В статье рассматриваются способы интонационного оформления обращения в аргентинском национальном варианте испанского языка. Основное содержание исследования составляет анализ тональных и количественных средств просодического выделения, таких, как длительность ударного гласного, типы тонального акцента и их частотное распределение, локализация тонального движения внутри слога и дополнительное тональное выделение заударного гласного.

Ключевые слова: фонетика, интонация, аргентинский национальный вариант, обращения.

This article examines the intonation of Argentinean Spanish vocatives. The core content of this research is the analysis of prosodic features such as neutral and non-neutral tonal accent, as well as the length of stressed syllables, and types of pitch accents and their frequency distribution. In addition, this article contains an analysis of the localization of a tonal change within a syllable and additional tonal accent of the post-tonic syllable.

Keywords: phonetics, intonation, Argentinean Spanish, vocatives.

Материал исследования и его обработка

Предметом данного исследования является анализ способов просодического оформления обращения в аргентинском национальном варианте испанского языка [Gabriel et al., 2010], [Gabriel et al., 2013], [Kaisse, 2001], [Prieto, Roseano, 2009–2010], [Sosa, 1999]. Материалом исследования служат записи молодежного телесериала «Rebelde Way», произведенного в Аргентине. Из-за сюжетного своеобразия молодежного видеоконтента язык телесериала отличается от языка художественных фильмов: в сериале разыгрываются сцены из обычной жизни, средством подачи сюжета становятся диалоги, герои используют разговорную речь. Специфика процедуры создания сериалов в Аргентине обусловливает естественность и спонтанность речи в теленовеллах. Реплики сериала не могут считаться абсолютно произвольными, однако некоторые особенности производства телесериалов позволяют считать их спонтанными и неподготовленными, так как актеры не заучивают текст реплик наизусть, а импровизируют, придерживаясь общего смысла.

Отбор и классификация примеров обращений сериала «Rebelde Way» были произведены методом сплошной выборки. Все анализируемые единицы представляют собой лексические формы обращения, в разной степени маркированные по стилистическому и географическому признакам. Всего было проанализировано 100 примеров.

Сегментация аудиофайлов производилась вручную, затем материал анализировался с помощью компьютерной программы Praat [Boersma, Weenink, 2016]. Для каждого примера определялись следующие характеристики: значение базового тона, значение максимальной высоты тона, минимальное значение после достижения максимума и характер движения тона на ударном гласном; также фиксировалось место начала падения тона. Кроме того, измерялась длительность ударного и заударного гласного. Случаи экстремально большой длительности гласного оговаривались отдельно. В некоторых случаях также определялась длительность согласного, на основании чего делались выводы о темпе речи говорящего.

Типы произнесения обращения

На основании анализа просодического оформления обращений было выделено 6 типов произнесения:

1-й тип произнесения: отсутствует тональный акцент, отсутствует выделение длительностью гласных[1];

2-й тип произнесения: отсутствует тональный акцент, присутствует выделение длительностью гласных;

3-й тип произнесения: нейтральное тональное выделение обращения[2], отсутствует выделение длительностью гласных;

4-й тип произнесения: нейтральное тональное выделение обращения, присутствует выделение длительностью гласных;

5-й тип произнесения: не нейтральное тональное выделение обращения, отсутствует выделение длительностью гласных;

---

[1] Имеются в виду значимые увеличения длительности гласных по сравнению со средней длительностью. Длительность считалась в миллисекундах и долях по отношению к длительности других гласных слова. Так, если продленным гласным являлся ударный, то рассчитывалась процентная доля его длительности от длительности заударного гласного. И наоборот: если продленным гласных являлся заударный, то рассчитывалась процентная доля его длительности от длительности ударного гласного. Если продленными являлись оба гласных: и ударный, и заударный, – считалась их длительность в миллисекундах.

[2] Нейтральным тональным выделением считается изменение тона на величину до 60 Гц, не нейтральным – более 60 Гц.

6-й тип произнесения: не нейтральное тональное выделение обращения, присутствует выделение длительностью.

На рисунке 1 приведено распределение частоты использования типов произнесения. При произнесении большей части обращений используется выделение длительностью гласных.

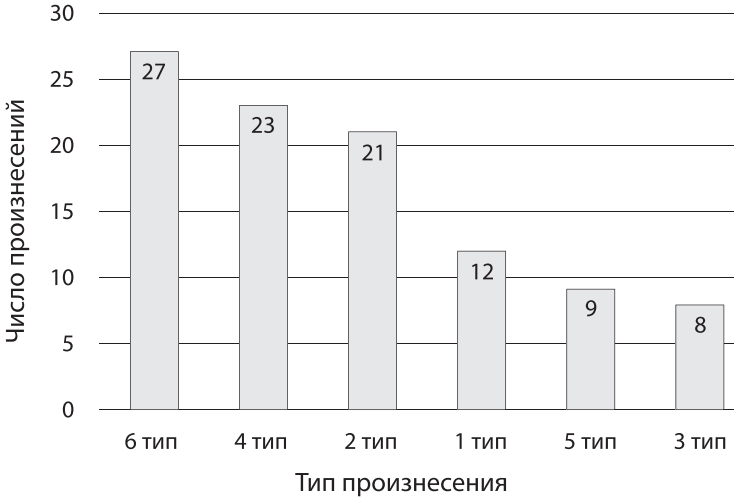

Рис. 1. Распределение частоты использования типов произнесения в обращениях из сериала «Rebelde Way».

Анализ типов произнесения без выделения длительностью гласного

В 12% случаев от общего числа примеров зафиксирован **1-й тип произнесения** (отсутствует тональный акцент, отсутствует выделение длительностью гласных). Эти обращения всегда невосклицательные, чаще представляют собой нераспространенные однословные обращения и не несут отдельного смыслового ударения. Темп речи говорящего, как правило, быстрый. Обращения обычно занимают позицию в конце предложения: *Pues, me voy, mi amor*[3] (*Ну я пошел, милая*), – или внутри предложения: *Bueno, perdoname, Pablito, que te choqué* (*Ну прости меня, Пабли-*

[3] Здесь и далее подчеркиванием выделены обращения.

то, что я тебя так напугала). В этих случаях они составляют одну синтагму с предыдущей и / или последующей частями предложения. Единичный случай такого произнесения был зафиксирован в начале предложения, при этом обращение составляет отдельную синтагму: *Mi amor, se dice "comida"* (*Милочка, нужно говорить «еда»*). В данном случае использование этого типа произнесения маркирует полную отстраненность и предполагаемую объективность говорящего, который уже не в первый раз поправляет собеседника.

В 8% случаев от общего числа примеров отмечен **3-й тип произнесения** (нейтральное тональное выделение обращения, отсутствует выделение длительностью гласных). Он характерен для обращений, занимающих позицию в конце или середине предложения: *Nada, dulce* (*Не за что, милый*), *Pues, nena, ¿por qué no te sacás los anteojitos?* (*Эй, детка, не хочешь снять очки?*). При этом типе произнесения значение тона в среднем изменяется на 28 Гц, тональное движение – восходящее или нисходящее.

В 9% случаев от общего числа примеров используется **5-й тип произнесения** (не нейтральное тональное выделение обращения, отсутствует выделение длительностью гласных). Обращение может занимать позицию в начале предложения: *¡Mamá, me estás cargando!* (*Мам, ты просто издеваешься!*) в середине: *Bueno, basta, chicas, ¿no ven que estoy de buen humor?* (*Ну все, хватит, девочки, вы что, не видите, что я в хорошем настроении?*), или представлять собой отдельное предложение: *¡Papá! ¿Qué hacés acá?* (*Папа! Что ты здесь делаешь?*). Все эти обращения представляют собой пример эмоционального произнесения, темп речи может быть очень быстрым (длительность ударного гласного может достигать значения 32 мс). Частота основного тона (ЧОТ) повышается в среднем на 128 Гц, тональное движение – восходящее. В 2% случаев наблюдается явление позднего тайминга[4].

Анализ типов произнесения с выделением длительностью гласного

Примеры, в которых обращение выделяется длительностью гласного, были распределены на три группы:

1) выделение длительностью заударного гласного,
2) выделение длительностью ударного гласного,
3) выделение длительностью обоих гласных.

[4] Тайминг (timing) – это характер синхронизации тонального контура со звуковой последовательностью [Odé, 1989: 93].

Процентное распределение этих групп в среднем для всех типов произнесения представлено на рисунке 2:

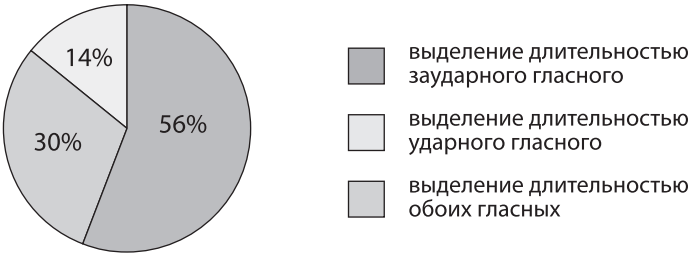

Рис. 2. Процентное распределение подтипов выделения ударностью гласных в обращениях из сериала «Rebelde Way».

Общая схема процентного распределения для всех типов произнесения одинаковая: выделение длительностью заударного гласного является самым частотным, на втором месте находится выделение длительностью обоих гласных, и самым редким для всех типов произнесения является выделение длительностью ударного гласного. В дальнейшем выделение длительностью заударного слога называется подтипом 1 и обозначается 2.1, 4.1, 6.1 соответственно для каждого типа произнесения, выделение длительность ударного слога называется подтипом 2 и обозначается 2.2, 4.2, 6.2 соответственно для каждого типа произнесения, выделение длительностью заударного и ударного гласных называется подтипом 3 и обозначается 2.3, 4.3, 6.3 соответственно для каждого типа произнесения.

2-й тип произнесения (отсутствует тональный акцент, присутствует выделение длительностью гласных**)** фиксируется в 21% случаев (подтипы 2.1 – 9%, 2.2 - 5%, 2.3 – 7%). Хотя эти обращения не являются восклицательными, тем не менее их коммуникативная значимость больше, чем у обращений, при произнесении которых используется первый тип произнесения, что маркируется продленным гласным.

В большинстве случаев обращения, в которых имеется выделение длительностью заударного гласного (**подтип 2.1**), находятся в позиции конца предложения: *Hay algo que se llama dignidad, Marizza* (*Есть такое слово – достоинство, Марисса*). Длительность заударного гласного составляет в среднем 205% от длительности ударного.

Неакцентированные обращения, в которых используется выделение длительностью ударного гласного (**подтип 2.2**), встречаются реже и представляют собой пример ненейтрального произнесения. В среднем удар-

ный гласный составляет 228% от длительности заударного гласного. «Протянутый» гласный маркирует благодушный настрой говорящего, который прибегает к этому типу произнесения, чтобы ободрить или поблагодарить собеседника: *Nada, nena* (*Не за что, милая*). В фамильярном общении этот же тип произнесения используется в ироническом смысле, в ситуации, когда говорящий дразнит собеседника: *Bueno, Pablito, no te calientes, no vale la pena* (*Ну же, Паблито, не кипятись так, не стоит того*).

Темп речи очень быстрый – до 18 звуков в секунду при среднем значении для проанализированных примеров 13 звуков в секунду. При этом темповая структура фразы неоднородна: ударный гласный обращения произносится замедленно. При общем быстром темпе речи эффект «растягивания» гласного достигается главным образом не за счет продления звучания гласного, а за счет сокращения средней длительности звучания других звуков.

Выделение длительностью обоих гласных (**подтип 2.3**) также может использоваться при ненейтральном произнесении (средняя длительность ударного гласного составляет 165 мс, заударного – 168 мс). Такой тип произнесения может выражать внимание и расположение говорящего к собеседнику:*¿Qué pasa, mi chiquita?* (*Что случилось, милая?*) и использоваться в ситуации, в которой говорящий дразнит собеседника. Таким способом может также оформляться обращение в вокативной (ситуация установки контакта) или фатической функции (ситуация апелляции, попытка вызвать реакцию собеседника и убедить его в своей правоте): *No, te juro que sí, es redulce conmigo, Mía* (*Нет, клянусь тебе, что это так, он такой милый со мной, Миа*).

4-й тип произнесения (нейтральное тональное выделение обращения, присутствует выделение длительностью гласных) характеризуется тем, что гласные выделяются не только длительностью, но и тонально. Этот способ оформления обращений используется в 23% случаев (подтипы 4.1 – 14%, 4.2 – 2%, 4.3 – 7%).

Подтип 4.1 является одним из самых частых способов оформления обращения. В среднем значение ЧОТ на ударном слоге возрастает на 35 Гц относительно базового тона, а заударный гласный составляет 240% длительности ударного. Обращения, оформленные таким способом, занимают позицию в конце предложения и составляют отдельную синтагму, как правило, они выполняют вокативную или фатическую функцию и используются в подчеркнуто агрессивных репликах: *Acá las condiciones las ponemos nosotros, loquito* (*Здесь мы устанавливаем правила, умник*). Часто собеседник не называется по имени, как это было в описанных раннее случаях, – говорящий

использует нарицательные формы обращения, поэтому в подобных примерах больше всего отражается национально-культурная специфика общения.

Тональный акцент во фразах с данным типом произнесения может быть восходящим или нисходящим. При нисходящем тоне заударный гласный может быть значительно продлен. Были зафиксированы единичные случаи экстремально большой длительности заударного гласного. Пример подобного явления приведен на рисунке 3. Эти данные игнорировались при подсчете средних значений.

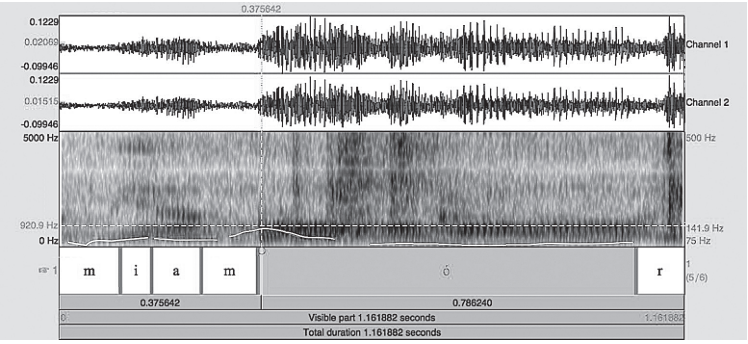

Рис. 3. Осциллограмма, спектрограмма и интонограмма словосочетания *mi* amor: *Ay, por favor, mi amor* (*Ой, любимая, ну пожалуйста*).

При восходящем тоне наблюдается явление позднего тайминга. Максимальное значение тона может достигается на согласном финали ударного слога или на заударном гласном:

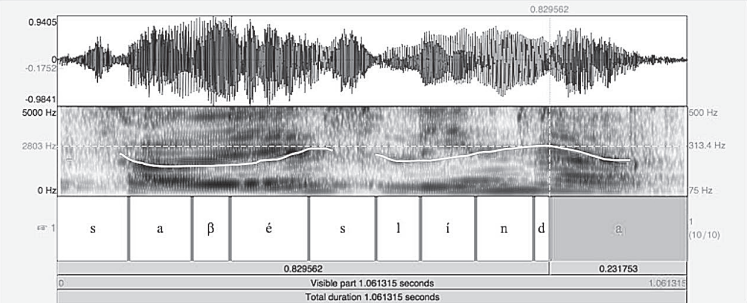

Рис. 4. Осциллограма, спектрограмма и интонограмма фразы *Sabés, linda* (*Знаешь ли, милочка*).

Подтип 4.2 был зафиксирован при произнесении обращений, в которых ударение на конечном слоге, поэтому заударные отсутствуют.

Подтип 4.3 используется говорящим при выражении сочувствия собеседнику: *Oy, Felicitas...* (*Ой, Фелиситас*), при попытке восстановить порядок или прекратить ссору: *Chicas, chicas, stop, por favor, stop* (*Девочки, девочки, стоп, пожалуйста, стоп*), и в ситуации активной апелляции к собеседнику: *Mauro, Mauro, antes de ir a acostarnos, ¿les podemos cantar una cancioncita a nuestros compañeritos?* (*Мауро, Мауро, можно мы выступим с песней перед нашими друзьями до того, как пойдем спать?*). Как видно из примеров, при таком типе произнесения эмоциональность может быть дополнительно подчеркнута синтаксическим повтором обращения. В ряде случаев фиксируется восходящий акцент, сопровождаемый поздним таймингом, нисходящий тон или восходяще-нисходящий. Средняя длительность ударного гласного составляет 140 мс, заударного – 193 мс.

Для **6-го типа произнесения** характерно ненейтральное тональное акцентирование и выделение длительностью гласных. Этот тип произнесения является **самым частым способом оформления обращения** – 27% от общего числа проанализированных случаев (подтипы 6.1 – 14%, 6.2 – 3%, 6.3 – 9%).

Такие обращения обладают большой коммуникативной значимостью, они находятся в позиции обособленного употребления, составляют отдельную синтагму и часто используются как средство интенсификация иллокутивной составляющей всего высказывания.

При выделении длительностью заударного гласного (**подтип 6.1**) заударный гласный максимально продлен – его длительность составляет в среднем 333% от длительности ударного гласного. Среднее значение повышения тона для этого типа произнесения – 101 Гц. Такие обращения часто занимают позицию в конце предложения: *¡Por fin, nena!* (*Ну наконец-то, детка*). В этом случае добавление акцентированного восклицательного обращения в конце предложения придает экспрессивную окраску всему высказыванию.

Данный тип произнесения фиксируется в уже описанных ситуациях: ободрение, выражение благодарности *Bueno, gracias, papi* (*Хорошо, спасибо, папочка*), привлечение внимания, поддразнивание собеседника, однако за счет того, что интервал тонального движения больше, больше и эмоциональность произнесения. Этот способ выделения обращений используется также при активной апелляции говорящего к собеседнику и

является средством воздействия на собеседника:*¡Chicas! ¡No ven que está mintiendo!* (*Девочки! Разве не видно, что она врет!*).

При восходящем тоне наблюдается явление позднего тайминга. В некоторых случаях после восхождения тона не происходит его падения, тон сохраняется на высоком уровне на протяжении ударного и большей части заударного слога.

Как правило, **подтип 6.2** используется при произнесении обращений, в которых ударение на конечном слоге, поэтому заударные отсутствуют. При этом продлен может быть не только гласный звук, но и сонорный согласный в финали ударного слога. Движение тона – восходящее, восходяще-нисходящее. Кроме того, нужно отметить, что акцент смещается на заударный гласный, если он присутствует в слоговой структуре слова, и в таком случае единственным способом выделения ударного гласного становится длительность.

При выделении длительностью обоих гласных (**подтип 6.3**) среднее значение повышения тона равняется 172 Гц, среднее значение понижения тона после достижения максимума – 154 Гц, длительность заударного гласного составляет в среднем 209 мс, ударного – 140 мс.

Этот тип произнесения используется, если обращение выполняет первичную вокативную функцию и в случае активной апелляции к слушающему для усиления интенционального значения высказывания: *Oy, profesora...* (*Ну пожалуйста, учительница*). Такое обращение может быть произнесено с оттенком вызова: *Escuchame, Spirito* (*Послушай меня, Спирито*). Тон, как правило, восходящий, наблюдается явление позднего тайминга.

Некоторые обращения, включенные в эту группу, не учитывались при расчете средних значений, так как длительность гласного или интервала тонального движения были экстремально велики (больше 300 мс. или 200 Гц). Подобные примеры представляют собой отдельные случаи крайне эмоционального произнесения. Так, во фразе *Hijo...* (*Сын...*) длительность ударного гласного составляет 386 мс, заударного – 640 мс, в предложении *Pablo, ¿qué te pasa?* (*Пабло, что с тобой?*) на первом ударном слоге обращения тон повышается на 350 Гц, длительность ударного гласного составляет 296 мс, заударного – 513 мс.

Выводы

В ходе проведенного анализа было установлено, что использование того или иного типа оформления обращения в аргентинском националь-

ном варианте испанского языка связано с его функцией и позицией в предложении, наличием или отсутствием логического или смыслового акцента на нем, коммуникативной значимостью, эмоциональностью и темпом речи, намерениями говорящего. Чем больше коммуникативная значимость обращения и чем эмоциональнее речь говорящего, тем больше средств используется для выделения обращения и тем экстремальнее значения конкретных физических параметров (преимущественно – ЧОТ и длительности), которые с ними соотносятся.

Результаты анализа просодического оформления обращений позволяют сделать вывод о том, что для аргентинского национального варианта испанского языка характерным является сочетание тональных и нетональных просодических средств.

Наиболее частотным способом оформления обращений является не нейтральное тональное выделение и одновременное выделение длительностью не только ударного, но и заударного гласного, однако количественные просодические средства могут использоваться и независимо от тональных.

Данные о частоте основного тона позволяют заключить, что в большинстве случаев при оформлении обращения тональный акцент является восходящим, но зафиксированы и случаи нисходящего и восходяще-нисходящего тона. После повышения ЧОТ на ударном гласном высокий тон может сохраняться на протяжении заударного слога. Обращения, выполняющие вокативную функцию, оформляются отдельным акцентом на заударном слоге.

При выделении обращений не все просодические средства используются в равной степени активно. Так, темповое варьирование наблюдается при условии быстрого темпа речи говорящего, позднее таймирование – при аффективном выражении эмоций. При этом были зафиксированы случаи максимально позднего таймирования обращения, когда тональное движение полностью смещено на заударный слог, и ударный слог просодически не выделен. При аудитивном анализе ритмическая организация таких обращений может неверно интерпретироваться, в качестве ударного может восприниматься последний слог.

Список литературы

Boersma P., Weenink D. Praat: doing phonetics by computer [Computer program, version 6.0.05]. 2016. http://www.praat.org/.

Gabriel C., Feldhausen I., Pešková A., Colantoni L., Lee, S., Arana V.,

Labastía L. Argentinian Spanish Intonation // Transcription of Intonation of the Spanish Language. München, 2010. P. 285–317.

Gabriel C., Pešková A., Labastía L., Blázquez B. La entonación en el español de Buenos Aires // Perspectivas teóricas y experimentales sobre el español de la Argentina. Madrid; Frankfurt, 2013. P. 99–115.

Kaisse E. The long fall: an intonational melody of Argentinian Spanish // Features and Interfaces in Romance. Amsterdam, 2001. P. 148–160.

Odé C. Russian Intonation: a Perceptual Description. Amsterdam, 1989.

Prieto P., Roseano P. Atlas interactivo de la entonación del español. 2009–2010. http://prosodia.upf.edu/atlasentonacion/.

Sosa J.M. La entonación del español. Su estructura fónica, variabilidad y dialectología. San Antonio, 1999.

Сведения об авторе: Пронина Мария Кирилловна, магистрант кафедры иберороманского языкознания филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: promarusia@icloud.com.

И.А.Зибер

Преодолевшие сонорность: переход /v/>/z/ и другие явления в бесермянском удмуртском

Статья посвящена отдельным аспектам развития системы консонантизма в бесермянском диалекте удмуртского языка. Обобщаются данные о соотношении шумных и сонорных свойств фонемы /v/ в различных диалектах пермских языков. Через сопоставление бесермянского идиома с родственными предлагается объяснение некоторым его отличительным чертам, в частности, начальному чередованию /v/ с согласными /z/ и /b/.

Ключевые слова: консонантизм, бесермянский удмуртский, сонорный согласный, ассибиляция.

The article deals with the development of Beserman Udmurt consonant system. Data on the consonant /v/ as sonorant in Udmurt and Komi gives reasons to state some particular status of the Beserman dialect. Thus, the new explanation is suggested to some specific features of the dialect such as assibilation and fortition of the initial /v/.

Keywords: consonants, Beserman Udmurt, sonorant, assibilation, fortition.

В настоящей статье предпринимается попытка обобщить некоторые данные о характере согласного /v/[1] в пермских языках и найти возможное объяснение некоторым уникальным чертам бесермянского диалекта.

Бесермянский диалект удмуртского языка выделяют наряду с северным и южным наречиями в особое третье наречие удмуртского языка [Кельмаков, 1998: 43]. Отличия от литературного языка и других диалектов прослеживаются на всех уровнях; многочисленны фонетические особенности идиома – «собеседник-удмурт сразу же узнает бесермянина по его языку» [Тепляшина, 1970: 163]. Бесермяне расселены на небольшой территории среди удмуртских, татарских и русских поселений на северо-западе Удмуртской республики [Тепляшина, 1970: 5]. Все бесермяне владеют литературным удмуртским и русским языками; их собственный идиом письменности не имеет.

Обратимся к трем чертам, которые имеют место в начале слова и отличают, в числе прочего, бесермянский идиом от большинства удмуртских и других пермских диалектов.

[1] В настоящей статье в косые скобки (/) берутся и фонемы как единицы описания фонетической системы языка, и их конкретные реализации.

1. /v/ > /z/

В работе [Тепляшина, 1970], которая посвящена языку бесермян и является самым полным источником сведений о нем, в числе «мелких фонетических явлений в области согласных» упоминается интересный фонетический переход – мена начального общеудмуртского /v/ на /z/: *zim* вместо литературного *вим* ‘мозг’, *zeme* вместо литературного *веме* ‘помощь’ [Тепляшина, 1970: 160]. В ходе недавних исследований существование вариативности начального согласного в этой позиции было подтверждено [Люкина, 2008].

2. /v/ > /b/

В той же начальной позиции в речи пожилых носителей имеет место употребление /b/ на месте общеудмуртского /v/: *beme* вместо литературного *веме* ‘помощь’, *ben’* вместо литературного *вень* ‘игла’ [Тепляшина, 1970: 100]. В условиях сильного влияния литературного варианта удмуртского языка на диалекты эта особенность постепенно уходит: тогда как в [Тепляшина, 1970] утверждается, что старшее поколение бесермян как особые фонемы /b/ и /v/ не различает, а молодое поколение различает четко, в [Люкина, 2008] указывается, что мена эта имеет спорадический характер и число примеров сводится к минимуму.

3. /w/

В начале слова перед /a/[2] бесермянский диалект сохраняет /w/, который исследователи возводят к прапермскому */u̯/-неслоговому [Uotila, 1933: 63–70], [Лыткин, 1964: 24]. Впоследствии в диалектах удмуртского и коми языков он претерпел изменения и преобразовался в различные звуки; в большинстве диалектов удмуртского языка он заместился /v/ [Кельмаков, 1998: 85], сохранившись лишь в отдельных периферийных говорах [Лыткин, 1957: 111–112], [Тараканов, 1964: 78], [Кельмаков, 1993: 35–36], [Кельмаков, 1998: 85] и в бесермянском наречии [Тепляшина, 1970: 98].

Прокомментируем некоторые аспекты упомянутых явлений более подробно. Прежде всего важно отметить, что во всех диалектах, где /w/ сохранился, он употребляется строго в соответствии с этимологией и не смешивается с начальным /va-/[3] [Кельмаков, 2004: 249–250], в том числе и при контактном и близком дистактном употреблении [Кельмаков, 2004: 311–

[2] Есть и другая позиция, в которой некоторые удмуртские диалекты сохраняют /w/ – позиция после начального /k/ перед гласными /a/ или /i/: kwaka ‘ворона’, kwin’ ‘три’. Употребление /w/ в этой позиции распространено на большей территории [Кельмаков, 2004: 249–250]; в рамках настоящей статьи этот случай рассматриваться не будет.

[3] Здесь и далее во всех цитатах для удобства приводится моя транскрипция.

312]. Диалекты с /w/ знают всего одну минимальную пару, где различие между начальными /v/ и /w/ смыслоразличительно: *waž'* 'рано' и *važ'* 'полба', при этом второе слово в большинстве диалектов не сохранилось [Кельмаков, 2004: 249–250]. Таким образом, в бесермянском диалекте (наряду с некоторыми другими) последовательно различаются начальный /w/ и начальный /v/, несмотря на то что акустически и артикуляционно звуки близки, оба ограничены в употреблении почти исключительно начальной позицией, минимальные пары на них почти повсеместно отсутствуют, а различие не поддерживается ни окружающими удмуртскими диалектами, ни литературным удмуртским языком, ни принятой орфографией (которая, как мы могли заметить в ходе полевой работы, оказывает значительное влияние на речь образованных бесермян даже старшего возраста).

Возникает вопрос: каким образом языковой системе удается удерживать такое слабое («неперспективное», «тупиковое» [Кельмаков, 2004: 315]) противопоставление в течение столь долгого времени?

Этой проблеме прежде не уделялось достаточного внимания в работах исследователей удмуртской диалектологии; единственное объяснение, которое нам удалось найти, связывает сохранность /w/ в языке бесермян «некоторым воздействием со стороны татарских диалектов, характеризующихся наличием анлаутного /w/» [Кельмаков, 2004: 315]. Недостаточная убедительность такой интерпретации прежде всего в том, что в большинстве татарских диалектов, как и в литературном татарском, в исконных словах /v/ отсутствует [Закиев и др., 1995: 60], а сочетание /w/ + гласный в начале корня и вовсе встречается в ограниченном числе случаев и в основном в заимствованиях [Закиев и др., 1995: 71], в то время как навык произнесения татарского /w/ сам по себе вряд ли может считаться причиной сохранения оппозиции начальных /wa-/ и /va-/ в бесермянском, тем более что некоторое время /w/ был распространен на всей удмуртской территории [Кельмаков, 2004: 314–315].

Кроме того, тем же татарским влиянием исследователи объясняют и совсем другое явление начала слова, уже приводившееся в начале статьи – мену начального /v/ на /b/: «промежуточный характер, возникший под влиянием произносительной нормы татарского языка… на месте /v/, создал благоприятную предпосылку для прояснения его – через ступень свободного варьирования /b/ и /v/» [Кельмаков, 2003: 94][4].

[4] Интересно, что ранее исследователь утверждал, что «/b/ на месте /v/ ни тюркским (татарским) контактным влиянием, ни логикой системных отношений удмуртской звуковой системы не объясняется» [Кельмаков, 2003: 89–90].

При попытке соотнести эти объяснения, по отдельности относительно убедительные, остается без ответа вопрос о том, как и по какой причине при последовательном противопоставлении /w/ и /v/ в идиоме перестают различаться /v/ и /z/ и /v/ и /b/.

Чтобы приблизиться к возможному ответу, обратимся к данным других диалектов удмуртского языка, а также к имеющимся в нашем распоряжении реконструкциям более ранних состояний их фонетических систем.

Консонантная система удмуртского языка в его литературном варианте и большинстве диалектов включает подкласс губных согласных из трех единиц: /b/, /p/ и /v/. Согласный /f/ встречается только в заимствованиях из русского, через русский [ГСУЯ, 1962: 27], [Winkler, 2001: 9], [Цыпанов, 2008: 93] и из татарского, причем освоение согласного относится к позднему периоду [Кельмаков, 2004: 247–248], и /f/ в речи старшего поколения удмуртов усваивается через /p/ и /k/ [Тепляшина, 1970: 118]. Стоит отметить, что в удмуртском языке существует контраст между звонкими и глухими шумными, очень редкий для финно-угорских языков [Winkler, 2001: 9], при этом у сонорных глухие пары отсутствуют. Если не включать /f/ в состав согласных фонем, оставаясь в рамках подсистемы исконно удмуртских слов, /v/, подобно сонорным согласным, не будет иметь глухой пары. Тем не менее в описаниях удмуртского консонантизма /v/ традиционно относят к шумным [ГСУЯ, 1962: 27], [Тепляшина, 1970: 95], [Вахрушев, Денисов, 1992: 36], [Winkler, 2001: 9], что кажется в значительной степени обусловленным традицией описания русской фонетики. В то же время в некоторых грамматиках все же отмечается, что «удмуртские /v/ и /j/ имеется основание отнести как к сонорным, так и к фрикативным, так как трудно сказать, преобладает ли при произношении этих звуков шум или голос» [ГСУЯ, 1962: 27], и что два этих согласных стоят «несколько особо» от других фрикативных [Тепляшина, 1970: 95].

Причисление того или иного согласного к классу сонорных или шумных в русскоязычных фонетических описаниях обыкновенно либо вовсе не обосновывается (как, например, в фундаментальных описаниях ительменского [Володин, 1976] или корякского [Жукова, 1972] языков), либо обосновывается некоторым интуитивно понимаемым соотношением голоса и шума (как в описании русской фонетики [Бондарко, 1977] или селькупского языка [Кузнецова и др., 2002]). В случае с типичными сонантами (например, звонкими носовыми или боковыми) и типичными шумными (например, сибилянтами) трудностей не возникает, но, когда

дело касается /j/ или /v/, а результатами детального акустического анализа автор не располагает, решение конвенционально. Тем не менее сонорные согласные, как правило, отличаются от шумных не только по акустическим признакам – отсутствию или минимальному уровню фрикативного шума и F-картине, но и по своим синтагматическим и парадигматическим свойствам, по месту в фонетической системе. Так, известно, что «сонорные по своей фонетической природе менее склонны к участию в фонационных противопоставлениях, чем шумные», и «в большинстве языков, как и в русском, представлены лишь звонкие» сонорные фонемы [Кодзасов, Кривнова, 2001: 449]. Как уже было отмечено выше, фонологические оппозиции удмуртского языка (без учета подсистемы заимствованной лексики) устроены именно так, и фонема /v/ ведет себя в этом отношении как сонорный согласный. Кроме того, в некоторых диалектах удмуртского языка она реализуется как аппроксимант [w] [Кельмаков, 1998: 80].

В русском языке /v/ традиционно считается шумным согласным на основании системного и парадигматического критериев: подобно шумным, /v/ противопоставлен по глухости-звонкости согласному /f/ и чередуется с ним перед глухими шумными и в конце слова перед паузой. В удмуртском языке регрессивное уподобление шумных по глухости и звонкости внутри слова также считается нормой, но /v/, если не принимать в расчет русские заимствования, встречается только в начале слов и вторых компонентов сложных слов перед гласными [Тепляшина, 1970: 116], [УРС, 1983], таким образом, из-за отсутствия примеров нет возможности установить, происходит ли оглушение /v/ перед шумными.

В русском языке сонорная природа /v/ проявляется тогда, когда к анализу привлекается синтагматика: если за /v/ следует гласный, глухие шумные перед ним не озвончаются, что невозможно в позиции перед любым другим шумным. Так же и в удмуртском языке: глухие шумные перед звонкими шумными озвончаются, но «озвончение глухих перед согласным /v/ неизвестно… пермским языкам» [там же: 153].

Обратим внимание на проявление сонорной природы /v/ в истории языка. Удмуртский /v/ возводят к финно-угорскому */w/ [Uotila, 1933: 67–68], [Лыткин, 1957: 115], [Тараканов, 1964: 77–78]; еще в прапермский период он был утрачен в ряде позиций середины слова, в частности, в интервокальном положении [Uotila, 1933: 252], [Бубрих, 1948: 105]. В то же время частотность начального */v/ в общепермский период значительно возросла в том числе за счет протетического /v/ [Кельмаков, 2004:

252]. Протетические согласные, как правило, сонорные – чаще всего ими становятся глайды [Кодзасов, Кривнова, 2001: 460], но возможны и носовые [Колбышева, 2013], и боковые [Crowley, 1997]. Выпадение в интервокальном положении также свойственно сонорным, особенно глайдам [Баринова, 1971: 117–127].

Таким образом, /v/ удмуртского литературного языка и большинства удмуртских диалектов, вопреки описаниям, ведет себя не как шумный согласный, а как сонорный и системно (в исконных словах не противопоставлен глухому), и синтагматически (не вызывает озвончения глухих); кроме того, он был подвержен фонетическим процессам, характерным для сонорных, и исторически восходит к полугласному, а в некоторых диалектах реализуется таким образом и сейчас.

Обратимся теперь к звуковой системе других пермских языков, близкородственных удмуртскому. В первую очередь нас будет интересовать южное наречие коми-пермяцкого языка, так как территория его распространения наиболее близка к местам расселения удмуртов и бесермян.

В современном коми языке, как и в литературном удмуртском, имеются в исконных словах три губных согласных: /b/, /p/ и /v/. Согласный /f/ возможен только в заимствованиях из русского и через русский [Баталова, 1975: 21], [Цыпанов, 2008: 74–75], его усвоение в коми-пермяцких диалектах «является живым процессом» [Баталова, 1975: 24]. Все сонорные согласные только звонкие, все звонкие шумные имеют глухую пару; коми звуки /v/ и /l/ описываются как сонорные [СКЯ, 1955: 29], [Баталова, 1975: 27]. Согласный /v/ коми языка демонстрирует высокую степень звучности и близости к гласному: в разных позициях по диалектам он то «напоминает [w]», то выпадает, то удлиняет предшествующий гласный [Баталова, 1975: 26]. Кроме того, литературному коми-пермяцкому языку свойственно чередование звуков /l/ и /v/ [Бубрих, 1948: 103], [Баталова, 1993], а в большинстве южных говоров произошел полный переход этимологического /l/ в /v/ [Лыткин, 1957], [Баталова, 1975].

Рассмотрев более подробно свойства /v/, дающие все основания причислять его к классу сонорных согласных в диалектах удмуртского и коми языков, вернемся к фактам бесермянского диалекта.

По устройству системы консонантизма бесермянский диалект отличается как от большинства удмуртских диалектов и литературного удмуртского языка, так и от коми, и есть основания полагать, что в нем, в отличие от других пермских диалектов, /v/ является скорее шумным согласным. Во-первых, среди губных согласных бесермянского диалекта

присутствует губно-губной аппроксимант /w/, устойчивость которого уже отмечалась выше, а наличие в системе одновременно двух неносовых губных сонантов с типологической точки зрения неестественно [Кодзасов, Муравьева, 2000: 183]. Во-вторых, идиом отличает бóльшая, чем в родственных диалектах, степень освоенности глухого губно-зубного согласного: «для носителей языка бесермян характерно четкое произношение /f/», тогда как в диалектной речи удмуртов он обычно заменяется на /p/ и /k/ [Тепляшина, 1970: 118]. В-третьих, бесермянский диалект знает регрессивное озвончение конечных глухих согласным /v/ следующего слова: *ukməs* ‘девять’ – *ukməz val* ‘девять лошадей’, *peš’* ‘горячий’ – *pež’vu* ‘кипяток’ [Тепляшина, 1970: 151–152], [Федотов, 1982: 118, 128], [Кельмаков, 2003: 118], [Люкина, 2008]. Это явление распространено также в среднечепецком и нижнечепецком диалектах северного наречия удмуртского языка [Карпова, 2014: 191], то есть «на территории былого и / или современного расселения бесермян» [Кельмаков, 2003: 118]. Другим пермским диалектам озвончение глухих перед /v/ неизвестно [Тепляшина, 1970: 153].

К парадигматическим свойствам /v/, отличающим бесермянский диалект от других, относятся уже приводившиеся ранее мены /v/ > /z/ и /v/ > /b/.

Сама по себе ассибиляция губных не является исключительным явлением, однако в большинстве случаев она сопровождает палатализацию согласного и затрагивает всю или почти всю подсистему губных, включая носовой [Ohala, 1978]. В бесермянском идиоме согласный /z/ имеет мягкую (палатальную) пару /ž’/, в то время как /v/ такой пары не имеет, подвергаясь лишь незначительной коартикуляционной палатализации. В результате мены /v/ > /z/ получается твердый согласный /z/, а не мягкий /ž’/, кроме того, ни один смычный губной согласный не подвергается ассибиляции в удмуртском языке, таким образом, мы вряд ли можем предположить, что мена /v/>/z/ возникла в результате палатализации.

Убедительной представляется следующая трактовка обсуждаемых явлений. В отличие от остальных пермских диалектов, где развитие /v/ идет, как кажется, по пути все большей сонаризации вплоть до полного исчезновения и/или слияния с гласным, бесермянский диалект в какой-то период своего развития пошел по пути уменьшения звучности /v/[5]. Это-

[5] Поскольку понятия «шумный» и «сонорный» являются в том числе и акустическими понятиями, не вполне справедливо делать окончательные выводы о шумной или сонорной природе той или иной единицы без привлечения акустического анализа. Полноценный анализ предполагал бы сравнение ряда акустиче-

му могло способствовать наличие в ряде корней более звучного /w/, с которым губно-зубному /v/ нужно было достичь максимального акустического расподобления. Движение /v/ от сонорного к шумному сопровождалось распространением на эту фонему синтагматических и парадигматических свойств шумных согласных, способствовало освоению артикуляции /f/ и привело к преувеличенной реализации шумного компонента /v/ вплоть до ассибиляции в одних словах и усиления щелевого согласного до смычного в других. Впрочем, установить, что являлось причиной, а что следствием, в данном случае затруднительно. Столь же вероятно, что как раз шумная природа бесермянского /v/ способствовала сохранению в идиоме губно-губного аппроксиманта, а не наоборот, а закрепление в речи носителей навыка произношения /f/ вызвало переосмысление характера /v. Так или иначе, в случае изоляции идиома все эти процессы в совокупности могли бы привести к тому, что /v/ окончательно превратился бы в шумный согласный, возможно, даже совершенно потерял бы самостоятельность, вступив в отношения дополнительного распределения или свободного варьирования с /b/. Но в последние десятилетия под сильным влиянием литературного удмуртского языка в условиях размывания диалектных различий процессы, сопровождающие развитие шумных свойств /v/, заметно замедлились, и сейчас мы можем наблюдать промежуточное состояние идиома. Если бесермянский идиом двинется вслед за другими диалектами, возможно, через некоторое время и в нем оппозиция /v/ и /w/, сохранявшаяся в течение долгого времени, исчезнет.

Список литературы

Баринова Г.А. Редукция и выпадение интервокальных согласных в разговорной речи // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1971.

Баталова Р.М. Коми-пермяцкая диалектология. М., 1975.

Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка. Л., 1977.

Бубрих Д.В. Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком). Ижевск, 1948.

ских характеристик /v/ и /w/ в различных позициях в бесермянском удмуртском и в еще по крайней мере одном диалекте удмуртского языка и одном – коми, причем не только в подсистеме исконных слов, но и (отдельно) в русских заимствованиях. Такой анализ, невозможный в рамках настоящей статьи, должен быть предметом отдельного исследования.

Вахрушев В.М., Денисов В.Н. Современный удмуртский язык: Фонетика. Графика и орфография. Орфоэпия. Ижевск, 1992.

Володин А.П. Ительменский язык. Л., 1976.

Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Под ред. П.Н. Перевощикова и др. Ижевск, 1962.

Жукова А.Н. Грамматика корякского языка. Фонетика, морфология. Л., 1972.

Карпова Л.Л. Фонетические различия в северных диалектах удмуртского языка // Linguistica Uralica. 2014. № 3.

Кельмаков В.К. Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов. Ижевск, 1993.

Кельмаков В.К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск, 1998.

Кельмаков В.К. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Ч. I. Ижевск, 2003.

Кельмаков В.К. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Ч. II. Ижевск, 2004.

Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. Общая фонетика. М., 2001.

Кодзасов С.В., Муравьева И.А. Язык и фольклор алюторцев. М., 2000.

Колбышева Ю.В. Нганасано-селькупские параллели числительного «один» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Грамота. № 3 (21): В 2 ч. Ч. II. Тамбов, 2013.

Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Грушкина Е.В., Хелимский Е.А. Селькупский язык. СПб., 2002.

Лыткин В.И. Историческая грамматика коми языка. Часть I: Введение. Фонетика. Сыктывкар, 1957.

Лыткин В.И. Исторический вокализм пермских языков. М., 1964.

Люкина Н.М. Особенности языка балезинских и юкаменских бесермян (сравнительная характеристика): Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Ижевск, 2008.

Современный коми язык. Фонетика. Лексика. Морфология / Под ред. В.И. Лыткина. Сыктывкар, 1955.

Тараканов И.В. К вопросу истории развития неслогового ў в удмуртском языке // Вопросы финно-угорского языкознания: Грамматика и лексикология. М.; Л., 1964.

Татарская грамматика: В 3 т. Т. I / Под ред. М.З. Закиева. Казань, 1995.

Тепляшина Т.И. Язык бесермян. М., 1970.

УРС 1983 – Удмуртско-русский словарь: Ок. 35000 слов / Под ред. В.М. Вахрушева. М., 1983.

Цыпанов Е.А. Сравнительный обзор финно-угорских языков. Сыктывкар, 2008.

Crowley T. 1997. An introduction to historical linguistics. 3rd ed. Oxford.

Ohala J.J. 1978. Southern Bantu vs. the World: the case of palatalization of labials // Proceedings of the annual meeting of the Berkeley Linguistics Society. 4.

Uotila T. 1933, Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. Helsinki, MSFOu LXV.

Winkler E. 2001. Udmurt. München. Languages of the World. Materials 212.

Сведения об авторе: Зибер Инна Арнольдовна, аспирантка кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. E-mail: innasieber@gmail.com

Юй Исин

Формы русского речевого этикета в свете этики ответственности

В статье рассматриваются русские речевые этикетные формулы обращения и извинения в свете этики ответственности как фундамента поведения человека, включающего и его коммуникативное поведение. Этика ответственности в единицах обращения и извинения исследуется в аспекте обеспечения ею коммуникативной удачи.

Ключевые слова: русский речевой этикет, обращение, извинение, этика ответственности, коммуникативная удача

The object of this article is the Russian speech etiquette formulas: salutations and apologies in the light of the responsibility ethics. The responsibility ethics is established as the basis of human behavior, in which the communicative behavior is also included. The responsibility ethics is reflected in salutations and apologies is studied as means of ensuring communication success.

Key words: Russian speech etiquette, salutations, apologies, the responsibility ethics, communication success.

1.1. Отношения этикета и этики могут быть выведены на лингвофилософский уровень рассмотрения проблемы на основе базового понятия «ответственность», имеющего отношение к сфере социальных действий, включая коммуникативные. Лексикографические данные свидетельствуют о том, что слова *этика* и *этикет*, принадлежащие одновременно и общеизвестному современному русскому литературному языку, и его специализированным научным сферам, имеют разную историю их вхождения в лексикон языка: *этикет* восходит к французскому слову *étiquette* (‘этикетка, надпись, этикет’ от старофранцузского *estichier*), а *этика*, восходящее к греческому слову *ethos* (лат. ethica ‘нрав, характер, обычай’), пришло через польский [Фасмер, 1987: 523]. Если возможное глубокое этимологическое родство слов *этикет* и *этика* нуждается в доказательстве, то семантическая связь этих единиц, рассматриваемых в статусе терминов, очевидна.

По определению современного отечественного философа Р.Г. Апресяна, этикет как «знак групповой (сословной, клановой) идентичности» и как «совокупность правил, регулирующих безличные отношения между людьми» [Апресян, 2001: 597] входит в этику как науку о нравственности

на правах «малой этики», т. е. одного из предметов ее изучения. В «Словаре по этике» (СЭ) термин «этикет» раскрывается как «совокупность правил поведения, касающихся внешнего проявления отношения к людям. В него входят те ее требования, которые приобретают характер строго регламентированного церемониала и в соблюдении которых имеет особое значение определенная форма поведения» [СЭ, 1981: 416].

1.2.1. В рамках «малой этики» этикет связан прежде всего с таким понятием, как «ответственность». В обзоре истории европейской философской мысли, которые предлагает В.А. Канке, отмечается, что прилагательное *ответственный* оформляется в существительное *ответственность* лишь со второй половины XV в., что придает ему статус философского термина. Однако вплоть до второй половины XIX в. термин «ответственность» «используется крайне редко» и «сохраняет в этическом отношении свою маргинальность». В становлении этики ответственности показательна, по мнению В.А. Канке, позиция И. Канта, который был одним из первых европейских философов, использовавших этот термин и считавших, что совесть должна рассматриваться как субъективный принцип ответственности перед Богом за свои поступки, а объективная инстанция находится в категорическом императиве, по отношению к которому ответственность вторична [Канке, 2009: 209].

Спустя век после И. Канта Ф. Ницше продемонстрировал новое понимание сущности ответственности как регулятора социальных отношений. Для него вся генеалогия морали скрыта в феномене ответственности. Ф. Ницше придерживается той точки зрения, что человек должен «видеть и предупреждать далекое как настоящее, с уверенностью устанавливать, что есть цель и что – средство к ней, чтобы смочь ручаться за себя как за будущность» (цит. по [Канке, 2009: 210]).

1.2.2. В китайской философской традиции вопрос о том, является ли этика Конфуция этикой ответственности или этикой убеждений, остается спорным до настоящего времени. Современный китайский философ Чжу Цзюньлинь [Чжу Цзюньлинь, 2014] считает, что конфуцианская этика по существу является систематической этикой ответственности. В китайском языке слово *ответственность* имеет три основных значения: 1. дело, которое кем-то положено сделать; 2. вина и проступки, вызванные несовершением положенного дела; 3. дурные последствия, вызванные несовершением положенного дела [ССКЯ, 2012]. В учении Конфуция большинство словоупотреблений этого слова связано с первым значением.

1.3. Лингвистическому анализу имени *ответственность* посвящены работы О.Е. Фроловой. Она полагает, что «в семантике слова *ответственность* и его производящего слова *отвечать* можно выделить следующие семы имени и глагола: 1) диалогические отношения спрашивающего и отвечающего; 2) обязательство, взятое кем-л. или наложенное на кого-л. перед самим собой, общественным институтом, организацией или перед третьим лицом; 3) предварительное согласие человека, принявшего на себя ответственность за возможные отрицательные последствия неудачи какой-л. деятельности, предприятия или дела; 4) готовность принять вину, понести наказание или ущерб в случае неудачи дела; 5) несвобода в собственных действиях или поведении, на которую добровольно или вынужденно соглашается такой человек» [Фролова, 2009: 215]. Кроме того, «ответственность предполагает, во-первых, связь нескольких участников, а во-вторых, заинтересованную включенность личности в жизнь общества» [Фролова, 2009: 217]. Автор считает, что благодаря ответственности осуществляется связь внутри общества, обеспечивающая единство его членов.

К базовой форме социальной связи, обеспечивающей единство общества, относится речевая коммуникация, в которой ответственность коммуникантов занимает важнейшее место. Можно заметить, что соответствие выбранной говорящим речевой единицы коммуникативной норме, принятой социумом, обеспечивает коммуникативную удачу, а несоответствие может вызвать нежелательные коммуникативные последствия.

1.4. Речевая ситуация становится конфликтной, когда в ней нарушаются известные коммуникативные постулаты Грайса (количества, качества, отношения, способа) [Грайс, 1985], к которым Л.О. Чернейко предлагает добавить постулат «не обидь» [Чернейко, 1996: 53]. Нарушение этого этического требования, например при использовании говорящим отрицательно окрашенных оценочных слов, сопровождаемых сильными эмоциями неприятия (презрением, уничижением, отвращением) и обращенных к адресату, чревато негативными последствиями

Нарушение правил речевого этикета может привести к коммуникативной неудаче. «Для этикета чрезвычайно важны два параметра: во-первых, статусная (или “вертикальная”) дистанция и, во-вторых, межличностная (или “горизонтальная”) дистанция, различающая участников ситуации» [Крылова, 2006: 244]. При этом наиболее актуально для этикета противопоставление социальной и персональной дистанции (обе они относятся

к сфере межличностной дистанции). Как отмечает В.И. Карасик, «общение на персональной дистанции требует искренности и допускает определенную спонтанность в проявлении желаний» [Карасик, 2002: 80], между тем «общение на социальной дистанции требует формального соблюдения приличий и сдержанности» [Карасик, 2002: 81].

2.1. Среди разнообразных тематических групп русского речевого этикета (обращение, приветствие, прощание, благодарность и т. д.) значительное место занимает обращение, в качестве которого чаще всего употребляют форму «имя-отчество». Отчество, образованное от имени отца с помощью суффиксов *-ович, -евич, -овна, -евна*, давно вошло в активное употребление как знак уважения и признания достоинства личности. «Имя-отчество» является единицей обращения, выбор которой связывается в первую очередь с официальностью коммуникативной обстановки, определяющей социальную дистанцию коммуникантов по ряду параметров: возраст, социальный статус, степень знакомства.

«Словарь русского речевого этикета» определяет обращение по имени-отчеству как самую распространенную в России XIX–XX вв. форму вежливого, уважительного обращения к взрослому человеку. Данная форма используется в составе форм представления при знакомстве. Помимо того, «имя-отчество» является формой приятельского, преимущественно мужского приветствия, которое употребляется исключительно в устной речи при контактном общении. Эта же форма применяется в качестве подписи, заключающей письмо к малознакомому или незнакомому адресату. Имя и отчество пишутся полностью, чтобы адресат при ответе не затруднялся в обращении [Балакай, 2001: 207–208]. Следует отметить, что форма «имя-отчество» может быть знаком уважительного отношения говорящего к собеседнику и в неофициальной ситуации общения.

В современных российских СМИ нередко наблюдается нарушение правил использования формы обращения «имя-отчество», согласно которым такое обращение требует возрастной и / или социальной дистанции: старшинство по возрасту или по социальному положению. В программах по радио и на телевидении участники часто обращаются друг к другу только по имени даже в официальных ситуациях. Например, однажды русская женщина, служащая в Русском культурном центре в Пекине, себя представила так: *Ольга, называть меня можно только Ольга*. Однако слушающий, который владеет нормами этикета, может и не принять такого самопредставления. Как считает Н.И. Формановская, «убирая от-

чество из именования человека, мы как будто снимаем элемент уважительности и еще что-то неуловимое» [Формановская, 2004: 73]. По ее наблюдениям, без отчества могут быть представлены только очень известные люди (*Михаил Горбачев*, *Борис Ельцин*, *Владимир Путин*), однако прямое обращение к ним требует вежливой формы.

Между тем такой национально-специфичный культурный феномен, как богатство форм русского имени (в особенности множество его уменьшительных форм), оказывается довольно сложным в межкультурной коммуникации. Следует подчеркнуть, что употребление уменьшительно-ласкательных форм обращения – *Андрейка, Андрюша, Андрюшенька* – обычно связано либо с близкими, равными отношениями между говорящим и слушающим, либо с младшим возрастом и / или низшим статусом партнера. И сами носители языка весьма чувствительны к нарушению этого правила. В качестве примера приведем ситуацию, в которой форма обращения к женщине вписана женщиной в общий контекст существующего в российском социуме гендерного неравенства, в частности в шутки о «женской логике» и «женской дружбе», «слабом поле». Она отмечает и эмоционально комментирует наличие «уважительного обращения начальников к одним подчиненным: *Сергей*, *Иван...* и снисходительное к другим: *Леночка, Настенька...* – надоело!» (Огонек. 2016. № 41. С. 44).

При выборе формы обращения необходимо учитывать так называемую «относительную дистанцию» [Крылова, 2006: 252], обусловленную степенью близости, существующей между коммуникантами. «Нарушение ее связано с переходом границы “свой” и “чужой”, которое имеет место при несанкционированном переключении с социальной дистанции на персональную или интимную» [Крылова, 2006: 252].

2.2. Показателен пример из телевизионной программы «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым»: участник политического ток-шоу несколько раз обращался к ведущему *Володенька*, на что В. Соловьев отреагировал следующими словами: *Может, я не буду отвечать на вашу любезность и называть Вас уменьшительно-ласкательным именем, потому что в моем возрасте меня так называть может только жена.* Через некоторое время другой участник программы обратился к В. Соловьеву по имени-отчеству *Владимир Рудольфович*. И такое обращение ведущий не оставил без комментария, сказав: *Ничего себе размах – от Володеньки до Владимира Рудольфовича* (ТВ. 18.09.2016).

В приведенных диалогах реакция ведущего обусловлена его пониманием несоответствия выбранных говорящими обращений самой ситуации общения, представляющей собою публичный диалог, относящийся к официальной сфере коммуникации. Оба комментария ведущего – не что иное, как реплика на коммуникативную неудачу говорящего, обусловленную в первом случае несоответствием избранной говорящим стилистически маркированной формы обращения (уменьшительно-ласкательного, «домашнего» имени) официально-деловой коммуникативной ситуации, а во втором случае – несоответствием официально-делового варианта личного имени (имя-отчество) принятому в студии стандарту обращения к ведущему: чаще всего *Володя* при возможной полной (паспортной) форме *Владимир*.

Ответственность говорящего как его предвидение последствий собственного речевого поведения состоит в правильном выборе обращения к собеседнику, которое коррелирует и с его статусом, и с характером речевой ситуации, что определяется социальной дистанцией между коммуникантами. Неверный выбор обращения представляет собою такую речевую неудачу, которая является текстопорождающим фактором, провоцирующим диалог вокруг ошибки. Следует отметить, что оба обращения к ведущему нарушили тот конкретный стандарт обращения, который сформировался в рамках его передачи. Это обращение *Владимир* в полном соответствии с тем, как обозначил себя сам ведущий в названии своих передач «Вечер с Владимиром Соловьевым» и «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым». Так что такого рода «ситуативные» ошибки в обращении (*Володенька* и *Владимир Рудольфович*) можно квалифицировать не как нарушение этикетной нормы русской культуры, а как, может быть, нарушение нормы корпоративной. При этом выбор разных вариантов именования в соответствии с определенным социокультурным узусом представляет собой тему самостоятельного исследования [Юй Исин, 2017].

Еще один пример «текстопорождающей» функции принятых в социуме этикетных форм обращения: «Протягивая руку, он представляется: *Женя*. Не Евгений Витальевич – такое обращение к нему, живому, открытому и подвижному, совсем не подходит. Жизнь Евгения Миронова проходит с космической скоростью – иначе было бы невозможно все успеть» (Esquire. 2017. Апрель. С. 113). Интересен пример употребления современного вокатива, имеющего особую грамматическую форму с усеченным окончанием типа *Жень*, *Надь*, *Люд*, *Сереж*. Распространенная в

разговорной устной речи, эта форма тем не менее может вызывать негативную оценку речевого поведения говорящего слушающим, который видит в этой форме проявление низкого социального статуса говорящего. Так, в фильме «Любовь и голуби» В. Меньшова героиня Л. Гурченко, копируя обращение другой героини к своей дочери, сопровождает его обидным комментарием – *«Людк, а Людк!» Деревня*.

3.1. Если говорить о категории ответственности с лингвистической точки зрения, то ответственность присутствует и в таких формах речевого поведения, как, например, принесение извинений. По Р. Ратмайр, извинения по вызывающим их причинам разделены на три группы: «метакоммуникативные» (за слова), «конвенциональные» (за нарушение установленных правил поведения) и «по существу» (за причиненный ущерб). Но в некоторых случаях метакоммуникативные извинения могут быть и извинениями по существу [Ратмайр, 2003].

«Метакоммуникативные причины речевых актов извинения (по поводу самой речи, в первую очередь ее формы, адекватности означающего речевой ситуации) представляются особой сферой лингвистики извинений. Они не связаны с предписаниями, с конвенцией, не связаны с общей для всех нормой, поскольку ее нет, так как не существует общепринятых правил для всех сфер культуры, которые лежали бы в основе метаязыковых извинений» [Чернейко, 2014: 250].

Извинение как одна из речевых этикетных формул в русской культуре изучено достаточно подробно (Р. Ратмайр, Н.И. Формановская, Т.В. Тарасенко), но главным образом применительно к разговорному языку в бытовых и деловых ситуациях. Что касается структуры формул извинения и, в еще большей степени, мотивации самого речевого акта извинения, то этот аспект изучен недостаточно. Также недостаточно исследованной представляется область применения этой этикетной формулы в других функциональных сферах, таких, как, например, научная речь. При этом естественно предположить бытование извинения в устной разновидности научной речи, поскольку в структуру извинения включен фактор адресата.

3.2. Рассмотрим в качестве примера материал, извлеченный из расшифрованной и опубликованной записи дискуссии на тему «Русский язык в условиях языковой и культурной полифонии» в рамках круглого стола, проходившего на филологическом факультете МГУ имени М.В.

Ломоносова в 2008 г. Участники дискуссии даны поименно, но в контексте диалога (а точнее, полилога) они обозначены индексами А и Б.

А: *Любой воспитанный интеллигентный человек никогда не назовет человека в глаза или даже за глаз убогим, калекой, (слепым, горбатым, хромым). И мне кажется, что вот этот языковой инструмент, который нам предлагают, он рассчитан просто, извините, на безмозглых людей...*

Б: *Граждане, прошу прощения, но он рассчитан на ту демократизацию или вульгаризацию, о которой вы все сейчас печетесь!*

(А) приносит извинение участникам дискуссии за свое «непарламентское» выражение, смягченное его непрямой направленностью на адресата (именная группа *безмозглые люди* употреблена в данном контексте обобщенно референтно). Словарь С.И. Ожегова дает слову *безмозглый* такое толкование: «очень глупый, тупой». Естественным коммуникативным следствием употребления любого стилистически сниженного слова с очевидной пейоративной оценкой может быть не только эмоциональная реакция адресата в виде обиды, но и его ответные действия, возможно не только речевые. Так что в зону ответственности говорящего (адресанта) входит прогноз реакций адресата, если только говорящий не ставил своей целью нанести оскорбление адресату. Это метакоммуникативное извинение, но в то же время это и извинение по существу. С помощью своего извинения (А) пытается редуцировать отрицательные последствия, спровоцированные некультурным выражением, или вовсе их избежать.

(Б) извиняется перед всеми присутствующими, но причина его извинения не лежит на поверхности. Данное извинение может быть отнесено к разряду «фантомного пустого множества» [Николаева, 1999], поскольку оно является «средством псевдоинтериоризации, характерным для начала коммуникации» [Николаева, 1999: 712] в интеллигентной речи. Оно реализуется в той модели, которая основана на презумпции причинения «фантомного вреда» коммуниканту. Однако если вчитаться в реплику (Б), то вред от нее отнюдь не «фантомный», поскольку характеристику *безмозглый* он обращает к тем, кто ратует за демократию и куда попадает (А).

Выводы. Коммуникативная ответственность субъекта речи является базовым условием успешной коммуникации. Выбирая речевую единицу из узаконенных языковой системой вариантов, говорящий во избежание коммуникативной неудачи обязан предвидеть возможные последствия

своего выбора формы обращения к собеседнику и, шире, к аудитории. Кроме того, говорящему необходимо осознавать причину, по которой он приносит извинения. В противном случае сама этикетная форма извинения семантически опустошается, приобретая статус либо «ложной значительности», либо «фантомного вреда».

Список литературы

Апресян Р.Г. Этика // Энциклопедический словарь. М., 2001.

Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. Вып. XVI. М., 1985. С. 217–237.

Канке В.А. Современная этика: университетский учебник. М., 2009. 394 с.

Карасик В.И. Язык социального статуса. М., 2002. 333с.

Крылова Т.В. Наивно-языковые представления о вежливости и обслуживающая их лексика // Языковая картина мира и системная лексикография / Под ред. Ю. Д. Апресян. М., 2006. С. 241–404.

Николаева Т.М. Речевая модель «обывателя» и идеи Н.С.Трубецкого и – Р.О. Якобсона об оппозициях и «валоризации». // Поэтика. История литературы. Лингвистика: Сб. к 70-летию В.В. Иванова. М.: ОГИ, 1999. С. 704-720.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1999. 944 с.

Ратмайр Р. Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. М., 2003. 272 с.

Русский язык в условиях языковой и культурной полифонии: Сб. науч. статей / Под ред. В.В. Красных. М., 2011. 375 с.

ССКЯ – Современный словарь китайского языка / Отв. ред. Люй Шусян, Дин Шэншу. 6-е изд. Пекин, 2012. 1363 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 4. 2-е изд. М., 1987. 864 с.

Формановская Н.И. Нужно ли русскому человеку отчество? // Русская речь. 2004. № 5. С. 67–76.

Фролова О.Е. Семантика ответственности // Europa und seine Werte: Akten der internationalen Arbeitstagung «Nomen- und Wertbegriffe in der Verstandigung zwischen Ost- und Westeuropa» 3./4. April 2008 in Lublin, Polen / Hrsg. J. Bartminski, R. Luhr / Frankfurt am Main, 2009. S. 213–225.

Чернейко Л.О. Порождение и восприятие межличностных оценок // Филологические науки. 1996. № 6. С. 42–53.

Чернейко Л.О. Культура речи в свете этики ответственности // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. М., 2014. Вып. 2. С. 245–260.

Чжу Цзюньлинь. Конфуцианская этика ответственности и ее современное переосмысление // Мораль и Цивилизация (Даодэ юй Вэньмин). 2014. № 6. С. 21–28.

Юй Исин. Парадигма личного имени в структурном и функциональном аспектах // XVI Международная научная конференция «Ономастика Поволжья». Ульяновск, 2017.

Сведения об авторе: Юй Исин, аспирантка кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: yyx-diana@yandex.ru.

К.К.Кашлева

Лексические особенности немецких научных текстов первой половины XIV в. (на примере *Mainauer Naturlehre* и *Das Buch der Natur*)

В статье рассматриваются основные стилистические особенности немецких научных текстов первой половины XIV в. Анализируются лексические средства (термины, клише, слова-связки), призванные придать тексту объективность и формальность, типичные для научного стиля. Показано, что в исследуемый период научный стиль характеризовался значительной неоднородностью и имел отличия как от стиля более ранних, так и от стиля более поздних работ.

Ключевые слова: историческая стилистика, научный стиль, история немецкого языка.

The article considers main stylistic features of German scientific texts of the first half of the 14th century. It analyzes lexical means (terms, clichés, and connectors) which are called to make a text objective and formal what is typical of scientific writing. It assumes that in this period scientific style was heterogeneous to a marked degree and differed from the style of both earlier and later works.

Key words: historical stylistics, scientific style, history of the German language.

Лингвостилистические особенности различных типов текстов всегда представляли интерес для лингвистов, однако исследования в этой области нередко сфокусированы на синхроническом состоянии языка. Н.Н. Семенюк в работе «Очерки по исторической стилистике немецкого языка» справедливо отмечает, что историческая стилистика большинства европейских языков пока находится на раннем этапе развития [Семенюк, 2000: 5]. В своей книге Н.Н. Семенюк приводит примеры отдельных трудов по исторической стилистике, отмечая при этом недостаточное внимание к изучению жанров нехудожественной литературы [Семенюк, 2000: 5–6]. В диахроническом срезе стилистический анализ нередко выступает лишь как один из второстепенных параметров общего анализа текста [Riecke, 2004].

Историческое развитие стилей тесно связано с развитием социума. На это указывает Н.Н. Семенюк в своем определении понятия «стиль»: «это

вариант употребления языка, опирающийся, во-первых, на стилистически маркированные языковые элементы, а во-вторых, и на некоторые иные формы варьирования – территориальные, социальные, хронологические» [Семенюк, 2000: 33].

Целью данного исследования является анализ немецких научных текстов первой половины XIV в. и выделение их ключевых черт. Значимость данной проблемы, по нашему мнению, заключается в недостаточном освещении этого этапа становления литературного немецкого языка в отечественной германистике. Существуют многочисленные труды по истории немецкого языка и германских языков в целом: обобщающие (М. М. Гухман, В. М. Жирмунский, О. И. Москальская, Н. Н. Семенюк, Н. И. Филичева и др.), посвященные конкретным языковым аспектам (В. Г. Адмони, О. А. Смирницкая и др.), диалектам (Г. А. Баева, Е. Р. Сквайрс и др.) или некоторым отдельным жанрам (Н. А. Бондарко, Н. А. Ганина и др.). Однако становлению и развитию научного стиля немецкого языка уделяется мало внимания.

По своему содержанию и стилю средневековые научные (натурфилософские) трактаты не идентичны современным научным работам. Отсюда возникает необходимость не только синхронического разграничения, но и прежде всего проведения анализа их функционально-стилистической эволюции в диахронической перспективе.

Средневековые работы выполняли просветительскую роль и опирались на уже существующую латино- и грекоязычную традицию. Основной целью их написания было сохранение и передача знаний (а не создание нового знания, как в современной научной литературе). Этим обусловлен «ученый» стиль средневековых трактатов, составленных с опорой на прецедентные тексты (античные или теологические).

Компиляции и переводы с латинского и греческого языков начали появляться уже в древневерхненемецкий период. Они по большей части касались семи свободных искусств (грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, астрономия и музыка) или относились к философско-религиозной литературе. Обширная переводческая работа в свою очередь повлекла за собой создание глоссариев, словарей и грамматик. Аналогичные процессы протекали и в английском языке, крупнейшим переводчиком с латыни конца X – начала XI вв. считается Эльфрик, который также выступил составителем латинской грамматики на древнеанглийском языке [Клейнер, 1985: 69].

Среди работ того периода стоит выделить перевод двух первых глав из сочинения Марциана Капеллы «О бракосочетании Филологии и Мерку-

рия», выполненный Ноткером Немецким, а также самую раннюю работу по естествознанию на древневерхненемецком языке – перевод с греческого языка книги «Физиолог», который получил название «Старший Физиолог» (ок. 1070 г.) [Bergmann, 2013: 367]. Около 1200 г. появляются и другие переводы «Физиолога»: поэтический мильштаттский и прозаический венский. Текст представляет собой краткое описание реальных и вымышленных зверей и аллегорическое толкование их качеств, что сближает его с философскими трактатами. Он также содержит цитаты из Библии, как на латыни (*Ego dormio et cor meum uigilat* [Maurer, 1967: 91]), так и на немецком (*Iudas min sun ist uuelf des leuin* [Maurer, 1967: 91]). По сравнению с переводом Ноткера, который сохранил все латинские подзаголовки и большое количество оригинальных выражений Марциана Капеллы, количество латинских изречений в тексте «Старшего Физиолога» существенно ниже. Это объясняется тем, что переводы Ноткера предназначались для обучения и представляют собой комбинацию оригинального латинского текста, упрощенной и комментированной латыни и комментированного древневерхненемецкого перевода [Grotans, 2006: 103–104].

В первой половине XIV в. появились такие трактаты, как *Mainauer Naturlehre* и *Das Buch der Natur.* Их источниками стали в основном работы XII–XIII вв.

Текст *Mainauer Naturlehre* (*'Buoch von der zît'*) сохранился только в одном списке на западноверхнеалеманнском диалекте, который относится ко второй трети XIV в. Первый издатель *Mainauer Naturlehre* В. Ваккернагель датировал текст приблизительно 1300 г. Предполагается, что текст был создан на северном берегу Бодензее, а его автор, вероятно, принадлежал к духовенству [Die deutsche Literatur des Mittelalters, 1985: 1175–1176]. *Mainauer Naturlehre* представляет собой компиляцию и перевод научных и натурфилософских трудов с латыни. Главным образом, *Mainauer Naturlehre* объединяет фрагменты из «Трактата о сфере» и «Об исчислении лет» Иоанна Сакробоско, а также из псевдоаристотелевой «Тайны тайн». Встречаются там и цитаты из сочинения *Massa Compoti* Александра из Вильдье [Mosimann, 1994: 391].

Энциклопедия Конрада фон Мегенберга *Das Buch der Natur* является переводом и компиляцией нескольких источников, основным из которых считается анонимная третья редакция трактата «О природе вещей» Фомы из Кантимпре. *Das Buch der Natur* сохранилась в двух редакциях. Первая редакция («редакция с прологом») содержит рифмованное предисловие, в котором К. фон Мегенберг говорит о своей работе переводчи-

ка. Во второй редакции («редакция с посвящением») этот пролог отсутствует, а вместо него текст начинается посвящением герцогу Австрии Рудольфу IV. Датировка и авторство второй редакции, в отличие от первой, являются спорными [Gottschall, 2004: 4–5, 14]. Важность книги, по мнению Д. Готшалла, заключается в том, что «Конрад фон Мегенберг, очевидно, единственный, кто стоит за расцветающей немецкой прозой XIV в. В этом заключается его оригинальный и самобытный вклад, который недооценен или неверно понят современными исследователями» [Gottschall, 2004: 13].

Существующие исследования, посвященные обоим текстам, в основном нацелены на изучение их содержательной стороны. Ведутся дискуссии о жанровой принадлежности этих трактатов и предпринимаются попытки уточнить и исследовать возможные источники, послужившие основой для этих работ. Языковой и стилистический анализ при решении данных вопросов выступает, как вспомогательный инструмент: «Стилистическое и лингвистическое исследование переводческой работы Конрада <…> может указать на подразумеваемую им, или, по меньшей мере, желательную, аудиторию» [Gottschall, 2004: 8]. Так, Г. Штегер использовал лексические особенности *Das Buch der Natur* для подтверждения гипотезы о родном городе К. фон Мегенберга. Проанализировав часть употребленных лексем, Г.Штегер приходит к выводу, что К. фон Мегенберг родился к югу от Нюрнберга, в районе современного Мебенберга [Steger, 1963].

Настоящая работа сфокусирована непосредственно на языковых особенностях данных текстов. Черты научного стиля в них проявляются в первую очередь на лексическом уровне.

Так, для создания логически связного текста в обеих работах используются слова-коннекторы. Их роль в *Mainauer Naturlehre* могут выполнять порядковые числительные: ***Daz erste*** *ist div erde. <...>* ***Daz ander*** *element ist daz wasser <...>* ***Daz dritte*** *element daz ist der luft <...>* ***Daz vierde*** *ist fiur* [Die sogenannte Mainauer Naturlehre (MN), 1994: 3–5]. – «Первый [элемент] – это земля. Второй – это вода. Третий элемент – это воздух. Четвертый – огонь». Число союзов (в основном используются *aber, vnde*) и наречий (*nv*) в роли связок между предложениями невелико, но широко распространены указательные и относительные местоимения.

В *Das Buch der Natur* используются сложносоставные союзы, например *niht... noch, noch... noch,* которых крайне мало в *Mainauer Naturlehre*. К. фон Мегенберг также использует в начале и конце каждой части вводные и заключительные слова:

Wir schüllen nu ***in disem vierden stuck des puoches*** *sagen von allerlai paumen* <...> [Megenberg, 1861: 311]. – «В четвертой части книги мы должны рассказать обо всех деревьях <...>».

...hab ***daz êrst stuck diss puochs ain end*** [Megenberg, 1861: 54]. – «... первая часть книги завершается».

Ключевой чертой научного стиля на лексическом уровне является широкое использование терминологии.

В *Mainauer Naturlehre* в качестве терминов встречается много слов и словосочетаний, воспринятых из латинского (*primum mobile* – букв. 'первичный двигатель' (последняя небесная сфера в системе Птолемея), *solsticium estiuale* 'летнее солнцестояние', *occidens* 'запад', *sanguineus* 'сангвиник') и греческого языков (через латынь: *zephirus* 'западный ветер', *philosophus* 'философ', *flegmaticus* 'флегматик', *coloricus* 'холерик'). Немецкие лексемы также могут быть терминами (*hirne* 'головной мозг', *mage* 'желудок') или становиться терминами в контексте (*sunne* 'солнце', *sterne* 'звезда', *himel* 'небо') [MN, 1994].

Количество терминов в *Das Buch der Natur* значительно превышает их число в *Mainauer Naturlehre*, в частности за счет большего объема работы К. фон Мегенберга. Они представлены намного шире и разнообразней, чем в *Mainauer Naturlehre*. Термины в данном случае можно разбить на группы соответственно смысловому делению самого текста: анатомия (*hirne* 'головной мозг', *bluot* 'кровь', *âderslac* 'пульс', *nervi* 'нерв', *trachea* 'трахея'); астрономия и науки о Земле (*planêt* 'планета', *himel* 'небо', *luft* 'воздух', *nebel* 'туман'); зоология (*wazzertier* 'водное животное', *hirz* 'олень', *bubalus* 'буйвол'); ботаника (*ast* 'ветвь', *dorn* 'шип', *areweiz* 'горох', *agnus castus* 'витекс священный'); минералогия (*cristallisch* 'кристаллический', *magnete* 'магнит', *berillus* 'берилл'); химия металлов (*aurum* 'золото', *argentum vivum* 'ртуть') [Megenberg, 1861]. Как и в *Mainauer Naturlehre*, в качестве терминов выступают латинские и немецкие лексемы.

Терминология в исследуемых текстах складывается из латинских, греческих и немецких терминов и общеупотребительных немецких лексем, которые терминологизируются в контексте. Наличие разветвленной терминосистемы – основная лексическая характеристика научного стиля. Именно термины позволяют достичь высокой точности текста и исключить двоякое толкование.

Взаимоотношение языков в исследуемых трактатах заключается не только в прямых заимствованиях терминов, но и в толковании значений

иноязычных слов. В отличие от глосс, комментарии приводятся прямо в тексте. Так, в *Mainauer Naturlehre* даются разъяснения об этимологии некоторых названий или латинский эквивалент:

Vnde der nivnde ***november*** *von nouem vnde ymber* [MN, 1994: 39]. — «А девятый [месяц] ноябрь, от [слов] *nouem* и *ymber*».

...den ***osteren*** *sprechint die iuden* ***pascha*** *vnde die criechen* ***phase***. ***phase*** *daz ist in latine* ***transitus*** [MN, 1994: 46]. – «Иудеи называют Пасху *pascha*, а греки – *phase*. По-латыни *phase* означает *transitus*».

Аналогично поступает и К. фон Мегенберг, приводя перевод латинских названий на немецкий. Познания относительно региональных языковых особенностей позволили К. фон Мегенбергу в некоторых случаях дать латинским словам эквиваленты на разных немецких диалектах: *Bubalus* ***haizt in ainem däutsch*** *ain aurrint und* ***in dem andern däutsch*** *ain waltrint* [Megenberg, 1861: 123]. — «Буйвол на одном диалекте немецкого называется *aurrint*, а на другом *waltrint*». В некоторых случаях очевидно, какой именно диалект он подразумевает: *kranwitpaum haizt in meiner* ***müeterleichen däutsch*** *ain wechalter* [Megenberg, 1861: 325]. – «На моем родном диалекте *kranwitpaum* означает «можжевельник». Лексема *kranwit* употреблялась в области баварских диалектов [Lloyd, Lühr, 2014: 749–750]. Иногда К. фон Мегенберг прямо называет диалект: *ez benimt auch den siehtum, der melancolia haizet, daz haizent* ***die Dürgen*** *râsen* <...> [Megenberg, 1861: 400]. – «Так же называется хроническая болезнь, которую зовут “меланхолия”, которая в Тюрингии прозывается «сумасшествие».

Лексема *däutsch* в некоторых случаях используется К. фон Мегенбергом как синоним слова «диалект», а в некоторых – как название общего языка: *Der ander planêt haizet* ***Jupiter ze latein****, daz ist* ***ze däutsch helfvater*** <...> [Megenberg, 1861: 57]. – «Другая планета называется [на латинском] Юпитер, что по-немецки [значит] отец-помощник».

На примере этих языковедческих комментариев видно, что в отличие от *Mainauer Naturlehre,* в *Das Buch der Natur* автор включает в текст собственные эмпирические наблюдения, что приближает К. фон Мегенберга к ученым в современном понимании.

В исследуемых работах имеются несколько вставок на латыни. Например, концовка *Mainauer Naturlehre* (*Finis adest operis mercedem pasco laboris* [MN, 1994: 48]. – «Конец работы, за труд требуется вознаграждение») представляет собой типичную формулу, часто встречающуюся в средневековых манускриптах [Clark, 1977: 11]. В *Das Buch der Natur* при-

водится молитва на латыни, предваряющая раздел о драгоценных камнях и упоминающая их: <…> *vestimenta // sacerdotalia racionale iudicii duodecim* ***lapidibus preciosis*** <…> [Megenberg, 1861: 473]. – «...жреческая одежда, наперсник судьи, [имеет] двенадцать драгоценных камней».

Еще одной латинской вставкой в *Mainauer Naturlehre* является неполная цитата из 12-й главы книги Исхода: *an eime buoche heizit exodus in dem zwelten capitele. von dem merzen vnde sprichit.* ***Mensis iste primus erit vobis in mensibus*** *daz ist dirre manat sie ivch der erste vnder den manoden* <…> [MN, 1994: 17]. – «В книге, называемой Исход, в двенадцатой главе о марте говорится: “Этот месяц будет у вас первый месяц”, что значит, этот месяц первый среди других». Вставка объединяет в себе ссылку на источник – прецедентный текст (*an eime buoche heizit exodus* ‘книга, называемая Исход’) и цитату из этого текста.

Ссылки на других авторов встречаются в *Mainauer Naturlehre* нередко, например, на одного из известнейших средневековых астрономов аль-Фергани: *Von dem ertriche sprichet* ***ein phylosophus. Alfraganus*** [MN, 1994: 3]. – «О земле говорит один философ, Альфраганус». Аль-Фергани составил в первой половине IX в. «Свод науки о звездах», который существовал в арабской версии и латинских переводах (перевод под названием *Compilatio astronomica* выполнен Иоанном Севильским в XII в.). Трактат содержал краткий обзор космографии Птолемея и исправления к «Альмагесту», которые сделал аль-Фергани [Dallal, 2010: 32].

Едва ли трактат той эпохи мог обойтись без упоминания св. Августина: *Vnde enist niht ein zit da von sprach* ***der wise man sant augustinus*** <…> [MN, 1994: 11]. – «И это не то время, о котором говорил мудрец святой Августин».

К. фон Мегенберг в конце своей книги указывает, что использовал труды Аристотеля, Плиния, Исидора, св. Августина и других. Ссылки на конкретных авторов встречаются по всему тексту *Das Buch der Natur*:

Plinius spricht*, daz daz herz sei ain lucern des leibes* <…>[Megenberg, 1861: 25]. – «Плиний говорит, что сердце есть лампада жизни».

Clemens der maister spricht*, daz diu leber dar umb in der rehten seiten lig* <…> [Megenberg, 1861: 28]. – «Мастер Клеменс говорит, что поэтому печень находится с правой стороны».

К. фон Мегенберг нередко употребляет заимствованное из латыни слово *maister* ‘наставник; ученый’ по отношению к своим источникам.

В обоих текстах отсылка к источнику информации представляет собой клише с использованием глагола *sprechen* ‘говорить’, который может

стоять в презенсе или претерите. По отношению к себе авторы *Mainauer Naturlehre* и *Das Buch der Natur* употребляют другой глагол говорения – *sagen*, причем в *Mainauer Naturlehre* он используется в сочетании с местоимением единственного числа *ich*, тогда как К. фон Мегенберг чаще всего использует в данном случае множественное число *wir*:

Nv wil ***ich*** *dir* ***sagen*** <…> [MN, 1994: 31]. – «Теперь хочу тебе сказать».

Nû schüll ***wir sagen*** *von allen den stucken und gelidern die an dem menschen sint* <…> [Megenberg, 1861: 4]. – «Теперь мы дожны сказать обо всех частях и органах, которые есть у человека».

Эта вводная формула, предваряющая, как правило, начало новой части текста, также является клишированной. В *Mainauer Naturlehre* в данном клише чаще встречается модальный глагол *wellen*, а в *Das Buch der Natur* – глагол *soln*. Кроме того, автор *Mainauer Naturlehre* нередко обращается к читателю (***dir*** *sagen* ‘тебе скажу’), что придает тексту субъективную окраску. Для сравнения: «Старший Физиолог» открывается словами *Hier begin ih* ***einna reda****...* [Maurer, 1967: 91] – «Здесь я начинаю рассказ...»

Различия в употреблении глаголов говорения обусловлены семантически. При употреблении глагола *sagen* сообщается или становится понятным из контекста содержимое сказанного (“der inhalt des gesagten”). Глагол *sprechen* означает сам процесс речи, ее внешнюю сторону. Кроме того, как указывается в словаре братьев Гримм, первоначально глагол *sagen* использовался для обозначения устной, прямой речи (ср. *die Sage* ‘сказание’) [Sagen, электронный ресурс]. Глагол *sprechen* нередко используется по отношению к уважаемым, авторитетным авторам и источникам и является признаком «высокого стиля». Ср.:

<...> *da erscheyn der engell des herren dem Joseph ym trawm, vnnd* ***sprach*** <...> – «Тогда явился ангел Господень Иосифу во сне и сказал...» [Luther, 1522 / Mth. 2: 13].

<...> *Yhr habt gehoret das* ***gesagt*** *ist. Du sollt deyn nehisten lieben vnd deynen feynd hassen. Jch aber* ***sage*** *euch, Liebet ewere feynde* <...> [Luther, 1522 / Mth. 5: 43–44]. – «Вы слышали, что сказано. Люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. Я же говорю вам: любите врагов ваших...»

Цитаты и ссылки на авторитетных авторов являются важной чертой научного стиля. Но цитирование в исследуемый период имело свои особенности: так, если в «Старшем Физиологе» переводчик приводит цитату из «Песни песней», не называя источник, то автор *Mainauer Naturlehre* уже указывает, что информация взята из 12-й главы книги Исхода. Одна-

ко основным способом цитирования в анализируемых работах является указание только на автора.

Исследование позволило установить, что для немецких научных текстов первой половины XIV в. характерны определенные особенности, позволяющие выделить их в отдельный стиль речи – научный. Широкое употребление терминов, клише и слов-связок позволяет авторам добиться большей связности, логичности и объективности, что является основными требованиями к научному тексту. К. фон Мегенберг, в отличие от автора *Mainauer Naturlehre* или переводчика «Старшего Физиолога», разбил свой текст на главы и привел оглавление в начале. По сравнению с более ранними текстами и даже с *Mainauer Naturlehre* работа К. фон Мегенберга является большим шагом вперед на пути формирования научного стиля.

К другим особенностям на лексическом уровне относится использование цитат и отсылок к авторитетным авторам. Однако по сравнению с современной научной литературой, которая имеет строго регламентированные требования к цитированию, составители текстов первой половины XIV в. допускали только упоминание имени цитируемого автора, а в случае цитаты из прецедентного текста (Библии или богослужебной книги) источник мог быть не указан вовсе, поскольку подразумевалось, что читатель достаточно образован для того, чтобы распознать источник цитирования.

Использование латыни также можно считать особенностью научного стиля данного периода, поскольку латынь в течение длительного времени служила языком науки, а владение латынью являлось показателем образованности.

На основе проведенного анализа можно заключить, что немецкий научный стиль первой половины XIV в. неоднороден и имеет ряд существенных отличий как от стиля более ранних, так и от стиля более поздних работ.

Список литературы

Клейнер Ю.А. Латинская грамматическая традиция в Англии VII–XI вв. (Беда, Алкуин, Эльфрик) // История лингвистических учений. Средневековая Европа. М., 1985.

Семенюк Н.Н. Очерки по исторической стилистике немецкого языка. М., 2000.

Bergmann R. Althochdeutsche und altsächsische Literatur. Berlin; Boston, 2013.

Clark A.C. Recent Developments In Textual Criticism // Four Centuries of Greek Learning in England. 1977.

Dallal A. Islam, Science, and the Challenge of History. New Haven; London, 2010.

Die deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon. Bd. 5 / Hrsg. K. von Ruh et al. Berlin; New York, 1985.

Die sogenannte Mainauer Naturlehre / Hrsg. M. von Mosimann. Tubingen; Basel, 1994.

Gottschall D. Konrad von Megenbergs Buch von den natürlichen Dingen: ein Dokument deutschsprachiger Albertus Magnus-Rezeption im 14. Jahrhundert. Leiden; Boston, 2004.

Grotans A.A. Reading in Medieval St. Gall. Cambridge, 2006.

Luther M. Das Newe Testament Deutzsch. Wittenberg, 1522.

Lloyd A.L., Lühr R. Etymologisches Wörterbuch des Althochdeutschen. Bd. 5: iba – luzzilo. Göttingen, 2014.

Maurer F. Der altdeutsche Physiologus: Die Millstäter Reimfassung und die Wiener Prosa (nebst dem lateinischen Text und dem althochdeutschen Physiologus). Berlin; Boston, 1967.

Megenberg K. von. Das Buch der Natur. Die erste Naturgeschichte in deutscher Sprache. Stuttgart, 1861.

Mosimann M. Die “Mainauer Naturlehre” im Kontext der Wissenschaftsgeschichte. Tubingen; Basel, 1994.

Riecke J. Einführung in die historische Textanalyse. Göttingen, 2004.

Sagen // Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm. Leipzig 1854–1961. http://woerterbuchnetz.de/cgi-bin/WBNetz/wbgui_py?sigle=DWB&mode=Vernetzung&lemid=GS00613#XGS00613 (дата обращения 07.01.2017).

Сведения об авторе: Кашлева Ксения Константиновна, ассистент кафедры иностранных языков Московского государственного областного университета. E-mail: address.for.job@gmail.com.

Н.А.Гедгафова

Специфика иллокутивных моделей заголовков англоязычных газетных статей информационного жанра

Предметом исследования в статье являются заголовки газетных текстов информационного жанра британской качественной прессы. Заголовок в полной мере является структурной и содержательной частью текста информационного жанра, при этом выбор иллокутивной модели заголовка подчиняется общей прагматической установке газетного текста – его назначения, вида, жанра. Лингвистический анализ языкового материала позволил выявить специфику построения иллокутивных моделей заголовков газетного текста информационного жанра в современных британских изданиях *The Guardian* и *The Financial Times*.

Ключевые слова: британская качественная пресса, заголовок, газетный текст, информационный жанр, иллокутивная модель.

The article is devoted to the study of a newspaper-text headlines of the informative genre, found in the British quality press. The headline is a structural and meaningful component of the text of the informative genre. The choice of illocutionary newspaper headline model is subject to the general pragmatic purpose of a newspaper text – its function, form, genre. The method of linguistic analysis has revealed some peculiarities of illocutionary headline models of newspaper text of the informative genre of the British quality newspapers *The Guardian* and *The Financial Times*.

Key words: the British quality mass-media, headline, newspaper article, newspaper text, informative genre, illocutionary models.

Иллокутивный потенциал журналиста и его читателя составляет базовую основу их взаимодействия, а предписанный иллокутивными знаниями «протокол» совместных действий по достижению типовых целей формирует композиционную структуру газетного текста. На повестку дня встал вопрос об иллокутивной силе заголовка газетной статьи как одного из важнейших ее компонентов. Цель данной статьи состоит в том, чтобы выявить специфику построения иллокутивных моделей газетных заголовков в текстах информационных жанров современной британской прессы.

Британская пресса включает газетные издания различной социокультурной ориентации. В корпус выборки, послужившей базой для исследования, вошли заголовки статей, опубликованных в «качественных» ан-

глоязычных газетах *The Guardian* и *The Financial Times* за 2016 г. Эти газеты публикуют информацию о социальных проблемах, международные и национальные, политические и экономические новости.

Британская газета *The Guardian* выражает леволиберальные взгляды и считается «органом среднего класса». Газета стремится к серьезному, по возможности беспристрастному обзору и анализу событий в стране и за рубежом. Девиз газеты: «Comment is free, but facts are sacred... The voice of opponents no less than that of friends has a right to be heard» [Shorenstein, 2012]. Новости в газете *The Guardian* представлены на первой полосе. В основном это главные политические и экономические новости в разделе «World news».

The Financial Times – международная деловая англоязычная газета, специализирующаяся на публикации и анализе новостей из мира финансов и бизнеса. Сама газета описывает себя как «the friend of the honest financier and the respectable broker» [The Financial Times. 2016]. В газете *The Financial Times* качество отбора и анализа мировых событий заслуживает доверия и уважения. В этом издании, как и в *The Guardian,* можно встретить новостные сообщения, которые сконцентрированы в разделе «World».

The Financial Times предназначена для людей, которых прежде всего интересуют факты, события и процессы, относящиеся к финансовой сфере. А газета *The Guardian* публикует разнотемную информацию.

Необходимость рассмотрения газетных заголовков в текстах информационных жанров обуславливается тем, что в заголовке в свернутом виде присутствует вся прагматическая установка газетного текста, а значит, и показатели жанра [Максютова, 1984]. Информационные жанры периодической печати выступают как форма выражения актуальной информации. В свою очередь, такой признак, как актуальность информации предполагает оперативность ее сообщения, а возросший объем информационного потока – точность, лаконичность и ясность ее подачи. Так, Н. Кенжегулова отмечает, что специфика информационных газетных жанров проявляется в методах и приемах подачи информации, реализующихся в «телеграфном стиле» отображения реальных фактов в контексте реального времени [Кенжегулова, 2001–2002].

Информационные газетные жанры можно разделить на «жесткие» (политика, власть, бизнес) и «мягкие» (международные, национальные, культурные). «Жесткая» новость – это краткое, актуальное сообщение о событиях, которое готовится оперативно по следам произошедшего и

быстро становится неактуальным [Shoemaker, 2006]. Подобная новость помещается на первой полосе газеты в экстренных выпусках новостей. «Мягкая» новость обычно представляет собой сообщение о событиях, не теряющих своей актуальности мгновенно. В отличие от «жесткой» новости, «мягкая» – менее оперативна, акцент в ней делается на необычности и занимательности произошедшего события, о котором журналист хочет сообщить читателю.

Заголовок в статье информационного жанра – это не факт, а только его часть, решающая главную задачу данного жанра – создать в материале точку «оптического позыва». Заголовок должен не просто попасть на глаза читателю, но и заинтересовать его, побудить к прочтению статьи. Поскольку основная цель заголовка заключается в том, чтобы определенным образом воздействовать на адресата, представляется необходимым рассмотреть заголовок в рамках прагматики, изучающей иллокутивные речевые акты.

Позиция заголовка превращает выбранное для заголовка высказывание в определенное речевое действие. Адресантом этого речевого действия является журналист, который преследует определенную коммуникативную цель – привлечь внимание к своей публикации, сжато представить ее тему, помочь читателю сориентироваться в огромном потоке информации и выбрать именно ту, которая будет полезна и интересна. Прагматическая направленность газетного заголовка проявляется в прямой или косвенной обращенности к читателю, что находит отражение в семантике заголовка. Это высказывание есть результат речемысленного процесса порождения газетного заголовка, имеющего определенные этапы своего осуществления: пресуппозицию, интенцию, выбор определенной модели, которую лексически наполняет автор заголовка, желающий предать читателю информацию о том или ином факте действительности.

Речевой акт состоит из трех уровней: локуция, иллокуция и перлокуция. Под локуцией понимают «акт собственно произнесения предложения» (сам заголовок с использованием языковых средств). Иллокуция – это «реализация коммуникативного намерения» [Падучева, 1985: 23] (функциональная направленность заголовка). Под перлокуцией понимают воздействие, которое данное высказывание оказывает на адресата (переход к чтению статьи).

Под *иллокутивной моделью языковой единицы понимается такая формальная организация языковой единицы, которая наиболее адекватно реализует функциональную направленность семантической структу-*

ры этой единицы. Выбор иллокутивной модели газетного заголовка, таким образом, детерминирован интенцией автора и ментально-психическими потенциями адресата.

Дж. Сёрль выделяет пять основных видов иллокутивных актов: репрезентативы, директивы, комиссивы, экспрессивы, декларации [Сёрль, 1986]. Необходимо отметить, что в газетной практике наиболее частотными оказываются лишь три типа: репрезентативы, директивы, комиссивы.

За основу своей классификации перформативных высказываний Дж. Сёрль берет связь коммуникативной интенции говорящего со значением самого высказывания и иллокутивным эффектом, который направлен на читателя. Воздействие иллокутивного эффекта заставляет читателя воспринять коммуникативное намерение автора с нужными для него последствиями. Коммуникативная значимость сосредоточенной в заголовке информации и интенциональная установка адресанта служат критериями для прагматической классификации заголовков в макротексте СМИ. На основании названных критериев выделяются три типа заголовков: **фактуальные** (тексты, передающие информацию, эксплицитную по своей природе), **персуазивные** (суждения, выражающие результат осмысления явлений реальной действительности адресантом) и **директивные** (суждения адресанта, являющиеся результатом его восприятия и осмысления реальной действительности, стремящиеся побудить реципиента к совершению конкретных речевых и неречевых действий) [Комаров, 2003]. Все перечисленные типы заголовков участвуют в выполнении главной текстовой функции – информирования и воздействия.

Наиболее устойчивые виды иллокутивных моделей заголовков жесткого информационного жанра – фактуальные. Персуазивные и директивные характерны для иллокутивных моделей заголовков мягкого информационного жанра.

Фактуальные заголовки являются носителями репрезентативной информации. Это тексты, передающие информацию, эксплицитную по своей природе. Будучи величиной объективной, факты должны «выбирать выражения», избегая использования всего, что могло бы обнаружить их связь с личностью адресанта, – его оценок, комментариев, дополнений, разъяснений.

Фактуальные заголовки рассматриваются как одна из наиболее характерных иллокутивных моделей заголовков СМИ, сущностные признаки которых определены потребностями коммуникации. Самым распространенным типом речевого действия в текстах СМИ выступает констатация

факта. Использование такой иллокутивной модели эффективно в случае, когда адресанту необходимо убедить реципиента в беспристрастности и объективности излагаемых материалов. В фактуальных заголовках речевое воздействие осуществляется посредством намеренного употребления нейтральных речевых средств. В фактуальной форме, как правило, излагаются новости из общественно-политической и социально-экономической сфер, которые при беглом просмотре воспринимаются как простая регистрация событий и фактов. Они воспринимаются как кадры или фрагменты реальной действительности, которые имели, имеют или будут иметь место в определенном временном отрезке и участвуют в моделировании ценностной картины мира. Суждения, сформулированные в заголовках СМИ и излагаемые в фактуальной форме, не дескриптивны. Они устраняют все частные характеристики события, сохраняя его суть. Фактуальные заголовки являются эффективным средством закрепления в сознании реципиента уверенности в достоверности, получаемой им информации и, следовательно, истинности и приемлемости транслируемых ими ценностных ориентиров. Данная модель заголовков в равной степени используется и в газете *The Guardian*, и в газете *The Financial Times*.

Тексты заголовков, представленные в информационно-фактуальной форме, располагают рядом характеристик, обеспечивающих им успешное инициирование процессов трансляции ценностных ориентиров и моделирования оценочно-поведенческих императивов у реципиентов.

Это, прежде всего, наличие в них терминов – специализированных лексических единиц, находящихся в лексико-семантическом поле конкретного лингвокультурного концепта, и квазитерминов – лексических единиц, связанных с лексико-семантическими полями группы пограничных лингвокультурных концептов.

Australia eager to start free trade talks with Britain (The Guardian. 2016. July 17). Использованное в данном примере словосочетание *free trade talks* рассматривается как квазитермин, поскольку, воспринимая его, реципиент гипотетически может апеллировать к нескольким релевантным тематическим концептосферам. В данном случае это может быть «экономика», «политика», «законотворческая деятельность».

В отличие от газеты The Guardian, The Financial Times значительно реже используют в данных моделях квазитермины. Так, в статье с заголовком *Aviation global warming pact wins go-ahead* (The Financial Times. 2016. Oct. 7) употреблен термин *global warming*, что позволяет реципиенту безошибочно дефинировать релевантную тематическую концептос-

феру – «борьба за экологию», а следующий за ним термин *pact* уточняет и конкретизирует сегмент концептосферы – «одобрение проекта по борьбе с загрязнениями окружающей среды».

Термины и квазитермины помогают облегчить процесс аппроксимативного дефинирования одной или более тематических концептосфер, к которым могут быть отнесены тексты заголовков.

Особая роль в фактуальных заголовках отводится прецедентным именам, которые присутствуют в большинстве текстов заголовков СМИ:

Angela Merkel hints Brexit talks could include wriggle room on free movement (The Guardian. 2016. Nov. 16), *Angela Merkel* – федеральный канцлер Германии; ***François Hollande*** seeks extension of state of emergency in France (The Guardian. 2016. Nov. 16), *François Hollande* – действующий президент Франции, политический и государственный деятель; ***Teresa May*** *sets a new policy direction* (The Financial Times. 2016. Aug. 10), *Teresa May* – британский политик, 76-й премьер министр Соединенного Королевства; ***Putin*** *accuses Kiev of armed Crimea incursion* (The Financial Times. 2016. Aug. 10), *Putin* – действующий президент Российской Федерации; ***Merkel*** rules out 'comfortable' UK deals (The Financial Times. 2016. Oct. 7); ***Theresa May*** prepares draft bill to authorize Brexit (The Financial Times. 2016. Nov. 16).

Являясь квазитерминами особого рода, прецедентные имена участвуют в аппроксимативном дефинировании релевантных тематических концептосфер, устанавливают многочисленные интертекстуальные связи, обращаясь к презумпциям реципиента. Прецедентные имена обладают повышенной аттрактивностью, способны захватывать внимание реципиента и удерживать его. Однако решающее значение в успешности дефинирования релевантных тематических концептосфер имеет сопровождение прецедентных имен терминами, что в газете *The Financial Times* наблюдается гораздо чаще.

Персуазивный заголовок, представляет собой суждение или умозаключение, выражающее результат осмысления явлений реальной действительности адресантом. '*The only Olympic legacy I see is repression and war' – a year in Rio's favelas* (The Guardian. 2016. Aug. 3).

Содержание персуазивных заголовков ограничивается в основном передачей мировосприятия адресанта, находящего выражение в его эмоциональных реакциях на окружающую действительность.

Направляя в адрес реципиента заголовки персуазивного типа, адресант преследует следующие цели: констатировать существование окказиональных и перманентных реалий действительности; сообщить реци-

пиенту сформулированные адресантом оценки с позиций нравственных, эстетических, социальных и других норм и стереотипов, установленных и существующих в обществе; вовлечь реципиента в процессы, связанные с формулированием оценок. Нацеленность текстов СМИ на закрепление определенных социальных ценностей находит языковое выражение в системе оценок. Содержание персуазивных заголовков ограничивается в основном передачей мировосприятия адресанта, находящего выражение в его эмоциональных реакциях на окружающую действительность, доводится до адресата с помощью оценочной лексики, грамматических форм выражения языковой модальности, а также посредством контекстуально получаемых оценочных значений.

В заголовке *Russia's **deadly** nuclear secret* (The Guardian. 2016. July 20) саркастически обозначена смертельно опасная тайна России. *Trump's victory is a **dark day** for the world* (The Guardian. 2016. Nov. 10).

Речевое воздействие, выстраиваемое в дихотомии «добро – зло» («хороший – плохой», «свой – чужой» и т. п.), часто находит свое выражение в использовании риторических фигур антитезы и амфитезы.

*From **gloomy** to **glad**, Europeans respond to Brexit vote* (The Financial Times. 2016. Aug. 4). Здесь выражено противопоставление настроения (от плохого к хорошему) жителей Европы в связи с вопросом выхода Великобритании из Евросоюза.

*From **hawkers** to **criminals**: how the Lagos ban on street selling hurts the city* (The Guardian. 2016. Aug. 3). В данном примере наблюдается амфитеза – прием описания целого (отдельный человек) путем указания на крайние точки (был обычным торговцем, но стал преступником), компоненты амфитезы служат для того, чтобы нагляднее охарактеризовать оба компонента как крайние проявления целого множества явлений и тем самым яснее представить себе все множество.

Основная особенность заголовков газеты *The Financial Times* состоит в том, что автор не пытается навязать свое мнение читателю: давая нейтральную оценку, он предоставляет право самим читателям делать выводы о прочитанном. Мнение журналиста в *The Guardian* сопровождается эмоциональной оценкой, создающей иное (доверительное) поле восприятия информации.

Использование вопросительных конструкций в заголовках целенаправленно побуждает реципиента давать ответы на формулируемые вопросы. Адресант стремится сформулировать свое суждение таким образом, чтобы адресат увидел и воспринял в нем то, что он хотел увидеть.

What's in the water? Pollution fears taint Rio's picturesque bay ahead of Olympics (The Guardian. 2016. Aug. 3); *Facebook lures Africa with free internet – but what is the hidden cost*? (The Guardian. 2016. Aug. 1); *Are you worried about going home for the holidays after Trump's win?* (The Guardian. 2016. Nov. 14); *Why swimming records are being smashed in Rio?* (The Financial Times. 2016. Aug. 11).

Частотность употребления вопросительных конструкций в газете *The Guardian* связана с попыткой газеты создать условия диалога с читателем и тем самым «подружиться» с ним, что нельзя сказать о газете *The Financial Times*, которая стремится быть над событием, преподнося точные факты, не задавая вопросы о произошедшем.

Стремление изложить информацию, не формулируя собственной позиции, реализуется в активном привлечении в заголовки «чужого» мнения, которое может совпадать с мнением адресанта. При этом часто делаются ссылки на авторитетное мнение или первоисточник информации в виде полной или редуцированной цитации.

Jean-Claude Juncker: 'I keep a list of people who have crossed me' (The Guardian, . 2016. Aug. 1); *'Counter-terrorism initiative is fuelling inequality", MPs say* (The Financial Times. 2016. Aug. 11).

В структуре персуазивных заголовков газеты *The Financial Times* ведущее положение занимают заголовки, в которых оценка дается со ссылкой на авторитетный источник. Вынесенная в заголовок цитата чаще, чем в *The Guardian*, сопровождается указанием авторства высказанных слов. Это говорит о том, что газета *The Financial Times* дает более весомую информацию, подкрепленную ссылкой на источник, свидетельствуя тем самым об истинности передаваемой в статье информации.

'*Parliament must probe company pensions crisis', says* ***ex-minister*** (The Financial Times. 2016. Aug. 10).

Оценочность в газете *The Guardian* встречается намного чаще. Она проявляется в качестве языковой игры.

'*Every house has bullet marks*'*: life in a frozen war zone* (The Guardian. 2016. Aug. 2). В заголовок включена поговорка *Every house has bullet marks* (ср. рус. «от судьбы не уйдешь»).

Who's who in Theresa May's new cabinet (The Guardian. 2016. July 14). Устойчивое выражение *Who is who* употребительно как традиционное название биографических справочников. Позже фраза *Who is Who* стала обозначать не только название справочника, но и список «сливок обще-

ства». В приведенном выше примере наблюдается реализация второго значения этого выражения.

В газете *The Financial Times* оценочности значительно меньше. Адресант использует идиомы, содержащие коннотативную оценку самой широкой гаммы – от отрицательной до положительной.

UK bank competition report ***leaves much to be desired*** (The Financial Times. 2016. Aug. 10).

Отличие употребления оценки в газетах *The Guardian* и *The Financial Times* заключается и в способе ее выражения. В *The Guardian* она выражена имплицитно, при помощи аллюзий, в газете *The Financial Times* оценка выражается при помощи идеологически окрашенной лексики, то есть эксплицитно (она присуща не конкретному слову, а его употреблению).

Директивные заголовки представляют собой суждения или умозаключения адресанта, являющиеся результатом его восприятия и осмысления реальной действительности, стремящиеся побудить реципиента к совершению конкретных неречевых действий. Использование директивного заголовка продиктовано стремлением автора стимулировать интеллектуальную деятельность реципиента в направлении анализа возможного развития событий либо ориентировать его на совершение рекомендуемых действий.

Использование директивного заголовка утверждает факт неравенства в коммуникативном акте между адресантом и реципиентом. Стремление адресанта ускорить ответный речевой или неречевой ход реципиента реализуется в построении высказывания, излагаемого в решительной и часто не допускающей возражений форме.

На основании проведенного лингвистического анализа было установлено, что директивные заголовки англоязычных СМИ могут быть представлены речевыми актами обращения, совета и призыва.

Стремление привлечь внимание реципиента и установить прочный контакт с ним реализуется благодаря обращению автора к читателю, которое создает иллюзию диалогичности, личного общения в коммуникативном акте.

Thailand constitutional referendum: all ***your*** *questions answered* (The Guardian. 2016. Aug. 3); *Am I just paranoid?* ***You*** *asked Google –* ***here's the answer*** (The Guardian. 2016. Aug. 3); *The changing world of work challenges* ***us all*** (The Financial Times. 2016. Aug. 5).

Многие из заголовков-советов представляют собой суждения универсального характера, которые могут получать многочисленные интерпре-

тации в зависимости от компетенции реципиента, его осведомленности об излагаемом событии или факте.

If you've got money, you vote in… if you haven't got money, you vote out (The Guardian. 2016. June 24). В статье обсуждается решение Великобритании выйти из ЕС.

Внешняя категоричность директивного заголовка имеет целью захватить внимание реципиента, выделиться из последовательности других заголовков и произвести программируемое воздействие. Так, изложенные в форме лозунга заголовки выражают сформулированные адресантом императивы, имеющие отношение к социально-экономической и общественно-политической сферам деятельности участников коммуникации. Стремление констатировать существование некоей общности адресанта и реципиента и их сопричастности к реалиям действительности выражается в формулировании заголовка в форме призыва к действию.

'***Get yourself a bike, perico****!': how cycling is challenging Santiago's social barriers* (The Guardian. 2016. July 21); ***Students, remember****: your EU vote will affect your life chances for years to come* (The Guardian. 2016. June 20); ***Forget the blame games*** *– Brexit is a chance to fix Europe* (The Financial Times. 2016. Aug. 8).

Иллокутивная модель директивного заголовка в форме призыва к действию в газете *The Financial Times* реализуется при помощи глагола в форме повелительного наклонения. В заголовках газеты *The Guardian* наблюдается прямая адресация к читателю, различие проявляется в форме фамильярного обращения автора статьи к своему читателю.

Проведенный сопоставительный анализ иллокутивных моделей заголовков *The Guardian* и *The Financial Times* позволил установить как существенные соответствия, так и ряд специфических различий в иллокутивных моделях заголовков обеих газет. Иллокутивные модели различаются лексическим наполнением, что объясняется прежде всего влиянием экстралингвистических факторов, таких, как тематическая направленность и ориентация газет на определенную целевую аудиторию читателей.

В газете *The Financial Times* доминирующее положение занимают фактуальные заголовки, что можно объяснить особенностями общественно-политической и социально-экономической направленности газеты, которая при изложении фактов и событий прибегает к использованию приемов непрямого речевого воздействия на читателей. Если используются персуазивные заголовки, то ведущее положение занимают заголовки, в которых оценка дается со ссылкой на авторитетный источ-

ник. Вынесенная в заголовок цитата чаще, чем в *The Guardian*, сопровождается указанием авторства высказанных слов. Это говорит о том, что газета *The Financial Times* дает более весомую информацию, подкрепленную ссылкой на источник, что служит свидетельством истинности сообщаемого.

Газета *The Guardian* излагает новости из сферы политики и экономики. В ней журналисты открыто выражают свое мнение, дают оценку сообщаемым фактам, событиям, мнениям, делают выводы и обобщения. *The Guardian* преподносит не какой-то голый факт, а дополняет его и обыгрывает. В материалах широко употребляются экспрессивные языковые средства, что помогает обосновать причины количественного преобладания персуазивных заголовков над другими иллокутивными моделями. Это обусловлено тенденцией к отражению динамики общественных процессов, в основе которой лежит более общая задача − повлиять на внеречевую деятельность адресата.

Доля директивной модели заголовков в газете *The Guardian* и *The Financial Times* незначительна, так как в газетном дискурсе считается неприемлемым навязывать свое мнение читателю, высказывать советы и рекомендации в открытой, особенно декларативной форме.

Проанализированный материал дает основание утверждать, что в средствах массовой информации реализуется не только информативная функция заголовка. Заголовок, рассмотренный в качестве коммуникативной единицы, подтверждает мысль Дж. Сёрля о коммуникативном акте как событии, в котором определенными вербальными средствами осуществляется воздействие на адресата. Следовательно, воздействие, как и его иллокутивная сила, может быть рассмотрена как одна из целей речевого акта «автор – читатель», где коммуникативное обстоятельство – печатное средство массовой информации, а форма – заголовок. Сегодняшняя конкуренция в сфере массовой информации стимулирует авторов к поиску именно нестандартных способов привлечения читательского внимания.

Список литературы

Комаров Е.Н. Ценностные ориентиры в заголовках французских и российских средств массовой информации: Дисс. … канд. филол. наук. Волгоград, 2003.

Максютова О.М. Языковые средства реализации прагматической установки в британской прессе (на материале заголовков как компонента газетного текста) : Дисс. … канд. филол. наук. М., 1984.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.

Сёрль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986.

Shoemaker P.J., Cohen A.A. News around the World. Content, Practitioners and the Public. New York, 2006.

Электронные ресурсы

Кенжегулова Н. Информационные жанры журналистики. http://www.unesco.kz/massmedia/pages/4_1.htm (дата обращения: 02.08.2016).

The Financial Times. http://aboutus.ft.com/#axzz4QC4knc5j (дата обращения: 10.11.2016).

Joan Shorenstein Center on the Press, Politics and Public Policy. http://shorensteincenter.org/wp-content/uploads/2012/03/d44_cowan.pdf (дата обращения: 10.11.2016).

Сведения об авторе: Гедгафова Наталья Аслановна, аспирант кафедры зарубежной филологии Московского городского педагогического университета. E-mail: white-dragonfly@yandex.ru.

Е.А.Сасова

Материальность в поэтике частного письма (письма Ф.М.Гримма к графу С.П.Румянцеву)[1]

В статье изучается место материального аспекта в письмах Ф.М. Гримма к графу С.П. Румянцеву. Автор рассматривает несколько элементов «эпистолярного пакта», нашедших отражение в этой переписке: регулярность и частота отправок, размер и содержательная ценность писем, внимание к материалу и почерку; помимо этого, материальный аспект находит свое отражение и в метафорическом поле, когда речь идет о письме как заменителе адресата. Показано, каким образом все перечисленные элементы включаются в диалог двух корреспондентов и оказывают влияние на поэтику частного письма.

Ключевые слова: материальность, эпистолярный пакт, поэтика частного письма.

The article focuses on materiality of letters sent by F.M. Grimm to count S.P. Roumiantsev. The author examines some elements of “epistolary pact” which are visible in this correspondence: the regularity et frequency of expeditions, the length of a letter and its content, attention to the handwriting and paper; furthermore, the materiality finds its place in metaphorical field while the letter is seen as the addressee’s substitute. The paper considers how the mentioned points enter in the dialogue between two correspondents and contribute to the poetics of a private letter.

Key words: materiality, epistolary pact, poetics of private letter

Важнейшую роль в переписке играет то, что в XVIII в. обозначалось термином *commerce*; согласно четвертому изданию Словаря французской Академии (1762), это слово означало не только «покупка и продажа товаров», но и «общение или переписка с кем-либо, светская или дело-

[1] Знакомство Гримма с графами Н.П. и С.П. Румянцевыми состоялось во время первого визита Гримма в Санкт-Петербург в 1773–1774 гг. В апреле 1774 г. Гримм отправляется обратно в Париж и по просьбе графини Е.М. Голицыной сопровождает ее сыновей в Лейден, где те должны были прослушать курс наук на юридическом факультете. Позднее, в 1775–1776 гг., он совершит с графами путешествие в Италию. См.: *Карп С.Я.* Путешествие графов Н.П. и С.П. Румянцевых с Ф.М. Гриммом по Италии (1775–1776) // Из России в Италию: Творческая интеллигенция и Рим (XVIII–XIX век) / Dalla Russia in Italia. Intellettuali e artisti a Roma (XVIII e XIX secolo) / Отв. ред. С.О. Андросова, Т.Л. Мусатова, A. d’Amelia, R. Giuliani. Salerno, 2015. 41–56.

вая»[2]. Использование одного и того же термина для столь разных, на первый взгляд, явлений, не случайно: регулярность, аккуратность, точность – все, что так или иначе касается письма как материального объекта, играло в эпистолярных обменах не меньшую роль, чем в обменах коммерческих.

Ф.М. Гримм (1723–1807) относился к материальности письма во всех ее аспектах с большим вниманием, что обусловливалось в первую очередь практической необходимостью держать в порядке его многочисленные переписки. Согласно А.Ф. Строеву, только при российском дворе Гримм имел около 300 корреспондентов[3], и, как он свидетельствовал в письме С.П. Румянцеву от 3 февраля 1775 г., за письменным столом он вынужден проводить не менее четырех часов в день[4]. «Моя же чернильница меня и убьет»[5], – сетует он несколько позднее, не собираясь, однако, оставлять своих эпистолярных привычек.

Согласно Р. Дюшену, именно регулярность почтовых отправлений является основой эпистолярной sociabilité в XVIII в.: «В середине XVII века создание регулярной почтовой службы кардинально изменило эпистолярные практики. <…> Письмо <…> доходит теперь до соседних стран в худшем случае за неделю. Оно принадлежит отныне области светского общения и коммуникации, это дружеский жест или деловой шаг, определенный во времени и пространстве»[6]. Следуя подобной установке, Гримм озабочен поддержанием своих эпистолярных связей; так, в 1774–1775 гг. он отправляет С. Румянцеву в среднем одно письмо в неделю, при этом самый короткий интервал составляет два дня (письма от 23 и 26 декабря 1774 г.), самый долгий – 10 дней (между 12 и 23 декабря 1774 г.). Стоит отметить, что важность частого и регулярного обмена, а также опасность, которой грозит его нарушение, ощущаются и самими корреспондентами: «Хоть мой кишечник ужасно истязает меня вот уже три дня, дорогой граф, я не могу пропустить день отправки почты, не ответив на ваше любезное письмо от восьмого числа. Мое молчание даст Вам слишком

---

[2] Dictionnaire de l'Académie française. 4me éd. 1762. http://artflx.uchicago.edu/cgi-bin/dicos/pubdico1look.pl?strippedhw=commerce.

[3] *Stroev A.* Friedrich Melchior Grimm et ses correspondants d'après ses papiers conservés dans les archives russes: 1755–1804 // La Culture française et les archives russes / Dir. G. Dulac. Ferney-Voltaire, 2004. P. 55

[4] . Гримм к Сергею Румянцеву. 3 февраля 1775 // ОР РГБ. Ф. 255 (Румянцевы), карт. 7, д. 40, л. 6.

[5] Гримм к Сергею Румянцеву. Без даты // ОР РГБ. Ф. 255 (Румянцевы), карт. 7, д. 39, л. 21 об. Здесь и далее перевод мой.

[6] *Duchêne R.* Comme une lettre à la poste. Paris, 2006. P. 205.

много преимуществ передо мной, ведь Вы не прощаете ни малейшей оплошности», – пишет Гримм Румянцеву 14 февраля 1774 г.

Подобное внимание к материальной стороне обмена является частью того, что исследователи называют «эпистолярным пактом» (этот термин возник по аналогии с «автобиографическим пактом» Ф. Лежена). Ж. Арош-Бузинак утверждает, что любой эпистолярный пакт обладает двумя фундаментальными характеристиками: корреспонденты обязуются поддерживать регулярность их переписки и избегать долгих периодов «молчания»[7]. Именно этим руководствуются Гримм и Румянцев в своей переписке, поэтому в письмах часто можно встретить отсылки к заключенному ими «соглашению»: «Вам и в голову бы не пришло, великий Серж, дорогое и неблагодарное дитя, что одно из моих писем могло затеряться. Вы попросту любите возлагать на меня вину за все, что Вам не по нраву»[8], – упрекает Гримм своего молодого друга и при этом не упускает возможности подчеркнуть собственную аккуратность в переписке: «Дорогой и неблагодарный Сережка, я понятия не имею, на что вы жалуетесь. Я пишу к Вам при каждой отправке и в этом уже превосхожу самого себя, ведь потакая капризам своего сердца, я пренебрегаю многими важнейшими делами»[9]. Он скрупулезно подсчитывает каждый отправленный и полученный листок[10] и сводит «баланс» в свою пользу: «Если бы я захотел собрать все, что я написал Вам, и сравнить с тремя, пятью или шестью с половиной строчками, что я получаю от Вас – и не смею жаловаться, обнаружилось бы, что я написал вчетверо больше того, что получил»[11]. Подобная точность может показаться излишней, но нельзя забывать, что commerce de lettres была главным занятием Гримма: по справедливому замечанию А. Ф. Строева, «письма стали главным инструментом на его пути к успеху, они его обогатили и принесли ему дво-

[7] *Haroche-Bouzinac G.* Voltaire dans ses lettres de jeunesse. 1711–1733. La formation d'un épistolier au XVIIIème siècle. Paris, 1992. P. 187–189.

[8] Гримм к Сергею Румянцеву. 28 ноября 1774 // ОР РГБ. Ф. 255 (Румянцевы), карт. 7, д. 39, л. 24.

[9] Гримм к Сергею Румянцеву. 21 ноября 1774 // ОР РГБ. Ф. 255 (Румянцевы), карт. 7, д. 39, л. 28

[10] Подобная манера присуща многим корреспондентам, отчего Б. Мелансон сравнивает их с «бухгалтерами». См.: *Melançon B.* Diderot épistolier : contribution à une poétique de la lettre familière au XVIII siècle. Montréal, 1996. P. 184.

[11] Гримм к Сергею Румянцеву. 31 марта [1775] // ОР РГБ. Ф. 255 (Румянцевы), карт. 7, д. 40, л. 20.

рянство»[12]. Чтобы держать все свои переписки в порядке, он не забывает датировать и нумеровать письма, напоминать своим корреспондентам о предыдущих отправках, чтобы узнать, дошли ли они в целости, впадает в отчаяние, если рискует лишиться адресованного ему письма. В качестве примера можно привести случай, когда граф Н. Румянцев, также состоявший в переписке с Гриммом, передает послание через герцога Шатийона, с которым Гримм, вероятно, не встретится. Предупрежденный об этом, адресат безутешен: «Это письмо, которого я напрасно ждал, образует лакуну, которая породит гром и молнию, что поразят меня»[13].

Забота о поддержании порядка в многочисленных корреспонденциях заставляет Гримма обращать внимание не только на размер, но и на содержательную сторону полученных и отправленных писем: он выверяет их «ценность», чтобы соблюсти баланс в ответе. В феврале 1775 г. он пишет С. Румянцеву о графе Головине: «Еще я Вам скажу, что в тот же день, когда я имел честь видеть госпожу Головину, я не застал господина Головина и счел необходимым написать ему. Строго говоря, этот шаг заслуживает ответного письма или записки, и никто, даже иностранные посланники, сим не пренебрегают. По крайней мере, это дает понять, что не столь велико желание [графа] познакомиться с кем-то, раз он пренебрегает всеми знаками почтения по отношению к нему»[14]. Описывая возмутивший его эпизод, Гримм ставит в центр оставленное без ответа письмо, прямо указывая на несоблюдение материального баланса в обмене; более того, выражением «я счел необходимым» (франц. *Je me fis écrire pour lui*) он лишний раз подчеркивает важность церемониала, где коммуникация невозможна без равноценного обмена письмами и записками.

Подобным же образом Гримм «взвешивает» каждое письмо из переписки с С. Румянцевым и в зависимости от этого сообразует с ним свой ответ. Он отказывается вступать в полемику по поводу «Исторической похвалы Разуму» («L'Eloge historique de la Raison», 1775) Вольтера, аргументируя это недостаточностью письма своего молодого друга: «Я бы с удовольствием ответил, дорогое мое неблагодарное дитя, на Вашу филиппику против фернейского старца, но, право слово, я смог пока про-

[12] *Stroev A*. Op. Cit. P. 57.

[13] Гримм к Николаю Румянцеву. 30 апреля 1789 // ОР РГБ. Ф. 255 (Румянцевы), карт. 7, д. 35, л. 3.

[14] Гримм к Сергею Румянцеву. 3 февраля 1775 // ОР РГБ. Ф. 255 (Румянцевы), карт. 7, д. 40, л. 6.

честь только две ее трети, одна треть остается для меня совершеннейшей загадкой»[15]. Плохой почерк Румянцева становится достаточной причиной для отказа участвовать в полемике: без последней трети письмо графа недостаточно ценно, чтобы вызвать желаемую реакцию. Точно так же в другом письме Гримм ограничивает свой ответ двумя страницами в соответствии с полученным письмом: «Прощайте, дорогой граф, целую Вас, хоть Вы и виноваты передо мной, и не имею ни малейшего желания начинать третью страницу»[16]. При этом надо отметить, что по отношению к самому себе Гримм не менее строг и считает себя обязанным давать равные по ценности ответы: «Чтобы некоторым образом вознаградить Вас за то величественное и необыкновенное описание петербургской катастрофы, что Вы мне подарили, я должен представить Вам картину менее устрашающую, но не лишенную интереса»[17], – пишет он Румянцеву по возвращении из второго путешествия в Россию.

Однако необходимо указать на то, что внимание к материальности получаемых и отправляемых писем нередко переходит из области исключительно практической в метафорическое пространство эпистолярной связи. Все перечисленные элементы – плохой почерк молодого графа, краткость его писем – превращаются под пером Гримма в орудия пытки. «Я уже молчу о том, что Вы пишете мне ужасные вещи таким нечитаемым почерком, что можно подумать, будто Ваша совесть упрекает Вас за Ваши жестокие выходки в тот самый момент, когда Вы их совершаете»[18], – журит он Румянцева. Этот пример иллюстрирует метафорический аспект материальности письма – его восприятие в качестве телесного заменителя автора. Таким образом, когда письмо метафорически становится материальным воплощением корреспондента, эпистолярные «пытки» переносятся на него же. Со свойственной ему любовью к гиперболам Гримм ярко живописует мучения, которые ему приносит эпистолярный обмен с графом, и центром этого описания становится письмо: «И пока я предаюсь этой безумной страсти, что я испытываю к Вам, Вы изводите меня упреками, нападаете на мои письма, рвете их на кусочки, найдя их

[15] Гримм к Сергею Румянцеву. Без даты // ОР РГБ. Ф. 255 (Румянцевы), карт. 7, д. 40, л. 13.

[16] Гримм к Сергею Румянцеву. 6 марта 1775 // ОР РГБ. Ф. 255 (Румянцевы), карт. 7, д. 40, л. 16 об.

[17] Гримм к Сергею Румянцеву. 12 декабря 1777 // ОР РГБ. Ф. 255 (Румянцевы), карт. 7, д. 40, л. 30.

[18] Гримм к Сергею Румянцеву. 2 декабря 1774 // ОР РГБ. Ф. 255 (Румянцевы), карт. 7, д. 39, л. 33.

слишком короткими, пишете мне нечитаемым почерком, и, когда я расшифровываю с невероятной мукой эти жестокие слова, они еще глубже отпечатываются в моей душе»[19].

Таким же заменителем своего автора выступает однажды письмо графа Н. Румянцева. 10 февраля 1775 г. Гримм пишет С. Румянцеву: «Вы запечатали пакет. Вы не удосужились положить маленький кусочек бумаги на печать письма от Вашей матушки, и поэтому она накрепко приклеилась к письму Вашего брата, и мне пришлось принести в жертву почти половину страницы, чтобы ее оторвать. <…> По какому праву Вы распоряжаетесь (благодеяниями, то есть письмами. – *Е.С.)* Вашего брата?»[20] Очевидно, что эпизод характерен сразу с двух точек зрения. Во-первых, Гримм возмущен нарушением его commerce, и в его устах оплошность С. Румянцева превращается в настоящее преступление: монотонно он перечисляет действия своего корреспондента, которые приводят к настоящей трагедии – Гримм «приносит в жертву» половину страницы и обвиняет графа в посягательстве на то, что не его по «праву». При этом нельзя упускать из виду и тот факт, что неаккуратность Румянцева лишила Гримма контакта со старшим из братьев: в своей «сознательной попытке компенсировать утрату»[21] он потерял материальную опору – телесный заменитель графа Николая, то есть его письмо.

Наконец, наряду с количественной и содержательной стороной эпистолярного обмена немаловажным аспектом для переписки Гримма и С. Румянцева являются и сама манера писать письмо, и материальный носитель. Неоднократно Гримм упрекает своего друга в том, что тот использует плохую, «пьющую», бумагу (франц. *papier qui boit*), которая, по определению «Энциклопедии», «совершенно не годится для того, чтобы на ней писать, потому что чернила расплываются и смазывают написанное»[22]. Гримм усматривает в этом не что иное, как попытки нарушить коммуникацию между ними: «Вы и без того пишете, как курица

[19] Гримм к Сергею Румянцеву. 24 марта 1775 // ОР РГБ. Ф. 255 (Румянцевы), карт. 7, д. 40, л. 18.

[20] Гримм к Сергею Румянцеву. Без даты // ОР РГБ. Ф. 255 (Румянцевы), карт. 7, д. 39, л. 20 об.

[21] Так определяет эпистолярный обмен Ф. Симоне-Тенан: *Simonet-Tenant F.* Aperçu historique de l'écriture épistolaire: du social à l'intime // Le français aujourd'hui. N°1474/2004 [en ligne]. www.cairn.info/revue-le-francais-aujourd-hui-2004-4-page-35.html.

[22] Boire // L'Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. T. II. 1751. P. 297

лапой, и расшифровать Вас невозможно. Но, судя по всему, это прелестное качество Вам кажется недостаточным, так как Вы вечно боитесь, что кто-нибудь, я в том числе, прочтет Ваше письмо. Чтобы уберечься от этой маловероятной опасности, Вы выбрали плохую бумагу. Это все, что Вы могли бы сделать, чтобы Ваши письма вышли совершенно нечитаемыми»[23]. Тон письма явно ироничный, однако при этом Гримм выдвигает против своего друга очень суровое обвинение – сделать невозможным общение между ними, то есть нарушить их эпистолярный пакт.

Тема плохого почерка С. Румянцева составляет гораздо более широкий пласт их переписки, и вокруг нее формируется целая полемика между Гриммом, апологетом «ясности», и графом, утверждающим, что писать иначе для него «невозможно». «Я всегда был довольно недалек и хотел читать присылаемые мне письма, а не сочинять их заново», – настаивает на важности хорошего почерка Гримм. Для него этот вопрос принципиален: плохой почерк делает невозможным чтение, а значит, уничтожает возможность общения. В попытке донести эту мысль до своего корреспондента он прибегает к гиперболам и нарочно интерпретирует его слова неправильно: «Действительно, я волен предположить, что Вы говорите мне самые прекрасные слова на свете, но раз между нами столько жизненных разногласий, то более правдоподобно будет поверить, что Вы не удержались от того, чтобы наговорить мне гадостей и лишь в запоздалом приступе великодушия Вы написали эти гадости совершенно неразборчиво»[24]. Гримм выступает здесь читателем, который сам волен «предполагать» и «верить», отчего письмо теряет свою убеждающую силу и не приносит удовольствия. Именно удовольствие является, согласно М.-К. Грасси, фундаментом любой переписки, так как авторы стремятся «убедить и соблазнить»[25] друг друга; и на его отсутствие ссылается Гримм, в очередной раз упрекая своего друга: «Все, что я смог разобрать в каракулях, которыми Вы осчастливили меня, прославленный Серж, <…> это то, что Вы не возражаете против того, чтобы я отправил Вам точный перечень всех жестов и поступков графа Орлова, но именно этого я и не сделаю, пока не достигну той же неразборчивости, которой блещут Ваши сочинения, чтобы хоть как-то дать Вам ощутить то удовольствие,

[23] Гримм к Сергею Румянцеву. Без даты // ОР РГБ. Ф. 255 (Румянцевы), карт. 7, д. 39, л. 10.

[24] Гримм к Сергею Румянцеву. Без даты// ОР РГБ. Ф. 255 (Румянцевы), карт. 7, д. 39, л. 10.

[25] *Grassi M.-C.* Lire l'épistolaire. Paris, 1998. P. 32.

что дарят мне Ваши письма»[26]. С другой стороны, он демонстрирует Румянцеву и другие, информационные потери, которые могут быть спровоцированы пренебрежением правилами хорошего эпистолярного тона. Отвечая на просьбу рассказать о пребывании в Париже графа Орлова, Гримм меняется с Румянцевым местами: «Если бы я писал, как Вы, Вы бы не узнали ни единой новости из тех, что Вы просите. Вы не узнали бы, что Орлов приехал в пятницу вечером…»[27], – далее следует подробное описание первых дней пребывания Орлова в Париже. Таким образом, Гримм наглядно демонстрирует, какое количество информации могло бы быть потеряно по причине плохого почерка, а также – подспудно – дает понять, каким ценным источником является любая переписка и как важно аккуратно поддерживать ее.

Подобным же письмом-примером можно назвать недатированное послание, отправленное между 1774 и 1775 гг.[28] Письмо, занимающее без малого две страницы, полностью посвящено плохому почерку графа и не является в строгом понимании этого слова ответом на полученное письмо. Причину этого Гримм называет в самом начале: «…из всей Вашей бумажки я смог расшифровать только эти ненужные слова: “Я отвратительно пишу”». Все письмо целиком является иллюстрацией к нарушению эпистолярного пакта: полученное письмо невозможно прочитать, а значит, оно фактически не существует и необходимо влечет за собой молчание и разрыв эпистолярной связи. По этой причине тот факт, что Гримм на него все-таки отвечает, нарушая предписанный код, кажется ему самому непростительной слабостью, которая «не скрывая от меня бесчисленных Ваших недостатков, однако же заставляет меня Вас любить, как если бы Вы были противоположностью самому себе, самым любимым Liebchen на свете? Если так будет продолжаться, я не удержусь и начну презирать сам себя, и это будет еще одна забота, которой я Вам обязан». Острота терминов «непростительная слабость», «бесчисленные недостатки», «презирать себя» говорит о большой доле иронии, с которой Гримм пишет свою отповедь, однако сквозь нее сквозит и большая досада от невозможности связать воедино элементы эпистолярной цепи. Ниже он упрекает Румянцева: «Ах, Sergestofilé, Sergestofilé! и вот так Вы

[26] Гримм к Сергею Румянцеву. Без даты// ОР РГБ. Ф. 255 (Румянцевы), карт. 7, д. 39, л. 13.

[27] Гримм к Сергею Румянцеву. Без даты// ОР РГБ. Ф. 255 (Румянцевы), карт. 7, д. 39, л. 12.

[28] Гримм к Сергею Румянцеву. Без даты// ОР РГБ. Ф. 255 (Румянцевы), карт. 7, д. 39, л. 10–11.

хотите сохранить права на привязанность Ваших друзей?» Трагические восклицания, риторический вопрос и имплицитное обвинение в пренебрежении долгом дружбы делают позу автора гротескной, однако для Гримма она не лишена серьезности. Любое письмо диалогично по своей природе[29], но именно это, являясь в некотором роде «немым», исключает диалог и превращает ответное послание Гримма в монолог. Не менее важно здесь и обобщение «Ваших друзей», при помощи которого Гримм поднимает частный факт их переписки на более высокий уровень sociabilité и включает правила ведения корреспонденции в свод общих правил хорошего тона. Отсюда вытекает эпистолярное «кредо» Гримма: он называет себя «человеком, который придает огромную важность хорошему почерку, человеком, который хочет непременно прочитать каждое слово в полученном письме, да при этом и быстро, человеком, который не умеет ни расшифровывать, ни угадывать, ни дополнять»[30]. В его положении все перечисленные условия предстают необходимыми, ведь без возможности быстро и ясно читать полученные письма не получится контролировать десятки переписок одновременно.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что материальность как элемент содержания и поэтики частного письма занимает важное место в переписке Гримма с графом С. Румянцевым, хоть и принимает разные формы. Количество и регулярность получения писем составляют основу их эпистолярного пакта, но, проявляя необыкновенную точность в подсчете полученных и отправленных листов, Гримм обращает внимание и на их содержательную «ценность». Кроме того, он не пренебрегает и осознаваемой корреспондентами метафоричностью письма как объекта: в некоторых случаях происходит транспозиция послания и его автора, и письмо в своей материальности заменяет корреспондента: им пренебрегают, его рвут, его находят недостаточно близким. Наконец, не меньшее внимание Гримм уделяет материалу и манере. Упрекая своего друга в неумении писать, он занимает двойственную позицию: с одной стороны, он указывает ему на невозможность поддерживать эпистолярную связь, если нельзя прочесть письмо, с другой же, он возводит общение посредством писем в ранг социальной необходимости и принимает на себя таким образом роль ментора юного графа, будущее которого он не без оснований полагал блестящим.

---

[29] Тесную связь между письмом, диалогом и беседой подробно рассмотрел в своей работе Б. Мелансон; см.: *Melançon B.* Op. cit. P. 249–369.

[30] Гримм к Сергею Румянцеву. Без даты// ОР РГБ. Ф. 255 (Румянцевы), карт. 7, д. 39, л. 17.

Список литературы

Карп С.Я. Путешествие графов Н.П. и С.П. Румянцевых с Ф.М. Гриммом по Италии (1775–1776) // Из России в Италию: Творческая интеллигенция и Рим (XVIII–XIX век) / Dalla Russia in Italia. Intellettuali e artisti a Roma (XVIII e XIX secolo) / Отв. ред. С.О. Андросова, Т.Л. Мусатова, A. d'Amelia, R. Giuliani. Salerno, 2015.

Duchêne R. Comme une lettre à la poste. Paris, 2006.

Grassi M.-C. Lire l'épistolaire, Paris, 1998.

Haroche-Bouzinac G. Voltaire dans ses lettres de jeunesse. 1711–1733. La formation d'un épistolier au XVIIIème siècle. Paris, 1992.

Melançon B. Diderot épistolier: contribution à une poétique de la lettre familière au XVIII siècle. Montréal, 1996.

Stroev A. Friedrich Melchior Grimm et ses correspondants d'après ses papiers conservés dans les archives russes: 1755–1804 // La Culture française et les archives russes / Dir. G. Dulac. Ferney-Voltaire, 2004.

Сведения об авторе: Сасова Елена Александровна, аспирант кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: sassova.elena@gmail.com.

К.Р.Андрейчук

К вопросу о религиозности Пера Лагерквиста

В статье рассматривается чрезвычайно спорный вопрос о религиозных взглядах шведского писателя XX в. Пера Лагерквиста. Религиозная проблематика занимает важное место во всем творчестве Лагерквиста и выходит на первый план в поздних произведениях. Духовные искания Лагерквиста заставляют писателя обращаться к разным, подчас противоположным и противоречивым идеям и доктринам, выбирать между верой и неверием, приятием бытия и безвыходным отчаянием. Лагерквист не считает себя христианином, однако в его произведениях неизменно присутствует стремление искать истину, надежда найти Бога. Парадоксально точным представляется самоопределение Лагерквиста как «религиозного атеиста». Воспитанный в семье убежденных протестантов и переживший периоды полного отказа от веры, испытавший сильное влияние религиозного экзистенциализма, в своем творчестве Лагерквист начинает с изображения христианского Бога как личности («Вечная улыбка» 1920 г.), провокационно экспериментирует, смешивая язычество с христианством («Сивилла» 1956 г.), пытается заменить веру в Бога верой в «божественное» («Смерть Агасфера» 1960 г.) Учитывая то, что Лагерквист часто ассоциирует себя со своими героями, показательна эволюция его персонажей от богоборцев (Сивилла, Варавва, Агасфер) до пилигримов (Товий, Джованни).

Ключевые слова: Пер Лагерквист, шведская литература, XX век, религиозные взгляды, христианство, протестантство, религиозный экзистенциализм, богоборчество.

The article discusses a highly debatable issue of the 20th century Swedish writer Pär Lagerkvist's religious beliefs. Religious issues play an important role in all Lagerkvist's works and become vital for him in his later prose. Lagerkvist's spiritual quest makes him address to various, sometimes controversial ideas and doctrines, choose between faith and atheism, between acceptance of life and black despair. Lagerkvist does not consider himself a Christian but his works show that he always seeks truth and hopes to find God. Lagerkvist's self-determination as a "religious atheist" seems paradoxical but proves to be very accurate. Raised in the family of convinced Protestants, Lagerkvist had to get through the periods of total renunciation of faith. He was strongly influenced by religious existentialism. Lagerkvist starts with portraying God as a person ("Det eviga leendet", 1920), proceeds with a prevocational and experimental mixture of paganism and Christianity ("Sibyllan", 1956), and tries to replace faith in God with a faith in the divine, the transcendental ("Ahasverus död, 1960). Taking into account the fact that Lagerkvist often associates himself with the characters of his books, their evolution from theomachists (the Sibyl, Barabbas. Ahasuerus) to pilgrims (Tobias, Giovanni) is highly demonstrative.

Key words: Pär Lagerkvist, Swedish literature, 20th century, religious beliefs, Christianity, Protestantism, religious existentialism, theomachism.

Введение. Место вопросов веры и религии в творчестве Пера Лагерквиста

Шведского писателя XX в. Пера Лагерквиста называют «художником-мыслителем»[1], творцом-философом. Для него с юности и на протяжении всей жизни художественное творчество не столько выполняло эстетические задачи, сколько выступало инструментом поиска ускользающей истины о мире, бытии, человеке. Представляется естественным, что для человека, воспитанного в традициях шведского протестантизма, в очень религиозной семье (по собственному признанию писателя, в детстве у него дома было всего несколько книг: Библия, сборник псалмов и сборник проповедей Арндта[2]), поиск высшей истины становится во многом поиском Бога. Однако остроты творческим исканиям Лагерквиста добавляют многочисленные сомнения, преследовавшие его всю жизнь.

К христианству Лагерквист обращается отнюдь не с однозначной позиции истового протестанта, каким его воспитывали в семье, но и не с позиции атеиста. Атеизм был близок Лагерквисту, но лишь в определенные периоды творчества, а именно после потери целостности и простоты религиозного мировоззрения родителей при знакомстве с трудами Дарвина, после так называемого «дарвинистского шока»: так, в 1909–1913 гг. Лагерквист активно сотрудничал с социалистической прессой. По определению Виктора Клаэса, 1912–1919 гг. – «десятилетие нигилизма и атеизма», когда Лагерквисту оказывается особенно близкой экспрессионисткая эстетика отчаяния, 1919–1949 гг. – «позитивистский период», «когда вера в то, что человеческий дух вечен, заменяет собой веру в христианского Бога»[3]. 1950-е (и 1960-е) гг. Виктор Клаэс удачно определил как период «религиозного атеизма»[4] (Клаэс использовал выражение самого Лагерквиста, который еще в 1934 г. в эссе «Сжатый кулак» писал: «Я верующий без веры, религиозный атеист»[5]). Действительно, время написания романов

---

[1] *Неустроев В.П. Л*итературные очерки и портреты. М., 1983. С. 218.

[2] *Lagerkvist P.* Antecknat. Ur efterlämnade dagböcker och anteckningar. Urval och redigering av Elin Lagerkvist. Stockholm, 1977. S. 11.

[3] *Claes V.* Pär Lagerkvists “Barabbas” som roman // Pär Lagerkvists-samf. Växjö, 1993. S. 6.

[4] Ibid.

[5] *Lagerkvist P.* Den knutna näven // Lagerkvist P. Bödeln – I den tiden – Den befriade människan. Stockholm, 1955. S. 105.

«Варавва» и «Сивилла» – время религиозных сомнений, причем не только для Лагерквиста, но и для всей его страны: в эти годы Швецию охватывает «повальный» интерес к философии, обостряется конфронтация между неопозитивистами (за которыми стояло университетское образование) и теологами (за которыми стояла государственная церковь). В связи с этой двойственностью интеллектуальная элита страны увлекается «северным», религиозным вариантом экзистенциализма (Киркегор, Ясперс, Хайдеггер).

Несмотря на разнообразие сюжетов и образов, истоки которых лежат не только в христианских текстах, но и в античной и скандинавской мифологии, истории Древнего мира и Средних веков, по своей глубинной проблематике все произведения Лагерквиста схожи. Говоря словами Пера Линдберга, посреди лагерквистовского мира «все еще стоит древо познания». В этом мире «еще живы все изначальные религиозные и моральные проблемы, которые более позднее время пыталось объявить «торможением» и «комплексами»[6].

I. «Требование правды более чем правда»: творчество Пера Лагерквиста как непрерывный поиск истины

Задавая в своих произведениях сложные, нерешаемые вопросы о бытии и человеке, Лагерквист не дает на них окончательного ответа: путем написания книги, «диалога с самим собой» (по его собственному выражению)[7] он лишь пытается искать истину – и этот поиск становится актом художественного творчества. Уже в самом начале творческого пути, в дневниковой записи от 3 января 1920 г., Лагерквист определил свое творческое кредо: «Я хотел бы написать книгу, состоящую из размышлений, афоризмов, не с тем, чтобы вещать истину, а чтобы искать разные ее грани, сделать богаче, человечнее. Разные мысли, разные углы зрения, разные взгляды – и все подряд, как это рождается в рассудке и чувствах, порой органично, порой случайно. Требование правды более чем правда. И возможно, таким образом, я смог бы выразить свои эстетические воззрения раньше, чем обнаружу, что есть истина. Скорее всего, я не доживу до этого дня. (Я имею в виду – того дня, который мне откроет истину.) Но я хотел бы сам для себя выяснить, что именно я ищу. И что для меня значит уже обретенное мной»[8].

---

[6] *Lindberg P.* Några synpunkter på P Lagerkvists dramatik // Svensk litteraturtidskrift. 1940. № 4. S. 160.

[7] *Gunnel M.* The hidden God // Scandinavica. Supplement. Special issue devoted to the work of P. Lagerkvist / E. Bredsdorf, S. Linnér. 1971. May. P. 57.

[8] *Lagerkvist P.* Antecknat... Цит. по: *Лагерквист П.* Наброски (1906–1974) / Пер. с шведск. К.Е. Мурадян // Писатели Скандинавии о литературе / К. Е Мурадян.

Позднее Лагерквист находит подтверждение своей позиции в северном (религиозном) варианте экзистенциализма (особенное влияние на него, как и на всю шведскую интеллигенцию того времени, оказал Киркегор). Несмотря на то, что ни один из лагерквистовских героев, активно ищущих Бога, истину или спасение (Агасфер, женщина с медальоном, Товий) или пытающихся понять суть своих отношений с Богом (Сивилла, Варавва, Агасфер, Джованни), Бога как такового не находит, каждый из них находит нечто иное, поэтому Лагерквист, в отличие от представителей атеистического экзистенциализма (Камю, Сартра), настаивает на необходимости поиска, паломничества к неизвестной истине (не случайно появляется «трилогия пилигримов»).

II. Итог паломничества: что находят герои Лагерквиста

Искание Бога проходит красной нитью через все творчество Лагерквиста, хотя основной и практической единственной темой произведений оно становится в так называемый религиозно-философский период (начиная с 1950-х гг.) и особенно в 1960-е гг., во время создания «трилогии пилигримов».

Пытаясь разобраться в отношении Лагерквиста к религии, мы не можем обойти вниманием одно из ранних произведений – новеллу «Det eviga leendet» («Вечная улыбка») 1920 г. По мнению В.П. Неустроева, этот философский текст «как бы открывает собой типичные для Лагерквиста проблематику и форму выражения»[9]. В новелле «Вечная улыбка» Лагерквист говорит о поисках смысла жизни, пытается понять, что такое жизнь, в чем ее ценность. Лагерквист вкладывает эти вопросы в уста героев – мертвецов, рассказывающих о своих прошедших жизнях. Из рассказов мертвецов, сидящих «где-то в темноте», состоит первая половина новеллы. Во второй половине герои, еще острее почувствовав несправедливость и бессмысленность жизни, бесконечным «людским морем» отправляются на поиски Бога. После долгого пути они видят Бога – старика, пилящего дрова. Он не может толком ответить на вопрос, зачем он создал людей: говорит только, что хотел, чтобы не было пустоты, и сделал, как мог. Толпа недовольна, она не понимает ответов Бога. Но когда к нему подходят дети, люди начинают что-то понимать, проникаются теплом и спокойствием своего создателя.

Эти мертвецы – первые «пилигримы», которых будет много в творчестве Лагерквиста. Их поиск увенчан изображением Бога простого, близ-

М., 1982. С. 331–332.

[9] *Неустроев В. П.* Литературные очерки и портреты… С. 222.

кого к людям. Такой ответ на «вечный» вопрос представляется попыткой возвращения (естественно, через творческое осмысление) к несколько наивной, но чрезвычайно искренней вере родителей писателя.

В 1930-е и 1940-е гг. произведения Лагерквиста, по понятным внешним причинам, посвящены в первую очередь общественно-политической проблематике (хотя и за ней всегда скрывается философское осмысление происходящего), проблемы религии отходят на второй план, однако очевидно, что вопрос веры или неверия никогда не оставлял Лагерквиста. С 1950-х гг. он создает произведения, позже объединенные критиками под названием «Пенталогия Распятия».

Роман «Варавва» («Barabbas», 1950), первый в «Пенталогии Распятия», сыграл главную роль в решении Нобелевского комитета о присуждении Лагерквисту Нобелевской премии по литературе в 1951 г. с формулировкой «За художественную силу и абсолютную независимость суждений писателя, который искал ответы на вечные вопросы, стоящие перед человечеством».

Особый интерес представляет трансформация библейских сюжетов в романе. Сравнению деталей романа Лагерквиста и Нового Завета посвящена статья Харальда Ризенфельда «Варавва и Новый Завет» (в ней ученый распознает, например, в описании высокого рыжебородого человека с большим мясистым лицом и детскими голубыми глазами апостола Петра, несмотря на то, что Лагерквист не называет его имени[10]). Следует отметить, что в романе присутствует неназванным и другой ученик Христа – апостол Павел (он даже распят одновременно с Вараввой). Варавва, испытав огромное потрясение после внезапного спасения, на протяжении всего романа то сближается с христианами, то отдаляется от них. Итог его «странствия по жизни» не ясен, финал романа можно толковать двояко: когда висящий на кресте Варавва почувствовал, что пришла смерть, «он сказал во тьму, словно бы к ней он обращался:

– Тебе предаю я душу свою...»[11]

Непонятно, обращается Варавва ко «тьме» или все же к Богу.

Сюжет следующего произведения «пенталогии», романа «Сивилла» («Sibyllan», 1956), разворачивается вокруг двух главных героев: бывшей

[10] *Riesenfeld H.* Barabbas och Nya Testamenten // Synpunkter på Pär Lagerkvist / G. Tidestrom. Stockholm, 1966. S. 216–217.

[11] *Lagerkvist P.* Barabbas. Stockholm, 1950. S. 206.

пифии, живущей в пещере на вершине горы, и безымянного еврея, проклятого Христом за то, что он отказал Ему в просьбе отдохнуть у стен его дома во время пути на Голгофу (очевидно, что это авторская переработка библейского образа Вечного Жида, Агасфера). К пифии безымянный герой приходит после многих скитаний, после того, как сам Дельфийский оракул не ответил на его вопрос. Несмотря на то что сивилла служила античным богам (пророчествовала в храме Аполлона-Диониса), в старости она через Агасфера знакомится с христианством, находя все больше и больше общего между собой, матерью безумного ребенка, отцом которого она считает Диониса, и Богородицей. Это провокационное сопоставление соответствует духу романа, где языческое переплетается с христианским (как, например, это происходит в автобиографическом эпизоде: однажды, уже будучи жрицей в прославленном храме, сивилла пытается вернуться к «простой», «природной» вере родителей, почитавших преимущественно Гею – точно так же, как Лагерквист пытался вернуться к бесхитростной вере своих родителей – убежденных протестантов). Сивилла не умирает в конце романа: она только начала знакомиться с христианством; хотя она и стара, ее паломничество явно еще не завершено. Однако читатель не узнает ее дальнейшей судьбы: в последующих произведениях мы ее не встречаем.

Зато в следующем же романе Лагерквиста «Смерть Агасфера» («Ahasverus död», 1960), первом в «трилогии пилигримов» (включаемой в «Пенталогию Распятия»), мы встречаем Агасфера, который продолжает свои странствия, пытаясь понять, за что и почему он связан с Христом, который казался ему таким же разбойником, как и сотни других, проходивших мимо его дома.

«Как я могу писать что-то после “Сивиллы” – романа, которым я полностью опустошил себя безо всякой жалости? <…> Мне часто кажется, что я проклят Богом, за то что написал “Сивиллу”. То же чувствует и Агасфер – за то, что преступил перед Богом»[12] (перевод мой). Однако Лагерквист не может не писать: «Я как раз тот, кто не позволил Богу преклонить голову у моего дома. Разве я могу не написать книгу об Агасфере? Смерть Агасфера – это, возможно, моя собственная смерть, мое собственное прощание с жизнью»[13] (перевод мой). В таком случае один из главных вопросов, встающих перед литературоведом при анализе ро-

[12] *Schöier I.* Pär Lagerkvist: En biografi. Stockholm, 1987. S. 500.
[13] Ibid. S. 498.

мана: означает ли романная смерть Агасфера примирение Лагерквиста с Богом? или смирение и прекращение борьбы?

Для ответа попробуем опять обратиться к концовке романа, «итогу паломничества» Агасфера. С одной стороны, это финал «богоборческий»: Агасфер говорит, что «победил Бога» (имея в виду Бога Отца) «своей собственной силой», «поняв все» (подо «всем» Агасфер имеет в виду, что если раньше он винил во всех своих бедах Христа, то теперь он «понимает», что Христос – такая же, как и все люди, только самая известная «жертва» «проклинающего» Бога Отца). Однако через это страшное обвинение Бога Отца Агасфер примиряется с Богом Сыном, просит ласки руки Христа, ждет, что тот, как брат, отведет его в Святую землю. Здесь мы видим нечто важное для понимания веры самого Лагерквиста (то, что для писателя последние размышления его героя – не бред и не хула на Бога, а Откровение, подчеркивает маленькое чудо: лицо Агасфера перед смертью озаряет солнце). Агасфер говорит, что поверил в «божественное», стоящее выше Бога Отца и всех других богов: «Где-то там, далеко, за всеми богами, за всем, что искажает и огрубляет мир святых, есть что-то недоступное, непостижимое. И все наши тщетные попытки понять это показывают, что оно для нас непостижимо. Ни на что не взирая, за всей этой священной шелухой должно находиться нечто истинно святое. Я верю в это, да, я в это уверовал. Бог для меня ничто. Он мне ненавистен именно потому, что Он обманул меня, скрыл от меня это святое. За то, что Он, думая, будто мы к Нему стремимся, прячет от нас то, чего мы истинно жаждем. <…>

Да, Бог – это то, что отдаляет нас от божественного. То, что не дает нам пить из самого источника. Пред Богом я не преклоню колени <…>. Но к источнику я хочу припасть, чтобы напиться из него, утолить жажду, жгучую жажду того, что я не могу постичь и что существует, я знаю»[14].

Эта концепция «божественного» над Богом, источника истины, Святой земли вместо Бога находит отражение в двух последующих частях трилогии, особенно в последней, носящей название «Святая земля».

Большая часть сюжета «малого романа» «Смерть Агасфера» посвящена не Агасферу, а истории о Диане и Товии – одном из главных героев всей трилогии, солдате, ставшем пилигримом, паломничество которого продолжилось в «малом романе» «Пилигрим в море» и завершилось в «Святой земле». Речь об этих произведениях пойдет далее.

[14] *Lagerkvist P.* Ahasverus död. Stockholm, 1960. S. 130.

III. Пустой медальон: подмена означаемого означающим?

Важно также отметить, что произведения Лагерквиста написаны в основном языком символов, а за символами в искусстве обыкновенно стоит нечто из мира идей, если не Бог, то хотя бы некое трансцендентное начало, высшая истина или то «божественное над Богом», о котором говорилось в предыдущем абзаце. Однако у Лагерквиста – писателя самобытнейшего – и с символами все далеко не просто.

Показателен для соотношения поиска истины, «требования правды» с самой истиной символ пустого медальона, занимающий едва ли не центральное место в «маленьком романе» «Пилигрим в море».

Товий (герой предыдущего «малого романа») пытается попасть в Святую землю на разбойничем корабле, якобы туда плывущем. Однако, как и в «Смерти Агасфера», большая часть сюжета относится не к заглавному герою – «пилигриму в море» Товию, а к рассказу разбойника Джованни (к концу произведения тоже становящемуся в какой-то мере пилигримом).

Раньше Джованни был священником, и он рассказывает Товию о событиях, приведших его к жизни разбойника. Однажды к нему на исповедь в маленькую церковь пришла женщина из богатого рода, чтобы избежать стыда на признании исповеднику, хорошо знающему ее и ее семью. Женщина, по ее словам, влюблена в «прекрасного и чистого юношу с высоким лбом» и носит на груди медальон с его портретом. Однако она не сказала, что на самом деле медальон пустой. Потом она вступает в связь с молодым священником Джованни, приняв его за того самого прекрасного и чистого юношу, что, по мнению Джованни, уже узнавшего о пустоте медальона, становится предательством истинного Бога, истинной Любви (понятия любви и Бога неразрывно связаны на символическом уровне как в романе, так и в целом в христианской традиции).

Джованни осуждает и считает предательством также и заход корабля паломников в тихую гавань во время бури. Однако, с точки зрения Лагерквиста, «тихая гавань» – это далеко не обязательно предательство Бога. Таким же образом «измена медальону» – не обязательно измена истинной любви: ведь медальон-то пустой. Эту пустоту можно трактовать разными способами: можно сказать, что пустой медальон символизирует отсутствие в мире как истинной любви, так и истинного Бога, а можно сделать из этого символа такой вывод, какой делает исследователь Э.Я. Линдер: «Вера (по Лагерквисту. – *К. А.*) священна, истинна и

безукоризненна, несмотря на то, что предмет ее совершенно недоступен пониманию»[15] (перевод мой).

Образ «пустого медальона» можно понимать не только как символ, но и как симулякр. По выражению Жака Лакана, «символ с самого начала заявляет о себе убийством вещи, и смертью этой увековечивается в субъекте его желание»[16]. Действительно, начав носить медальон, женщина «убила» возможность полюбить живого человека, «убила» реальность любви, сделав ее предметом означивания, символизации, фантазией (или, следуя за Лаканом, частью культуры). Лакан же писал о том, что необходимость в знаке возникает тогда, когда в наличии нет обозначаемого предмета. У женщины нет любви, нет подлинной веры – и поэтому появляется медальон. В таком случае медальон – символ. Но что, если не только у духовной дочери Джованни нет истинной любви, что, если ее нет ни у кого? Тогда медальон – симулякр.

Такое понимание поддерживается текстом романа: то, что женщина целует закрытый медальон с закрытыми глазами «оправдывается» тем, что влюбленные тоже всегда целуются с закрытыми глазами. Отношения Джованни с этой женщиной, по их собственному признанию, были ложью с самого начала. Они друг для друга – только замены «юноши с чистым лбом» и женщины из фантазий. Они постоянно напоминают друг другу об этом. Джованни даже рад тому, что они хотя бы не пытались притворяться правдивыми, «ведь всякая любовь зиждется на фальши», считает он. Что же тогда символизирует медальон, если не любовь к конкретному человеку? Этот образ сочетает в себе противоположные значения: это либо симулякр – знак, за которым ничего нет, либо символ настоящей, вселенской Любви, сама любовь, как полагает Э.Я. Линдер[17]. Второй вариант предполагает запутанные отношения между означающим и означаемым, «разрыв в означающей цепи»[18].

Ключевой вопрос романа, сформулированный на двух символических уровнях: есть ли за «Святым морем» Святая земля? есть ли смысл носить медальон, если он пустой? – постановка проблемы, мучившей литературу модернизма. Образ судна, борющегося с морем-хаосом, – модернист-

---

[15] *Linder E.H.* Den tomma medaljongen // Synpunkterpå Pär Lagerkvist / G. Tideström. Stockholm, 1966. S. 249.

[16] *Лакан Ж.* Функция и поле речи и языка в психоанализе. Доклад на Римском Конгрессе, читанный в Институте психологии Римского Университета 26 и 27 сентября 1953 года. М., 1995. С. 89.

[17] *Linder E.H.* Op. cit.

[18] *Lacan J.* Ecrits. Paris, 1966. S. 801.

ский, хотя и имеющий глубокие корни в романтизме и символизме (ср. «Пьяный корабль» Рембо): ведь модернизм пропитан пафосом безнадежной, но все же имеющей смысл борьбы человека с окружающим хаосом: либо выстоять как можно дольше, либо отодвинуть хаос как можно дальше.

Последний «маленький роман» трилогии, «Святая земля» («Det heliga landet», 1964), опровергает всякие подозрения насчет того, что пустой медальон может означать отсутствие в мире истинной веры и истинной любви.

Роман «Святая земля» явно задуман как ответ (пусть и туманный) на вопросы, поставленные в «Пилигриме» и «Смерти Агасфера». Он дает истории, принципиально не имеющей, казалось бы, конца, полуфантастическое, но все же завершение. «Пилигрим» кажется законченным романом: вопросы, поднятые в нем, настолько всеобщи и принципиально открыты, что любая попытка их решения кажется более тривиальной и заведомо менее удачной, чем их постановка. Однако Лагерквист все же делает эту попытку, высаживая героев-«пилигримов» на неизвестную землю, которая, возможно, и является Святой землей пилигрима Товия.

Каковы итоги паломничества героев трилогии? Мы узнаем, что женщина, носившая медальон, так и не достигла Святой земли. Будучи высаженным на землю (Святую землю?), но не дойдя до того самого источника божественного, о котором говорил перед смертью Агасфер, умер Джованни, когда таинственная женщина со змейкой сняла с него медальон. До этого встреченные Товием и Джованни люди (намеренно изображенные по-дикарски наивными) удивляются, как может то, что носят у самого сердца, что должно наполняться чем-то исключительно ценным, иметь ценность, когда внутри ничего нет. Но без медальона Джованни умирает (как умирает позднее женщина, у которой он медальон украл, как умирает Товий – преемник медальона после Джованни, – когда медальон снимают с него; эту преемственность в ношении медальона можно трактовать как символ объединения людей верой). Но почему умирает Джованни? Возможно, не только потому, что медальон стал для Джованни памятью о единственном подобии любви (проекции вечной любви на одну человеческую жизнь), но и, как мы уже пытались определить выше, потому медальон сам стал любовью и верой, означаемое явилось в означающем. Когда женщина явно из другого мира (может, нашедшая Святую землю после смерти бывшая любовница Джованни, а может, и сама Богородица) надела медальон на себя, он «засверкал, как драгоцен-

нейшее украшение», а Товий умер. Причем ему, как и другим героям-«пилигримам», не было дано видеть медальон на себе сияющим, он так же, как и «предавшиеся морю» (Лагерквист противопоставляет «Святое море» – так говорит о море Джовании – Святой земле), как Джованни, как любовница Джованни, удостоился лишь покоя, но не света, не сияния медальона. «Спи спокойно» – вот что говорит женщина, на которой засиял медальон, умирающему пилигриму (не носившему, кстати, даже креста, что немало удивило бывшего священника Джованни: медальон, вера в далекое божественное, заменила Товию крест, веру в христианского Бога).

Возможно, сценой с женщиной, на которой засверкал медальон, Лагерквист упрощает свою философию, даже придает повествованию столь чуждую этому творцу-мыслителю нравоучительность. Вероятно, лагерквистовский медальон сияет на груди того, кому есть чем его заполнить, в ком есть настоящая вера и любовь, а не только тоска по ним. Последний роман трилогии, последняя часть «Пенталогии Распятия, или «мифологической эпопеи» («Варавва» – «Сивилла» – «Смерть Агасфера» – «Пилигрим в море» – «Святая земля»), одно из последних крупных произведений Лагерквиста, завершается откровенно тривиальным «объяснением» (на что, впрочем, обречена любая попытка ответить на вечные вопросы). Лагерквист уходит от гениальной многозначности при внешней простоте, которой достигал благодаря одновременно сложным и простым символам, к банальной аллегоричности и притчевости. Возможно, Пер Лагерквист сознательно пишет «слабый» роман, потому что даже слабый, человеческий ответ на вопросы, порожденные тоской и отчаянием, лучше, чем «пустота» медальона, пустота на самом важном, последнем месте в трилогии о поисках смысла жизни.

Заключение. «Религиозный атеист» Пер Лагерквист

Воспитанный в традициях протестантизма и переживший периоды полного отказа от веры, в своем творчестве Лагерквист начинает с изображения христианского Бога-личности («Вечная улыбка», 1920), провокационно экспериментирует, смешивая язычество с христианством («Сивилла», 1956), пытается заменить веру в Бога верой в «божественное» («Смерть Агасфера», 1960). Учитывая то, что Лагерквист часто ассоциирует себя со своими героями, показательна эволюция его персонажей от богоборцев (Сивилла, Варавва, Агасфер) до пилигримов (Товий, Джованни). Как бы ни хотелось назвать примирением с христианством

одну из последних реплик Лагерквиста в философском «диалоге с самим собой» – «малый роман» «Святая земля» 1964 г., этого сделать нельзя: ни сам Лагерквист, ни его многочисленные герои-пилигримы не находят Бога. Нашу точку зрения подтверждают слова Пера Лагерквиста, сказанные в 1966 г., уже после создания главных произведений, в ответ на неоднократные предложения опубликоваться в христианской антологии: «К сожалению, я должен отказаться. Я не христианин и поэтому не могу участвовать в этом издании. Это было бы большой ошибкой и привело бы к недопониманию» [19] (перевод мой).

Религиозные искания Лагерквиста заставляют писателя обращаться к разным, подчас противоположным и противоречивым идеям и доктринам, выбирать между верой и неверием, приятием бытия и безвыходным отчаянием. Эту особенность уже в 1958 г. подметил младший современник писателя, литературовед и писатель Гуннар Бранделль: творчество Лагерквиста «…по преимуществу мрачное, его темперамент – дикий, с трудом сдерживаемый требованиями литературной формы; если он воспевает добро – значит, он знает больше нас и о его противоположности, о разрушительной силе, которая часто овладевает человеком. Он уважает веру, но не верит. И все же нигилизм никогда не становится его последним словом; парадоксальным образом рожденные в мучениях произведения придают силу тому, кто ищет смысл…»[20]

Парадоксальное самоопределение Лагерквиста как «религиозного атеиста» очень точно, на наш взгляд, определяет его отношение к вере. Неслучайно многие исследователи Лагерквиста не только цитируют эту фразу, но и берут ее в качестве заглавия посвященных Перу Лагерквисту работ («Пер Лагерквист: религиозный атеист» Э. Джонсона[21]) и конференций (например, проходившая в 2014 г. в Векше дискуссия «Pär Lagerkvists kristendomskritik och religiös ateism» – «Критика христианства и религиозный атеизм Пера Лагерквиста»).

Лагерквист не исключает возможности нахождения Бога: говоря о том, что, скорее всего, он не доживет до дня, когда ему откроется истина, Лагерквист тем самым утверждает, что этот день может настать, истины можно достичь (пусть и не при жизни). В своем творчестве Пер Лагер-

---

[19] *Schöier I.* Op. cit. S. 450.

[20] *Brandell G.* Pär Lagerkvist // Brandell G. Svensk litteratur 1900-1950. Realism och symbolism. Stck.: Örnkrona, 1958. S. 193.

[21] *Johnson E. W.* Pär Lagerkvist, religious atheist. M.A. University of Montana, 1966.

квист не находит Бога, но постоянно ищет его, высшую истину, Святую землю. Неугасимую надежу Лагерквиста найти ответы на вечные вопросы, завершить «диалог с самим собой» лучше всего выражают слова его героя, пилигрима Товия: «Но море не все на свете, так быть не может. Должно существовать что-то и по ту сторону моря, должна существовать также некая страна по ту сторону огромного пустынного пространства и огромной бездны, равнодушной ко всему, страна, которой мы не можем достигнуть, но куда мы плывем несмотря ни на что»[22].

Список литературы

Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. Доклад на Римском Конгрессе, читанный в Институте психологии Римского Университета 26 и 27 сентября 1953 года. М., 1995.

Неустроев В.П. Литературные очерки и портреты. М., 1983.

Brandell G. Pär Lagerkvist // Brandell G. Svensk litteratur 1900–1950. Realism och symbolism. Stockholm, 1958.

Claes V. Pär Lagerkvists “Barabbas” som roman // Pär Lagerkvists-samf. Växjö, 1993.

Gunnel M. The hidden God // Scandinavica. Supplement: Special issue devoted to the work of P. Lagerkvist / E. Bredsdorf, S. Linnér. 1971. May.

Johnson E.W. Pär Lagerkvist, religious atheist: M.A. Montana, 1966.

Lacan J. Ecrits. Paris, 1966.

Lagerkvist P. Ahasverus död. Stockholm, 1960.

Lagerkvist P. Antecknat. Ur efterlämnade dagböcker och anteckningar. Urval och redigering av Elin Lagerkvist. Stockholm, 1977.

Lagerkvist P. Antecknat... Цит. по: *Лагерквист П*. Наброски (1906–1974) / Пер. с шведск. К. Е. Мурадян // Писатели Скандинавии о литературе / К.Е Мурадян. М., 1982.

Lagerkvist P. Barabbas. Stockholm, 1950.

Lagerkvist P. Den knutna näven// Lagerkvist P. Bödeln – I den tiden – Den befriade människan. Stockholm, 1955.

Lagerkvist P. Pilgrim på havet. Stockholm, 1966.

Lindberg P. Några synpunkter på P Lagerkvists dramatik // Svensk litteraturtidskrift. 1940. № 4.

Linder E.H. Den tomma medaljongen // Synpunkterpå Pär Lagerkvist / G. Tideström. Stockholm, 1966.

[22] *Lagerkvist P.* Pilgrim på havet. Stck.: Bonnier, 1966. S. 186.

Riesenfeld H. Barabbas och Nya Testamenten // Synpunkter på Pär Lagerkvist / G. Tidestrom. Stockholm, 1966.

Schöier I. Pär Lagerkvist: En biografi. Stockholm, 1987.

Сведения об авторе: Андрейчук Ксения Руслановна, аспирантка кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: enantiosemia@yandex.ru.

Маймин Е.А. О русском романтизме. Русская философская поэзия. Лев Толстой: Путь писателя. Воспоминания. Переписка / Под ред. Н.Л. Вершининой и Е.Е. Дмитриевой-Майминой. Псков: Издательство ГППО «Псковская областная типография», 2015. 904 с.

Двадцать лет прошло после смерти Евгения Александровича Маймина (1921–1997), но имя этого замечательного историка русской литературы не стирается из нашей, увы, короткой памяти в отношении уходящих из жизни коллег. Причина тому – не официальные регалии, которые были честно заработаны Е.А. Майминым, доктором филологических наук, профессором, заслуженным деятелем науки РФ, членом Союза писателей СССР, а искреннее признание со стороны учеников и коллег, которое выражается в «Майминских чтениях», традиционно проходящих в Псковском государственном университете, в публикуемых воспоминаниях об ученом, но что особенно ценно – в не исчезающих из уже современных исследований отсылках к его трудам. За десятилетия они не утратили своей научной и просветительской значимости, а потому их переиздание сегодня должно быть встречено с благодарностью как академическим сообществом, так и школьными учителями.

Включенные в подготовленный Н.Л. Вершининой и Е.Е. Дмитриевой-Майминой том работы Е.А. Маймина – «О русском романтизме», 1975; «Русская философская поэзия», 1976; «Лев Толстой. Путь писателя», 1978 (2-е изд.: М., 1984; 3-е изд.: София, 1989, на болг. яз.) хорошо известны. В свое время они получили высокую профессиональную оценку и не нуждаются в подробном рецензировании[1]. Однако не менее важно привести частные отклики от коллег, которые не были предназначены для печати, но вошли в изданную книгу. Так, в письме Ф.П. Федорова (ныне профессора и члена-корреспондента Латвийской академии наук) читаем: «Анализируя отдельных авторов, Вы анализируете романтизм; и в этом смысле Ваша книга – прекрасная книга о романтическом мышлении. И что мне очень по душе – это полная свобода разговора, свобода анализа; здесь нет

[1] См. также: *Кормилов С.* Обаяние личности ученого // Знамя. 2016. № 10. С. 224–225.

железной схемы, на которую все накладывается; есть иная истинно романтическая раскованность» (с. 839). Чуть раньше сходным образом, но в связи с диссертацией Е.А. Маймина о поэтах-любомудрах, которая ляжет в основу издания 1976 г., писал Д.Е. Максимов: «…мне близок Ваш антидогматический пафос в трактовке и оценке поэтов» (с. 767). А.М. Туркова в книге Маймина о Л.Н. Толстом привлекла исследовательская деликатность автора в освещении личной жизни классика: «…как, кстати, хорошо Вы написали о С.А. (С.А. Толстой. – *А. Х.*). С ее пониманием трудности, невозможности “угоняться” за своим колоссом!» (с. 855). И действительно, несмотря на пристальный интерес Е.А. Маймина к изучению жизни писателя, в его исследованиях нет и тени того, что Д.С. Лихачев называл «литературоведением сплетников»[2]. В этом тоже особое обаяние личности ученого, которая раскрывается нам в его мемуарном и эпистолярном наследии, составившем одну треть вышедшего издания.

Здесь собраны не только впервые публикуемые воспоминания Е. А. Маймина о Н. Н. Колиберском, но и печатавшиеся прежде очерки о Б. В. Томашевском, Л. А. Творогове, Л. А. Дмитриеве[3]. Что касается Б. М. Эйхенбаума, то мемуарный текст о нем приводится по более полной, чем прежде[4], редакции. В частности, без купюр дан следующий эпизод: «Когда мы прогуливались с Борисом Михайловичем, во дворе писательского дома несколько раз навстречу нам попадалась высокая прямая фигура старика с застывшим торжественным лицом. Это был знаменитый профессор Николай Кириакович Пиксанов. Эйхенбаум и Пиксанов встречались и расходились точно не замечая друг друга – не кланяясь. На университетском собрании, посвященном разгрому космополитов, Пиксанов был единственным из профессоров, выступившим против своих товарищей и поддержавшим официальные обвинения. И сделал он это явно не по принуждению» (с. 633).

Поскольку письма Е.А. Маймина военных лет были утрачены, наиболее ранние из публикуемых относятся ко второй половине 1940-х гг. Сре-

---

[2] *Лихачев Д.* Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. Л., 1989. С. 160.

3 См.: *Маймин Е.* 1) Леонид Творогов // Русская литература. 1961. № 1; 2) Борис Викторович Томашевский (очерк-воспоминание) // Проблемы современного пушкиноведения: Межвуз. сб. науч. тр. Л., 1986; 3) Лев Александрович Дмитриев: К 70-летию со дня рождения // Русская литература. 1991. № 3; 4) Памяти друга // Лев Александрович Дмитриев: Библиография. Творческий путь. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 1995.

[4] *Маймин Е.* Борис Михайлович Эйхенбаум // Литературное обозрение. 1990. № 5.

ди имен его корреспондентов особое место занимают Л. А. Дмитриев, Н. Я. Мандельштам, Д. С. Лихачев, Д. Е. Максимов, А. В. Чичерин. Но не меньшую ценность представляют включенные в том послания от В.С. Баевского, Д.Д. Благого, С.Г. Бочарова, Г.А. Бялого, С.С. Гейченко, В.П. Груздева, Н.К. Гудзия, В.В. Гуры, Б.Ф. Егорова, В.А. Ковалева, Б.О. Кормана, М.Ф. Лорие, Ю.В. Манна, В.А. Мануйлова, В.В. Мусатова, Ю.Г. Оксмана, Б.А. Успенского, Ю.В. Шатина, Е.Г. Эткинда и др.

Нам уже приходилось говорить о том, что в контексте истории литературоведения всего XX в. вопрос о составлении библиографического перечня эгодокументов (не только писем, но и дневниковых записей, а главное – мемуаров) стоит особенно остро. В большинстве случаев ушедшие из жизни исследователи (будь то преподаватели или кабинетные ученые) непредставимы для потомков как личности. Их мировоззренческие установки, человеческие поступки и качества быстро стираются из коллективной памяти[5]. В этой связи опубликованные в рецензируемой книге материалы повышают ее значимость сразу в нескольких отношениях.

Через мемуарное и эпистолярное наследие Е.А. Маймина его биография проступает в более объемном человеческом измерении. Прежде всего – как ученого и организатора науки, который на начальном этапе своего исследовательского пути (1950-е – первая половина 1960-х) в тесном общении с Б.М. Эйхенбаумом писал кандидатскую диссертацию «Роман Л.Н. Толстого “Воскресение” (Вопросы художественного метода, стиля и мастерства)» (1954), а спустя десять лет совместно с Н.К. Гудзием издал этот же роман в авторитетной серии «Литературные памятники». Не ограничившись толстоведением, Е.А. Маймин обратился к изучению «забытых» в то время поэтов-любомудров и в 1971-м защитил докторскую диссертацию о философском направлении в русской поэзии 1820–1830-х гг., после чего вместе с Б.Ф. Егоровым и М.И. Медовым подготовил к изданию «Русские ночи» В.Ф. Одоевского для тех же «Литературных памятников» (1975). В 1960–1970-е Е.А. Маймин организует семь Пушкинских конференций, на которые приезжают крупные исследователи со всей страны.

Однако главным своим делом в послевоенные годы сам Е.А. Маймин считал преподавание: «Все другие дела – побочные» (с. 899). Вот почему

[5] См.: *Холиков А.А.* 1) Жанровый потенциал биографии литературоведа // Новый филологический вестник. 2016. № 4 (39); 2) Русский формализм во французском освещении: смена репутаций, академические традиции, контекст // Вопросы литературы. 2016. № 6.

говорить о нем как о педагоге следует едва ли не в первую очередь. С 1950 по 1955 г. Е.А. Маймин преподавал русский язык и литературу в Ломоносовском мореходном училище ВМС, где и познакомился с А.А. Бологовым, тогда курсантом, а в будущем известным прозаиком. С 1957-го – работа в Псковском государственном педагогическом институте (позднее Псковском государственном университете), где с 1965 по 1987 г. Е.А. Маймин возглавлял кафедру литературы. Перед читателем книги все эти сухие анкетные сведения наполняются жизнью. Благодаря мемуарному очерку о Н.Н. Колиберском, простом учителе словесности из Пскова, мы узнаем, как он одним из первых убедил Е.А. Маймина в том, «что для воспитания любви к литературе важны не столько твердые знания и поучительные факты, сколько общая человеческая атмосфера приобщения к литературе» (с. 656–657). А в письмах Д.С. Лихачева – другого его наставника по написанию учебной литературы – открываем для себя, каким способом академик редактировал тексты для школьников: «Дело в том, что, когда человек готовится к экзамену или готовит урок – он отупевает. Со мной в первых классах было состояние такого страха. Поэтому “тупой ученик”, мне кажется, явление распространенное… я стараюсь читать Ваш текст глазами тупицы. Это мой метод: не сердитесь. Хочется достигнуть абсолютно прозрачного текста» (с. 755). И еще одно не менее поучительное замечание: «Не должно быть ничего двусмысленного и никаких литературоведческих (профессиональных) способов выражния мысли» (с. 756). Напомню, что в 1984 г. под редакцией Д.С. Лихачева вышла книга для учащихся 8-го класса «Русская литература», где Е.А. Маймин написал раздел, посвященный русской литературе XIX в.

Свой писательский дар ученый реализовал в художественно-публицистической книге о войне и боевых товарищах «Я их помню: Повесть, рассказы, очерки» (1989), которая вызвала неоднозначную реакцию из-за отсутствия в ней официозно-патриотического пафоса. Но именно эту особенность прозы Е.А. Маймина высоко ценили его частные корреспонденты. «Никогда еще ничьи… повести или романы, – читаем в письме А.В. Чичерина, – не погружали меня так совершенно в атмосферу войны, именно этой последней войны, как написанные Вами… Главное – люди живые и для читателя новые. Такие маленькие рассказы, а незабываемые лица. Какая, в сравнении с этим, мертвечина забивает пухлые страницы “Нового мира” и др. журналов» (с. 792–793).

Е.А. Маймин как друг и товарищ – еще одна запоминающаяся грань его светлой личности. Это поколение особенной судьбы: Л.А. Дмитриев,

М.Г. Качурин, Н.Б. Томашевский, Ю.М. Лотман, Б.Ф. Егоров, Е.С. Колмановский. Через послания к друзьям просвечивают образ жизни самого Е.А. Маймина, его пристрастия и увлечения. Из писем к Л.А. Дмитриеву узнаем о том, что в 1962 г. молодой ученый находился под впечатлением от романа Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол»: «Очень интересно и очень сильно!» (с. 700), – а в 1964-м был увлечен произведениями А.И. Солженицына: «Я его прочитал сразу, и это больше чем хорошо. Это настоящее. Это тот человеческий голос, который мы едва не утеряли в литературе и без которого литературы не может и не должно быть» (с. 701). Отличительной чертой Е.А. Маймина было доброе отношение не только к друзьям, товарищам, университетским учителям и наставникам, но и к «незаметно великим» людям. Показателен в этом отношении мемуарный очерк о Л.А. Творогове, «псковском чудаке», который заведовал древлехранилищем в краеведческом музее и комплектовал фонды по оригинальному методическому принципу: «Библиотека, собранная по владельцам, давала возможность зримо представить себе степень развития псковской культуры, в частности культуры читательской. Принцип собирания, которым пользовался Творогов, был не просто плодотворным, но и едва ли не единственным в нашей стране в его практическом применении. Тем больший научный интерес он представлял» (с. 668).

Как «человек истории» Е.А. Маймин всегда ощущал в себе связь времен. Письма к нему объединили филологов старшего поколения (Д.Д. Благой, Н.К. Гудзий, Д.С. Лихачев, Ю.Г. Оксман и др.) со сверстниками ученого и более молодыми коллегами (В.С. Баевский, С.Г. Бочаров, В.В. Гура, А.М. Гуревич, Б.Ф. Егоров, Б.О. Корман, Ю.В. Манн, В.А. Мануйлов, В.В. Мусатов, А.М. Турков, Б.А. Успенский, Ю.Н. Чумаков, Е.Г. Эткинд и др.). Таким образом, биография Е.А. Маймина – еще и коллективный портрет. Не будет преувеличением сказать, что его жизнеописание – это в свернутом виде история отечественной науки о литературе всего XX в.

Книга содержит редкие мемуарные свидетельства об учителях Е.А. Маймина, среди которых – Б.М. Эйхенбаум, Б.В. Томашевский, Н.И. Мордовченко, Г.А. Бялый, В.Я. Пропп, Б.Д. Греков, В.В. Струве, С.Я. Лурье. Впоследствии сохранившиеся факты наверняка помогут историкам науки постигнуть духовное содержание личности некоторых их этих крупных ученых, узнать их эстетические (а не только научные) пристрастия. Как правило, данному вопросу не уделяется должного внимания. Б.М. Эйхенбаум, например, особенно любил И.С. Баха, Ф.И. Гайдна и М.П. Мусоргского. Из современных – С.С. Прокофьева и Д.Д. Шостаковича: «Слушателем музы-

ки он был страстным, неистовым. Когда звучала музыка, он забывал обо всем и обо всех. Напевал, размахивал руками, дирижировал. Он был весь в движении. Глаза его блестели» (с. 634). Не менее интересно сохранившееся признание Б.В. Томашевского: «А я, знаете ли, современных авторов знаю плохо. Можно сказать, почти не читаю. Из поэтов читаю Анну Андреевну Ахматову, Заболоцкого. С прозаиками у меня еще хуже. Я весь в девятнадцатом веке. Не устаю читать и перечитывать Достоевского» (с. 650).

Вряд ли кого-то оставят равнодушным страницы, отведенные человеческим портретам двух только что упомянутых ученых. С одной стороны – искрометное чувство юмора у Б. М. Эйхенбаума, который драматические события своей жизни комментировал эпиграммой: «Был когда-то я без плеши // И статьи писал как леший. // А теперь большая плешь – // А статьи и книги где ж?» (с. 631), – но при этом расстраивался, когда учительница литературы ставила его внучке за домашние сочинения, написанные при непосредственном участии деда, не выше отметки «удовлетворительно»: «Это всерьез огорчало Бориса Михайловича. Любитель пошутить, он никогда не позволял себе шутить на эту тему» (с. 627). С другой стороны – математическая сухость Томашевского: «…лицо в очках серьезное, чаще всего без улыбки. Лицом он мне напоминал интеллигентного бухгалтера старого закала» (с. 642). «…Борис Викторович, – сказано в мемуарном очерке Е. А. Маймина, – был со всеми на “вы”. На “ты” он позволял себе быть только с одним человеком – с Тыняновым. До тех пор, пока Тынянов не стал писать романы. Обращения Тынянова к романам, вообще к беллетристике Томашевский не одобрил» (с. 645). Но даже в таком строгом и «застегнутом на все пуговицы» ученом мемуарист улавливает признаки «живой жизни» и юмора, с которым Б. В. Томашевский напутствовал Е. А. Маймина перед защитой диссертации: «Вступительное слово не говорите слишком долго <…> Семь-десять минут – и вполне достаточно. Все равно мало кто вас будет слушать. А если станете говорить долго, многие могут на вас рассердиться. Помните, что члены совета – люди в большинстве немолодые. Они легко устают. И все хотят поскорее уйти домой.

Отвечая на замечания рецензентов, не забудьте о вежливости. И не показывайте, что вы умный. Слишком умных члены совета не любят. И некоторые из оппонентов тоже… С некоторыми замечаниями не соглашайтесь, но в основном соглашайтесь. И благодарите. Больше благодарите. Это все любят» (с. 648).

Приметы времени, запечатленные в письмах к Е. А. Маймину, могут представлять не меньший интерес, чем портреты современников. Даже в позднесоветское время, как следует из публикуемых материалов, достойным и порядочным ученым с именем приходилось идти на вынужденные искажения собственных текстов или иные уступки. Говоря об издании «Поэзии и прозы А. Блока» (1975), Д. Е. Максимов признается: «Книга вобрала горы труда, но меня не вполне удовлетворяет. Если бы время позволило и не усталость – могла бы быть лучше и полнее. Из-за объема (весьма превысившего договор) пришлось убрать ценные для читателя очеловечивающие отделы – о Блоке и людях рядом стоящих. И особенно гнетет полуправда многих аспектов, т.е. диспропорция освещения (скажем, вместо соответствующей действительности пропорции 1:2, в книге деформированное 1:10)» (с. 769). Позднее, уже в 1980-е, Д. С. Лихачев также жалуется на издательскую политику: «Сам я сейчас пишу книжку для Детгиза “Письма о добром и прекрасном”. Название придумала редакторша и слишком претенциозное, но название нужно им для планов, утверждений и пр.» (с. 752–753).

На страницах публикуемых писем речь также заходит об интеллектуальных модах того же периода, в истоках которых, как и в причинах мифологизации отдельных ученых, важно разбираться. «Скажите, пожалуйста, – вопрошает А.В. Чичерин в 1984 г., – почему столько народа ссылается на ту или другую строчку Бахтина, как на Святое писание, но никто в таком же восторженном тоне о нем не напишет» (с. 790). Или другой пример. По следам первых Тыняновских чтений, состоявшихся в 1982 г. в Резекне, Ф.П. Федоров делится свежими впечатлениями: «Наконец, меня познакомили с Ю.М. Лотманом. Ю.М. прочитал прекрасный часовой доклад, и мне показалось, что Лотман говорит лучше, чем пишет; доклад был чисто теоретический, но была постоянно почва, которая делала Лотмана Фаустом, в то время как многие его ученики – только вагнеры» (с. 863).

Наконец, в публикуемых эгодокументах содержится материал для обсуждения вопроса о моральном облике литературоведов в период борьбы с так называемым «космополитизмом». Несмотря на известные исследования К.М. Азадовского, Б.Ф. Егорова, А.П. Дружинина, ценность прямых свидетельств, исходящих от непосредственных участников хорошо описанных событий в Ленинградском университете, сохраняется. «Среди тех, на кого нападали, – вспоминает Е.А. Маймин, – выступали немногие. Хорошо помню выступление Жирмунского. Он каялся. Его

пухлое лицо как будто потекло, оно было все в слезах. У меня было такое ощущение, что на моих глазах режут живого человека. Это было очень страшно» (с. 680). Вот признание, оставленное не просто студентом, случайно оказавшимся на собрании, а человеком, который прошел войну, «сам познал… много трудного, был четырежды ранен, воевал на разных фронтах» (с. 674): «Мы, солдаты, воины, глядевшие не раз в глаза смерти, теперь боялись сказать слово» (с. 680).

Будем надеяться, что публикация сохранившихся автобиографических материалов, связанных с именем Е.А. Маймина, не только продолжится, но будет сопровождаться полноценным научно-справочным аппаратом, а также именным указателем, который значительно облегчит работу всем исследователям. Безусловно, заслуживают переиздания и те научные труды, которые не вошли в настоящий том. Прежде всего это книги «Опыты литературного анализа» (1972), «Искусство мыслит образами» (1977), «Эстетика – наука о прекрасном» (1982) и, разумеется, «А. С. Пушкин. Жизнь и творчество» (1981; 3-е изд.: М., 1984), на написание которой Е. А. Маймина в 1978 г. благословил Д. С. Лихачев: «У Вас есть все данные для Пушкина. Все, все, все! Я не предлагаю Вам Лермонтова или Достоевского. Они злые, а Вы добрый, Вы хороший, Вы талантливый» (с. 743).

А. А. Холиков

Сведения об авторе: Холиков Алексей Александрович, докт. филол. наук, доцент кафедры теории литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: aakholikov@gmail.com

Издательство Карлова университета в Праге – филологу

Издательство Карлова университета в Праге (Praha: Nakladatelství Karolinum) выпустило в последние годы несколько сотен изданий, многие из которых вызовут самый горячий интерес у филолога – лингвиста, педагога, культуролога, литературоведа. Речь идет как об оригинальных работах, так и переводных, как о новых исследованиях, так и о переиздании трудов классических.

Например, в переводе Мартина Бенеша вышло классическое исследование Анны Вежбицкой о семантических примитивах (*Wierzbicka A*. Sémantika: elementární a univerzální sémantické jednotky), в переводе Томаша Дубъеды – «Введение в общую фонетику» Майкла Эшби и Джона Мейдмента (*Ashby M., Maidment J*. Úvod do obecné fonetiky), в переводе Мартина Покорного – известная работа Пьера Бурдьё о социально-фрагментированной природе языка (*Bourdieu P*. Co se chce říct mluvením. Ekonomie jazykové směny). В переводе Мартина Веселки издана монография Рода Эллиса о проблемах преподавания иностранного языка в школе (*Ellis R*. Výzkum a pedagogika výuky jazyků), в переводе Яна Хромого – монография Пола Блума об особенностях лингво-когнитивного освоения окружающего мира ребенком (*Bloom P*. Jak se děti učí významu slov), в переводе Алеша Клегра и Катержины Вашку – учебник по общей морфологии для вузов Мартина Хаспельмата и Андреи Симс (*Haspelmath M., Sims A. D*. O čem je morfologie), в переводе Вацлава Яношчика – монография Льва Мановича о влиянии информационных технологий на современную культуру (*Manovich L*. Jazyk nových medií), в переводе Ольги Чаплыгиной – новый взгляд на историю литературы Франко Моретти (*Moretti F*. Grafy, mapy, stromy: Abstraktní modely literární historie)

Была переиздана классическая монография основателя чешской англистики и видного деятеля Пражского лингвистического кружка Вилема Матезиуса (*Mathesius V*. Obsahový rozbor současné angličtiny na základě obecně lingvistickém), опубликована представляющая люблинскую этнолингвистическую школу подборка статей Ежи Бартминьского (*Bartmiń-*

ski J. Jazyk v kontextu kultury), а также подборка статей проблемного характера выдающегося чешского лингвиста Франтишека Чермака (*Čermák F*. Jazyk a slovník: Vybrané lingvistické studie).

С московской этнолингвистической школой Н.И. Толстого, а также с другими российскими этнолингвистическими центрами читателя знакомит монография Яны Бауэровой (*Bauerova J*. Magie slova a textu: N. I. Tolstoj a moskevská etnolingvistická škola).

Под редакцией Марии Гавранковой и Владимира Петкевича издана занимающая почти 800 страниц переписка (581 письмо) основателей и ведущих деятелей Пражского лингвистического кружка. Письма, написанные не на чешском языке, приводятся в оригинале и чешском переводе (*Havránková M., Petkevič V., eds*. Pražská škola v korespondencí: Dopisy z let 1924–1989).

Монография Вацлавы Кеттнеровой рассматривает валентностные трансформации чешских глаголов (*Kettnerová V*. Lexikálně-sémantické konverze ve valenčním slovníku), монография Ленки Окроугликовой – историей попыток фиксирования знакового письма с XVIII в. до наших дней (*Okrouhlíková L*. Notace znakových jazyků).

Книга Владимира Юста, вобравшая в себя опыт многолетних исследований автора, апробированных в лекциях для студентов философского факультета Карлова университета, предлагает анализ различных аспектов мифа о докторе Фаусте (Just VI. Faust jako stav zadlužení. Desetkrát o Faustovi, pokaždé jinak).

Таким же результатом многолетних исследований стала монументальная работа Иржи (Джорджа) Марвана, в которой предлагается вариант теории лингвистической экологии, отличный от ее классического варианта. Центральным понятием книги является понятие «языковой эмпатии», которую «собственник» языка (термин «носитель языка» представляется И. Марвану не вполне удачным) испытывает по отношению к своему языку, а те авторы, в сочинениях которых затрагиваются вопросы, так или иначе с данной «лингвистической эмпатией» связанные, рассматриваются как лингво-экологи или прото-лингво-экологи (например, в качестве первого созданного на территории чешских земель прото-лингво-экологического сочинения интерпретируется «Проглас» Константина-Кирилла). Кроме того, в книге обосновывается оригинальная концепция чешского письменного языка, история которого начинается, по мнению автора, не с XIII в., как принято считать, а с IX, так включает в себя также и то, что традиционно рассматривается как «старославянский пе-

риод чешской книжности». Важное место в концепции И. Марвана занимает «глубинное течение» – предполагаемое воздействие на языковую ситуацию в чешских землях «славянского» языка, эксплицитно не фиксируемое, однако теоретически возможное (*Marvan J.* Jazyk. Jeho český příběh: Prvních tisíc let 800–1800: Malý průvodce cestami české lingvoekologie).

К работам, значимость которых трудно переоценить, безусловно принадлежит и «Грамматика современного чешского языка» (Mluvnice současné češtiny), первый том которой был подготовлен авторским коллективом под руководством Вацлава Цврчека (Václav Cvrček), а второй том – под руководством Ярмилы Паневовой (Jarmila Panevová). В отличие от традиционных грамматических описаний, базирующихся во многом на индивидуальной языковой компетенции аристотелевского «мужа-диалектика» и на его языковой интуиции (особенно в случае с малоупотребительными и маргинальными языковыми явлениями), данная «Грамматика…» основана исключительно на корпусном материале, благо современное развитие информационных технологий многократно превышают возможности лингвиста в «докорпусную эпоху» (напомним, что один только ряд синхронных письменных подкорпусов SYN, входящий в состав Чешского национального корпуса, содержит более двух с половиной миллиардов слов – намного больше, чем даже очень говорливый человек произносит, как нетрудно подсчитать, за всю свою жизнь). Не случайно на обложку первого тома вынесено *Jak se píše a jak se mluví* ‘Как говорят и как пишут’.

Проблемам корпусного анализа чешской морфологии было посвящено и учебное пособие Клары Осолсобе, анализирующие как так называемые corpus based, так и corpus driven подходы (*Osolsobě K.* Česká morfologie a korpusy).

Корпусный материал лег в основу и монографии Петра Чермака и Ольги Надворниковой о не имеющих формального соответствия в чешском языке некоторых испанских, французских, итальянских и португальских глагольных конструкциях (*Čermák P., Nádvorníková O. et al.* Románské jazyky a čeština ve světě paralelních korpusů).

Продолжающая цикл авторских работ по данной тематике учебное пособие Богумила Завадила посвящено исторической фонетике испанского языка (*Zavadil B.* Historia de la lengua española: Introducción a la Etimologia).

Богато иллюстрированное исследование Эвы Стейскаловой посвящено зарождению чешской прессы и первым периодическим изданиям на

чешском языке в конце XVII – первой половине XVIII в. (*Stejskalová E*. Novinová zpravodajství a noviny v Čechách od 17. století do roku 1740).

В монографии Сони Шнейдеровой анализируется дискурс современного медиального текста (*Schneiderová S*. Analýza diskurzu: Teorie a příklady analýzy mediálního textu).

В учебном пособии Иваны Эбеловой рассматриваются особенности чешского и немецкого неоготического рукописного письма в период с начала XVI до начала XX в. Пособие включает в себя 20 образцов чешских и 20 образцов немецких неоготических рукописных текстов, снабженных палеографической транскрипцией и соответствующим комментарием, образцами начертаний букв, рекомендуемых в учебных материалах рассматриваемого исторического периода, а также списком сокращений (*Ebelová I*. Klíč k novověké paleografii).

Проблемам юридического перевода с чешского языка на английский посвящено исследование Марты Хромой (*Chromá M*. Právní překlad v teorii a praxi: Nový občanský zákoník).

Монография Божаны Нишевой рассматривает инновационные процессы в языковой ситуации генетически близких, однако типологически весьма отличных языках – чешском и болгарском (*Niševa B*. Inovační procesy v české a bulharské jazykové situaci).

Коллективная монография о более чем девяностолетней традиции полонистики в Чехии пытается осветить дальнейшие перспективы ее развития в следующих основных направлениях: пражская полонистика, лингвистическая полонистика, литературоведческая полонистика, преподавание польского языка как иностранного, полонистика в центральной Европе (*Benešová M., Zakopalová L., Rusin Dybalska R. et al*. Proměny polonistiky: Tradice a výzvy polonistických studií).

Проблемам преподавания польского языка носителям близкородственных славянских языков посвящено исследование Войцеха Хофманьского (*Hofmański W*. Transfer ujemny a kompetencja językowa: Język polski w nauczaniu Słowian).

Целый ряд изданий был посвящен практическому преподаванию языков. Отметим прежде всего цикл коммуникативно ориентированных пособий Итки Цвейновой (Jitka Cvejnová) по чешскому языку для иностранцев, предназначенных для готовящихся к сдаче сертификационных экзаменов по чешскому языку иностранцев: тома Česky, prosím I, Česky, prosím II и Český, prosím III ориентированы на уровень подготовки A 1, A 2 и B 1 соответственно и построены по единой схеме, в которой усвое-

ние грамматического материала подчинено усвоению материала лексического и страноведческого, при этом каждый том сопровожден столь же объемной «рабочей тетрадью» с закрепляющими упражнениями и аудиодисками, а продуманная система тестов позволяет оценить степень усвоения материала студентом. Дополнительно изданный том Česky, prosím START ориентирован на мигрантов из неблагополучных стран третьего мира с полным отсутствием каких бы то ни было лингводидактических навыков (например, не умеющих читать и писать ни на одном языке, включая собственный). С другой стороны, том Co chcete vědět o České republice, содержащий информацию исторического и культурологического характера, будет весьма полезен иностранцам с уже приличным знанием чешского языка.

Готовящимся к сдаче сертификационных экзаменов по чешскому языку весьма полезными будут и изданные наборы тестов, включающие ключи к ним и аудиоматериалы: *Herciková B., Klimešová Málková P., Pokorná* K. Připravujeme se k certifikované zkoušce z češtiny, úroveň A 2; *Nováková J., Kotková R., Vodíčková K*. Připravujeme se k certifikované zkoušce z češtiny, úroveň B 2.

Учебник каталонского языка Богумила Завадила демонстрирует блестящее сочетание традиционного системно-функционального принципа подачи грамматического и лексического материала изучаемого иностранного языка с принципом лингвокультурологическим. Немалым достоинством учебника является и внимание к диалектной вариативности и социолингвистической ситуации в современной Испании (*Zavadil B*. Mluvnice katalánštiny). Отметим также изданные учебники словенского языка (*Jahić Honzak J*. Slovenščina ni težka) и норвежского языка (*Nefzaoui S., Vrbová J*. Učebnice norštiny), а также учебное пособие по японскому языку (*Kanasugi P., Sachiko K., Labus D., Mamoru M*. Japonská slovesa v příkladech).

Ряд аналитических трудов под общим руководством Веры Ежковой был посвящен проблемам школьного образования в ряде европейских стран – в Российской Федерации (*Ježková V., Walterová E., Abankina T., Abankina I*. Školní vzdělávání v Ruské federaci), в Великобритании (*Ježková V*. Školní vzdělávání ve Velké Británii), в Швеции (*Ježková V., Dvořák D., Greger D., Daun H*. Školní vzdělávání ve Švédsku), в Эстонии (*Ježková V., Krull E., Transbergová K*. Školní vzdělávání v Estonsku).

Исследование Яны Кицлеровой представляет лингвистический анализ стихов раннего Маяковского (*Kitzlerová J*. Od slova k revoluci: Poetický svět raného Majakovského prizmatem lingvistické analýzy).

В новой книге Алеша Гамана собраны его написанные за последние более чем полвека статьи и эссе о трех великанах чешской прозы – Яне Неруде, Карле Чапеке и Милане Кундере (*Haman A*. Tři stálice moderní české prózy: Neruda, Čapek, Kundera). Таким же сборником многолетних работ (в том числе и работ, публикация которых в период так называемой нормализации была невозможно) стала и книга Кветы Сгалловой о чешском стихе (*Sgallová K*. O českém verši).

Проблемам чешской постмодернистской прозы и фиктивных миров посвящено исследование Любомира Долежела (*Doležel L*. Heterocosmica II. Fikční světy postmoderní české prózy), явившееся своего рода продолжением книги, изданной в издательстве Каролинум в 2003 году (Lubomír Doležel. Heterocosmica. Fikce a možné světy).

Монография Питера Батлера анализирует феномен нарративной иронии в прозе чешского декадента Яна Опольского (*Butler P*. Beyond Decadence. Exposing the Narrative Irony in Jan Opolský's Prose).

В монографии Ондржея Гника рассматриваются проблемы преподавания литературы в школе и обосновывается необходимость новых подходов к нему на современном этапе.

Многие из названных выше книг доступны для приобретения на сайте издательства www.karolinum.cz в электронном виде.

А. И. Изотов

Сведения об авторе: Изотов Андрей Иванович, докт. филол. наук, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: a.i.izotov@mail.ru.

Седьмой междисциплинарный семинар «Анализ разговорной русской речи» (АР^3-2017)

20 января 2017 г. на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета при поддержке Санкт-Петербургского института информатики и автоматизации РАН был проведен Седьмой междисциплинарный семинар «Анализ разговорной русской речи» (АР^3-2017), посвященный корпусным исследованиям языков России и автоматическим методам анализа устной речи.

Семинар, на который было представлено 12 докладов, открыл П. А. Скрелин – зав. кафедрой фонетики и методики преподавания иностранных языков СПбГУ. Он рассказал об уже прошедших мероприятиях в рамках АР^3, замысле текущего семинара и научных мероприятиях, планируемых на ближайшее будущее.

Первое слово было предоставлено москвичам С.О. Савчук и О.Н. Ляшевской (ИРЯ РАН; НИУ ВШЭ) для доклада «Устная разговорная речь и способы ее представления в Национальном корпусе русского языка». Отметив, что устная разговорная речь («устная непубличная речь» по терминологии НКРЯ) не выделена в НКРЯ в отдельный корпус, авторы охарактеризовали ее место в существующей структуре устного модуля НКРЯ, включающего три подкорпуса (устный, акцентологический и мультимедийный, или МУРКО), каждый из которых нацелен на решение специфических задач. В устном подкорпусе разговорная речь составляет более 1,3 млн. словоупотреблений, или 11,5%, она снабжена стандартной для НКРЯ метатекстовой, морфологической и семантической разметкой, а также имеет специфическую социологическую аннотацию. И хотя она представлена только в виде транскриптов и не сбалансирована по составу говорящих, пользователь может отобрать для изучения свой подкорпус по интересующим его признакам. В акцентологическом корпусе содержится 250 тыс. словоупотреблений разговорной речи (4,2%), транскрипты могут быть проверены по хранящимся в архиве звуковым файлам. МУРКО дает наиболее полное представление об устной коммуникации, но записи разговорной речи в нем составляют пока

только 12 тыс. словоупотреблений (0,3%). Развитие устного модуля НКРЯ пойдет в основном по линии увеличения доли разговорной речи, собираемой и обрабатываемой по технологии МУРКО. Так как этот способ трудоемок, то предполагается для получения больших, хотя и несовершенных данных организовать подкорпус аудио- и видеоматериалов, собранных нелингвистами, а также использовать при расшифровке результаты работы систем автоматического распознавания речи.

Следующий доклад – «Корпус русской спонтанной речи CoRuSS: состав и структура» – представлял работу большого коллектива из СПбГУ (Т.В. Качковская, Д.А. Кочаров, Н.Б. Вольская, С.О. Тананайко, Л.А. Васильева, В.В. Евдокимова, Т.В. Чукаева, П.А. Скрелин). Данный корпус – это база данных студийных записей спонтанных диалогов разнообразной тематики, снабженных орфографической расшифровкой и просодической аннотацией (программа ELAN). Количество дикторов – 60. 10 мужчин и 10 женщин в каждой из трех возрастных категориях – 16–30, 31–45, 46 и более лет, с высшим образованием (51 человек) студенты (7), абитуриенты (2). Общий объем аннотированного материала составляет 15 часов (из 45 часов общего времени записи). Общее количество лексических слов – 124000, фонетических слов – 83000. Общее количество синтагм – 34000, средняя длина синтагмы – 3,6 лексических слов (2,4 фонетических слов). Дикторы записывались попарно с использованием трех микрофонов (2 – индивидуальные микрофонные гарнитуры и 1 всенаправленный микрофон, расположенный между собеседниками). Корпус может использоваться для исследования интонационных явлений, наблюдаемых в спонтанной речи. Данные о границах синтагм могут использоваться для задач автоматического распознавания речи, данные о границах хезитаций и неречевых явлений – для решения задачи автоматического определения речевых сбоев в речевом потоке.

О ресурсах, созданных группой по изучению детской речи, шла речь в докладе *Е.Е. Ляксо, О.В. Фроловой, А.С. Григорьева, А.В. Куражовой, А. В. Остроухова* (СПбГУ) «Корпуса детской речи «INFANT.RU», «CHILD.RU», «EmoChild.Ru» на материале русского языка». Корпус INFANT.RU содержит вокализации и речь 187 детей от 0 до 3 лет жизни, CHILD.RU содержит образцы спонтанной и читаемой речи детей 4–7 лет, а база данных Emo.Child.Ru содержит записи спонтанной эмоциональной речи детей 4–7 лет. Подчеркнем, что эти корпуса являются первыми на материале русского языка. Собранный в них речевой материал уже используется при проведении междисциплинарных исследований по изучению различных аспектов становления речи и их связи с когнитивным и эмоциональным развитием ребенка.

В докладе *О.Ф. Кривновой, А.В. Архипова, Л.М. Захарова, И.М. Кобозевой* (МГУ) «База данных “Интонация диалога” в Русском интонационном корпусе РИНКО (RINCO)» освещался опыт работы коллектива лингвистов филологического факультета по созданию базы данных «Интонация русского диалога» с применением современных методов функционального исследования интонации и современных средств ее фонетического анализа. Руководителем проекта был С.В. Кодзасов. БД включает реплики трех типов – вопросительные, побудительные и повествовательные. При работе над текстовым составом БД авторы стремились максимально полно покрыть все иллокутивное разнообразие соответствующих реплик. В итоге в БД было введено около 1000 высказываний (порядка 300–400 реплик для каждого из трех типов), отражающих все основные разновидности диалогических реплик (инициирующих и реактивных). Каждая единица базы, соответствующая одной реплике, содержит следующие зоны: а) стандартная орфографическая запись реплики; б) орфографическая запись высказывания с просодической разметкой, позволяющей соотносить акценты и интегральные просодии с компонентами предложения; в) интонационно-акустическая расшифровка акцентов; г) интонационно-акустическая расшифровка фонетических блоков; д) семантико-грамматическая форма, дающая многопараметрическое описание предложения (коммуникативный тип, модальность, грамматическая характеристика и др.). Есть возможность прослушать запись, а также просмотреть график звуковой волны и интонограмму, полученную с помощью программы Speech Analyzer. Первоначально база была реализована в программе MS Access 2000. В настоящее время БД «Интонация русского диалога» преобразована в мультимедийный online-корпус, доступный любому пользователю через Интернет. Для реализации корпуса РИНКО был использован формат мультимедийного разметчика ELAN и серверная платформа LAT, дающая возможность онлайн-просмотра разметки в формате ELAN, прослушивания аудиофайлов и сложного поиска с использованием регулярных выражений.

Н.В. Богданова-Бегларян, Т.Ю. Шерстинова, К.Д. Зайдес (СПбГУ) рассказали о современном состоянии корпуса «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ) и предоставляемых им возможностях многоуровневого анализа русской монологической речи. Корпус строится по разработанной Н.В. Богдановой-Бегларян методике, обеспечивающей его сбалансированность по трем параметрам – лингвистическому (в равной мере представлены разные коммуникативные сценарии: чтение и пересказ сюжетного и несюжетного текста, описание сюжетного и несюжетного изо-

бражения, свободный рассказ на заданную тему), социолингвистическому и психолингвистическому (экстравертность / инровертность и некоторые другие характеристики информантов). Все звукозаписи расшифрованы, снабжены интонационной и паралингвистической разметкой, подвергнуты экспериментальному пунктированию и аннотированы в отношении трех указанных параметров. Проект ориентирован прежде всего на исследование устной спонтанной речи. На базе САТ авторы вводят в научный оборот понятия степени спонтанности и лингвистической мотивированности устного монологического текста и предлагают изучать их в широком междисциплинарном контексте. Среди других направлений исследования – степень вариативности порождаемых текстов в зависимости от визуального или текстового стимула, соотношение первичного текста и его пересказа, корреляция характеристик монолога с социальными и психологическими характеристиками говорящих. Также был дан краткий обзор проблематики уже проведенных разработчиками САТ фонетических, лексических, морфологических, синтаксических и дискурсивных исследований.

Московские лингвисты *С.О. Савчук и А.А. Махова* (ИРЯ РАН) в докладе «Мультимедийный модуль в составе Национального корпуса русского языка: направления развития» охарактеризовали структуру, современное состояние и перспективы развития трех составных частей данного модуля. Мультимедийный корпус (МУРКО), пилотная версия которого разрабатывалась в 2009–2010 гг., уже хорошо известен тем, кто занимается мультимодальным моделированием устного дискурса. Мультимедийный параллельный корпус (МультиПАРК) сочетает в себе свойства мультимедийного и параллельного корпусов и предназначен для сопоставительных исследований. Он состоит из двух независимых зон – русскоязычной, которая позволяет сопоставить разные кино-, теле-, радио- и театральные постановки одной и той же пьесы на русском языке, и англо-русской, позволяющей сопоставить фильмы на английском языке с их дублированными версиями. Наконец, глубоко аннотированный корпус – это часть МУРКО, в которой Е.А. Гришиной – автором идеи создания МУРКО и руководителем проекта – были размечены типы речевых действий и жестикуляция. Мультимедийный модуль НКРЯ будет совершенствоваться за счет расширения этой части корпуса, в частности – разметки речевых действий в научном и политическом дискурсе.

В докладе *К.В. Евграфовой, В.В. Евдокимова, П.А. Скрелина, Т.В. Чукаевой* (СПбГУ). «Речевой корпус для исследования голосовой усталости, связанной с профессиональной нагрузкой» описывается речевой корпус, содержащий образцы речи «профессионалов голоса» (20 испытуемых – 10 мужчин и

10 женщин – преподаватели практической фонетики и лекторы, профессиональные дикторы кино и телевидения, экскурсоводы) до и после голосовой нагрузки. Преподаватели записывались в начале и в конце семичасового рабочего дня, экскурсоводы – до и после проведения трехчасовой экскурсии, профессиональные дикторы – в начале и в конце трехчасового беспрерывного интервью / чтения вслух литературного произведения. Испытуемых просили прочитать фонетически представительный текст (средняя длительность около 4 мин). Термин «голосовая усталость» авторами доклада понимается как «любое негативное изменение качества голоса в результате продолжительной нагрузки, имеющее акустические и перцептивные проявления». Испытуемые заполняли специальную анкету, где оценивали свое состояние (выбор одного из 7 (3 2 1 0 1 2 3) индексов для 30 пар слов-антонимов, оценивающих активность, самочувствие, настроение – метод «многомерного шкалирования»). Интересные результаты были получены при акустическом анализе (с применением программы Praat). Оказалось, что наиболее значимыми параметрами, отражающими изменения голоса, вызванными усталостью, оказались средние значения частоты основного тона, джиттера (отражает изменения частоты основного тона), шиммера (изменения амплитуды сигнала), а также длительности и количества пауз. Интересно, что при усталости возрастает F0 как у мужчин, так и у женщин. Длительность пауз в состоянии утомления увеличивается как в речи мужчин, так и в речи женщин. Количество пауз в состоянии утомления в речи женщин увеличивается по сравнению с речью в норме, а в речи мужчин – уменьшается.

В докладе *Г.Е. Кедровой и Н.В. Анисимова* (МГУ) «О проекте по изучению иноязычного акцента в русской речи инофонов с использованием онлайновой МРТ визуализации артикуляторных органов» рассматривалось применение метода магнитно-резонансной томографии для разработки и внедрения подходов к созданию базы данных, в которой будут отражены особенности межъязыковой интерференции, проявляющиеся в артикуляторной моторике при производстве речи на русском языке носителями других языков, для которых русский язык не является родным.

В докладе *Н.В. Богдановой-Бегларян, Т.Ю. Шерстиновой, О.В. Блиновой и Г.Я. Мартыненко* (СПбГУ) «Корпус “Один речевой день” в исследованиях социолингвистической вариативности русской разговорной речи» было представлено современное состояние этого корпуса (далее ОРД), созданного методом аудиомониторинга всей речевой деятельности информантов и их коммуникантов в течение дня. На сегодняшний день ОРД содержит 1200 часов звукозаписи от 130 информантов (69 мужчин и 61 женщины) в возра-

сте от 18 до 83 лет. Представлены 13 социальных групп, в том числе работники, занятые на производстве, в силовых структурах, в сфере услуг, в экономической сфере, в сфере информационных технологий, в спорте, в образовании и проч., а также неработающие пенсионеры. Возможно разделение информантов на категории по должности (руководители высшего и среднего звена, служащие, рабочие). Материал в ОРД аннотирован по 7 уровням. К обязательным уровням относятся: реплика с ее синтагматическим членением, код говорящего и коммуникативный макроэпизод; к дополнительным – невербальные аудиособытия, качество голоса, фонетический и общий комментарий. Результаты, полученные на базе корпуса ОРД, обобщены в монографии «Современный русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах» под ред. Н.В. Бегларян.

В докладе *О.Н. Морозовой, С.В. Андросовой, М.В. Артемчука* (Амурский государственный университет) «Разработка корпуса звучащей эвенкийской речи» описывается создание корпуса эвенкийской речи (восточного наречия). Речевой корпус включает 2600 изолированных слов в троекратном произнесении, 45 фраз, 25 образцов спонтанной монологической речи, 1 отрывок из героического эпоса. К каждому звуковому файлу прилагается аннотация: для слов: слово, слог, фонема, аллофон; для спонтанной речи: фраза, паузальная группа, слово, слог, фонема, аллофон; для героического эпоса: паузальная группа, слово, слог, фонема, аллофон. Интонационная разметка дается на уровнях либо паузальной группы (для связных текстов), либо слова (для изолированных слов). Для создания информационной системы был выбран язык программирования Rubi, в котором каждая единица информации или языка является объектом.

В докладе *В.В. Евдокимовой, П.А. Скрелина, Т.В. Чукаевой* (СПбГУ) «Автоматический адаптивный фонетический транскриптор для русского языка» описывается автоматический транскриптор, учитывающий вариативность русской речи. Алгоритмы данного транскриптора строятся не только на нормативных прескрипциях, но и включают допустимые варианты. При разработке учитывались такие факторы, как: изолированное произнесение слов / связный текст; «степень спонтанности»; качество гласных после мягких согласных; качество гласных после и перед паузой; ассимиляция в сочетаниях согласных внутри слова и на стыке слов; появление «вставочных» гласных в сочетаниях согласных и другие. Необходимость появления такого адаптивного транскриптора связана прежде всего с автоматической обработкой звучащей речи. С помощью данного инструмента получен уровень

фонетической транскрипции в корпусе русской спонтанной речи CoRuSS (см. выше).

А.Н. Корнев, И. Балчюниене, А.Е. Недоря (Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет; университет Витаутаса Великого) представили доклад «Становление звуко-слоговой структуры у ребенка: новый метод анализа корпусных данных». Доклад посвящен корпусному исследованию становления слоговой структуры у детей. Материалом послужил корпус речи мальчика; записи речи охватывают возраст с 2 лет 4 мес. до 6,5 лет. Для решения задачи создана специальная программа автоматического анализа речевых текстов ПААРТ, позволяющая вычислять частотность слов в корпусе, частотность слов с заданной звуко-слоговой структурой, создавать подкорпуса слов с заданной слоговой структурой, разбивать на слоги, создавать подкорпуса слогов заданного типа с анализом их частотности. Анализ возрастной динамики в распределении разных слоговых конструкций словоформ показал, что доля словоформ с простой слоговой конструкцией (1–3 слога) максимальна, но медленно убывает в исследуемом возрастном диапазоне или остается неизменной. Доля словоформ со сложной структурой незначительно увеличилась. Наиболее заметный прирост отмечался у структур типа СГСГСГ. Были исследованы возрастная динамика распределения словоформ по типам возрастной структуры и возрастная динамика доли типов словоформ с высокой структурной сложностью. Доклад изобиловал данными статистического анализа. Авторы полагают, что использованная методология предоставляет новые возможности для квантитативного анализа фонологической и слоговой структуры речи.

В целом представленные на семинаре доклады убедительно показывают, что междисциплинарный подход к сбору, аннотации и обработке языкового материала способствует увеличению эффективности моделирования речевой деятельности человека, включая и диалог «человек – машина».

Л. М. Захаров, И. М. Кобозева

Сведения об авторах:

Захаров Леонид Михайлович, старший инженер компьютерного центра филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. E-mail: leonid_zakharov@mail.ru;

Кобозева Ирина Михайловна, докт. филол. наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. E-mail: kobozeva@list.ru.

Н.К.Онипенко

Хроника конференции, посвященной 50-летию научной школы Г.А.Золотовой

17 февраля 2017 г. на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась конференция, посвященная 50-летию научной школы Г. А. Золотовой.

Во второй половине 1960-х гг. Галина Александровна Золотова, развивая идеи своего учителя академика В.В. Виноградова, начала поиски «первичного элемента структуры предложения», который позже будет назван синтаксемой. Обосновывая необходимость введения в синтаксические описания понятия минимальной синтаксической единицы, Г.А. Золотова сформулировала основные принципы функционального синтаксиса, который в начале 1990-х гг. перерастет в концепцию коммуникативной грамматики, соединившей системно-грамматическое описание языка и анализ текста. В конце 1990-х выходит в свет «Коммуникативная грамматика русского языка», которая становится основой университетского курса «Грамматика и текст». Авторитет научных идей школы Г.А. Золотовой растет, теория коммуникативной грамматики становится одним из ведущих направлений в современной русистике. В 2003 г. «Коммуникативной грамматике русского языка» будет присуждена Шахматовская премия РАН.

Школа Г.А.Золотовой – активно работающее научное направление, соединяющее лучшие традиции русистики с новейшими достижениями лингвистической науки. На филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова концепция коммуникативной грамматики представлена в лекционных курсах и семинарских занятиях, она стала теоретической основой многих дипломных работ, по ней написаны и защищены в диссертационном совете МГУ кандидатские диссертации. Именно поэтому филологический факультет МГУ стал инициатором проведения чтений, посвященных юбилею школы Г.А. Золотовой.

Программу чтений открыл доклад *М.Ю.Сидоровой* (МГУ имени М.В.Ломоносова) «50 лет научной школы Г.А. Золотовой: всматриваясь в текст, вдумываясь в язык». В докладе были показаны этапы развития научной мысли в рамках школы коммуникативной грамматики: от первых ста-

тей Г.А. Золотовой – к теории синтаксем и синтаксическому полю предложения; от анализа предложения – к анализу текста, от частной лингвистики – к общей лингвистической теории. М.Ю. Сидорова назвала четыре параметра, по которым наблюдается дальнейшее развитие научной школы Г.А. Золотовой: «дальнейшая разработка концепции и исследовательских инструментов», «расширение охвата языкового материала», «рост количества прикладных исследований» применительно к разным научным сферам; «взаимодействие с другими концепциями, теориями, научными школами». Идеи Г.А. Золотовой находят применение в трудах по истории русского языка и в лингвистическом анализе памятников, в онтолингвистике, в преподавании русского языка как неродного. М.Ю. Сидорова представила наиболее интересные исследования последних лет, в которых были применены идеи коммуникативной грамматики.

Программу продолжил доклад руководителя Воронежской школы функциональной грамматики *В.Ю. Копрова* (Воронежский государственный университет) «Синтаксическое учение Г.А. Золотовой в практически ориентированной семантико-функциональной грамматике». В своем докладе В.Ю. Копров показал, как используются синтаксические идеи Г.А. Золотовой в преподавании русского языка как неродного. Внимание Г.А. Золотовой к семантической стороне синтаксических единиц, функционализм ее теории делают синтаксис Г.А. Золотовой востребованным в курсах практически ориентированной грамматики. В.Ю. Копров отметил, что «в семантико-функциональном сопоставительном синтаксисе деление предложений на односоставные и двусоставные обладает минимальной объяснительной силой, и от него целесообразно отказаться», что перекликается с идеей Г.А. Золотовой о принципиальной двусоставности модели предложения. Активно работающим в практически ориентированной грамматике является и принцип изосемии. В.Ю. Копров обратил внимание слушателей на то, что для семантико-функционального синтаксиса особое значение имеет не столько деление слов на части речи, сколько деление частей речи на лексико-грамматические разряды, которые и являются реальной основой компонентного состава семантической структуры предложения. На протяжении 45 лет взгляды представителей Воронежской школы на грамматическую систему языка формировались и корректировались, в том числе под влиянием идей Галины Александровны Золотовой. Представители двух научных школ поддерживают тесные творческие связи: в октябре 2016 г. ученики Г.А. Золотовой выступали с докладами на конференции в ВГУ. В.Ю. Копров выразил надежду, что и в дальнейшем два

научных направления, в основе которых лежит функциональная теория синтаксиса, будут плодотворно сотрудничать.

В докладе *П.А. Леканта* (МГОУ) «Идеи коммуникативной грамматики в преподавании русской лингвистической науки в вузе» было отмечено тесное сотрудничество представителей коммуникативной грамматики с кафедрой русского языка МГОУ (бывшего МОПИ им. Н.К. Крупской). На этой кафедре начинала свою педагогическую деятельность Г. А. Золотова, и молодой П. А. Лекант слушал ее спецкурс и ходил на ее семинары. На этой кафедре преподавала и Н.К. Онипенко. П.А. Лекант обратил внимание на то, что школа Г. А. Золотовой многое взяла из научного творчества академика В. В. Виноградова и что Г. А. Золотова и ее ученики активно развивают идеи В. В. Виноградова, продолжают его традиции на современном этапе развития русистики. Современные программы курса русского языка включают многие идеи, сформулированные в рамках концепции коммуникативной грамматики: три типа модальности, авторизация, два направления осложнения предложения, понятие синтаксемы, рематическая доминанта и понятие коммуникативного регистра речи. В понятии коммуникативного регистра взаимодействуют категории модальности, времени и виноградовская идея «образа автора». Докладчик указал на некоторые недоработки в теории регистров, но отметил, что это работающее понятие и что оно позволяет студентам увидеть структуру художественного текста.

В заключение П.А. Лекант сказал, что залогом успеха любой научной школы является уважительное отношение к лингвистической традиции и что школа Г.А. Золотовой, при всех ее инновациях, отличается уважением к лингвиста-классикам. Школа Г.А. Золотовой соединяет традиции и новаторство, приоритет объекта (прежде всего – художественного текста) и строгость теории.

Н.К. Онипенко (ИРЯ РАН) выступила с докладом «Объекты – термины – идеи – люди (о месте теории коммуникативной грамматики в современной лингвистической науке)». В докладе обсуждались параметры, по которым можно сравнивать современные научные школы и направления. В основу сравнения было положено методологическое противопоставление двух взглядов на действительность: аналитического и синтетического. Это противопоставление в начале 1940-х гг. использовал литературовед П. М. Бицилли для характеристики особенностей художественного мышления А. П. Чехова. То же противопоставление, но в других терминах применила А. Вежбицкая для сравнительной характеристики разных языковых сис-

тем. Она говорила о «подходе в терминах причин и следствий» и «подходе, дающем импрессионистическую картину мира». Концепция коммуникативной грамматики основана на «синтетическом», «дающем феноменологическую картину мира» подходе, который представляет языковую единицу как единство формы, значения и функции; представляет в системе, во взаимосвязях с другими языковыми единицами. Это отличие коммуникативная грамматика наследовала от В.В. Виноградова, которому было присуще «редкое и давно утраченное гуманитарным знанием свойство – видеть все только в связи со всем» (А.П. Чудаков). Наследуя виноградовскую традицию филологического знания, концепция коммуникативной грамматики, в отличие от научных направлений, основанных на аналитическом подходе, соединяет семантику и синтаксис (как на уровне слова, так и на уровне предложения), именную часть грамматической системы и глагольную, системно-языковое описание и анализ текста. Синтетизм проявился не только в идее трехмерности языковой единицы (в отличие от трехаспектности при аналитическом подходе), но прежде всего в функционально-синтаксическом описании системы русских предложений. Популярная сегодня «Лингвистика конструкций», которую принято связывать с именами Ч. Филлмора и А. Голдберг и которая обогатила нас строгой терминологией (но не новыми идеями), на русской почве была разработана Г.А. Золотовой и представлена в ее «Синтаксическом словаре». Именно с идеей семантической и синтаксической цельности конструкции связано утверждение о том, что подлежащее в русском синтаксисе может быть выражено и косвенными падежами, что глагол не всегда определяет структуру предложения, что односоставность нужно рассматривать как особый способ увеличения субъектной перспективы высказывания.

В заключение Н.К. Онипенко сделала вывод о том, что целостность объекта (языковой системы или текста) требует таких научных идей и терминов, которые бы эту целостность утверждали, что не теория должна проецироваться на объект, а объект должен быть стимулом для порождения теории и что концепция коммуникативной грамматики – не догма, не склад лингвистических инструментов-терминов, а живая лингвистическая теория, которая постоянно совершенствуется «в погоне» за сущностью объекта.

Доклад *Ф.И. Панкова* (МГУ имени М.В. Ломоносова) «Концепция изосемии и контекстуальная парадигма русского слова (к вопросу о развитии идей Г.А. Золотовой)» был посвящен введению и обоснованию понятия контекстуальной парадигмы (КП), членами которой являются исходное

слово и его контекстуальные корреляты. Главный признак, объединяющий разные члены КП, – это общность передаваемого ими денотативного содержания. Члены КП лексической единицы представляют собой не случайное образование, а группируются в строгую систему на основе системы парадигм предложения. Исходный член КП – это изосемическое слово, функционирующее в составе изосемической конструкции. Его контекстуальные корреляты – изосемические слова в составе неизосемических конструкций, а также неизосемические слова. КП слова, как и другие парадигмы, может быть полной и дефектной. Причины дефектности КП – предмет дальнейшего рассмотрения, однако очевидно, что они кроются как в ограниченных деривационных возможностях лексемы, так и в условиях контекста. КП слова тесно связана с целым рядом других парадигм: словообразовательной парадигмой лексемы, синтаксической и актуализационной (коммуникативной) парадигмой предложения. Наречие (или слово другого категориального класса) может быть как исходным членом собственной КП, так и членом КП единиц других классов. Понятие КП на уровне слова, в данном случае наречия и глагола, помогает показать трансформационные возможности русского языка в целом. Возможность образования КП может быть отмечена как один из параметров лексикографической атрибуции наречия в функциональном словаре. Очевидно, что в других языках (в частности, в китайском) исходному члену КП будет соответствовать коррелят того же категориального статуса, что и в русском языке, так как изосемические изоморфные конструкции являются лингвистической универсалией, остальная же часть КП может представлять собой национально специфическую область.

В докладе *И.А. Магеррамова* (МПГУ) «Субъектная многоплановость современного медиатекста» было показано, что расширение сферы воздействия, содержания, социально-лингвистических функций современных средств массовой коммуникации, изменение приоритетов и установок в сегодняшней публицистике существенно изменили принципы порождения медиатекстов, а также привели к тому, что медиатексты стали очень личностными. Последнее можно понимать как усиление субъективизации текста, выражающееся в индивидуальной личностной интонации. Журналистское «я» становится не только повсеместно возможным и желательным, но и разнообразным и ярким, поскольку приобретает личностные характеристики. В связи с этим одной из центральных в современной лингвистике остается проблема субъекта речи в текстах различных разновидностей и жанров. С этой точки зрения несомненный интерес представляют

массово-коммуникативные тексты, традиционно определяемые как тексты газетно-публицистического стиля. Осознание определяющей роли человека в языке позволяет применить текстовые подходы для анализа смыслов и отношений как внутри основного корпуса медийного материала, так и при рассмотрении композиции, структуры, семантики и синтаксиса газетного заголовка. Существенное обновление и расширение композиционно-синтаксической парадигмы современного заголовка затронуло сферу лексической семантики и грамматики глаголов, используемых в классических заголовках и подзаголовках газетных (журнальных) статей. Глаголы заголовочного комплекса (микротекста) приобретают дополнительные текстовые функции, вытекающие из их синтаксической позиции в структуре предложения-подзаголовка. Эти глаголы участвуют в формировании **субъектного пространства** собственно текста-заголовка, состоящего из трех участников: **автора** газетного (журнального) текста – журналиста, языковая личность которого полноценно раскрывается при чтении материала, будущего (потенциального) **читателя**, на восприятие которого ориентирован авторский текст, и некоего гипотетического (виртуального) **редактора,** представляющего журналиста-автора при помощи предикатов различной семантики с вторичной речеинформативной функцией и грамматически отвлечённой формой.

Доклад *Е.И. Гордиенко* (РАНХиГС) «Модусная рамка в сценическом тексте: к вопросу о субъекте театральной речи» стал демонстрацией возможностей теории коммуникативной грамматики при анализе современных театральных постановок. Материалом для анализа послужили инсценировки К. Гинкаса, С. Женовача, М. Карбаускиса. История драматургии полна произведений, включающих несколько субъектов и коммуникативных уровней. Хор, Ведущий, Лицо от автора способствуют изображению на сцене (часто одновременно) разных пространственно-временных планов и разных дейктических точек отсчета в репликах сценических нарраторов и персонажей. Настойчивость, с которой появляются такие «посреднические» фигуры в театре, указывает на тот факт, что структура современной театральной коммуникации в значительной степени похожа на структуру коммуникации в повествовательном тексте, что «чистая» драма, исключающая любой элемент, посторонний по отношению к диалогу, где артист и персонаж слиты, образуя единое «драматическое существо», есть только модель, только вариант из структурно равно возможных. Субъектом речи в драматургических текстах может быть не только персонаж, но и актер, и в случае, когда в тексте одного артиста присутствуют разные

точки отсчета, «здесь и сейчас» персонажа и «здесь и сейчас» актера, современника зрителей, может возникнуть та самая «внутренняя диалогизированность монологического текста», которая считается закрепленной за недраматургическими художественными текстами. «Театр-рассказ», где актеры говорят о персонажах в третьем лице, допускает вербализацию всех самых разных модусных рамок – перцептивной, ментальной, волюнтивной, реактивной, речевой. При этом языковое разведение «я» актера и «я» персонажа может сочетаться с принципом психологической игры, актерского «вживания» или «воплощения», при котором актер будет играть персонажа или по крайней мере соотноситься с ним. Такая модель (подобного субъекта Б. Мартен предложил называть «нарактором») сценически отражает литературную фигуру «говорящего в третьем лице», и аналогично тому, как в повествовании «автор часто “видит события” глазами своих персонажей» (Г.А. Золотова), мы скажем, что в театре актер может представлять события с точки зрения своего персонажа. В этих условиях выбор сценического говорящего условно нарративного (от третьего лица, часто в прошедшем времени) текста становится значимым для понимания замысла текста шагом. Особый прием – присвоение каким-либо действующим лицом текста, авторизатором которого в первоисточнике является другой персонаж. Распределяя текст по ролям, инсценировщик показывает, кого он считает субъектом модуса высказывания – реальным или потенциальным. Принцип «театра-рассказа» используется и драматургами. Так, Иван Вырыпаев в финальной версии своей пьесы «Иллюзии» убирает указания на границы нарративных реплик, оставляя список исполнителей только в начале всего текста, тем самым предоставляя режиссерам самим решать, какой отрывок кто будет произносить, и тем – интерпретировать его пьесу. Подводя итоги, докладчица сделала вывод, что применение модели субъектной перспективы текста к театральным произведениям способствует пониманию их коммуникативной структуры и может быть одним из направлений исследований драматургического текста.

В.Е. Чумирина (МГУ имени М.В. Ломоносова) в докладе «Воплощение авторской тактики в рамках репродуктивного регистра фон и сюжет, перцептивность и акциональность» проанализировала два художественных произведения: повесть В.В. Набокова «Король, дама, валет» и повесть А.С. Пушкина «Метель». Докладчик использовал метод сравнительного анализа фрагментов репродуктивного регистра. В повести В.В. Набокова рассматривались способы моделирования пространства, обусловленные перцептивной доминантой, различающейся у каждого из трех героев. Бы-

ло показано, что особенности видения мира и соответственно выстраивание репродуктивного фрагмента предсказывают судьбу каждого героя и развязку сюжета. Другой тип сравнения репродуктивных фрагментов был предложен для интерпретации повести «Метель». Были взяты два описания метели: актуальное, обусловленное точкой зрения Владимира, и рассказ Бурмина, где временная и пространственная ориентация задана удаленной от событий точкой зрения. При сравнении внимание было обращено на функции видо-временных форм глагола, на роль лексических показателей времени. В сцене метели, проживаемой Владимиром, время безнадежно растянуто, нет поступательного движения вперед. Если же время и убыстряется, то сюжет вновь возвращается к исходной точке. Все это выражается в преобладании имперфективов, появление аористивов при описании перемещения героя, оказывающихся на контрастном стыке с повторяющимися темпоральными показателями и вновь появляющимися процессуальными имперфективами, только усиливает имперфективную доминанту. Языковые средства, выбранные Пушкиным для организации этого фрагмента, создают пространство и время, которые противостоят воле героя. Рассказ Бурмина, наоборот, построен на преобладании аористивов, движущих время вперед и развивающих сюжет. В первом репродуктивном композитиве есть воля героя к достижению цели и движению, но нет движения как такового, во втором – нет воли персонажа, но есть движение. Эти различия также предсказывают сюжетную развязку – счастливую для одного героя и несчастливую для другого. Связь между тактикой построения репродуктивного фрагмента и тактикой всего произведения была доказана и в результате лингво-психологического эксперимента. В группе неносителей русского языка, не знакомых с повестью, был проведен анализ видо-временных форм этих фрагментов, в результате которого иностранные учащиеся пришли к предположению, что исход пути Владимира не будет благополучным, а дорога Бурмина, в которую он пустился, повинуясь неясному чувству, приведет к счастливому концу, что соответствует действительной развязке произведения. Это позволяет сделать вывод, что анализ тактики организации репродуктивных фрагментов может привести к пониманию авторского замысла.

В докладе *Н.Ю. Муравьевой* (РГГУ) «Категория перцептивности в русском языке: система и взаимодействие лексических и грамматических средств» были представлены системы лексических и грамматических средств выражения категории перцептивности. Отмечена возможность градуирования лексических единиц в зависимости от наличия / отсутст-

вия перцептивной семы в а) лексическом значении, б) пресуппозиции, в) контекстном окружении слова. Грамматические средства охарактеризованы как несамостоятельные: усиливающие созданную лексически перцептивность контекста, функционирующие лишь при определенном лексическом наполнении и потому не поддающиеся как градуированию, так и поиску по формальным критериям. Основные принципы взаимодействия лексики и грамматики в перцептивном фрагменте текста связаны с 1) обратно пропорциональной зависимостью в количественном соотношении лексических и грамматических средств, 2) регулярностью возникновения переносных контекстных значений конкретной («перцептивно нейтральной») лексики в фрагментах, не маркированных грамматически, 3) возможностью предложить типологию контекстных (не отмеченных в словаре) значений конкретных лексем в репродуктивном типе текста. Сравнительный анализ переводов фрагмента текста на разные языки позволил доказать наличие языковой (не только логической) природы анализируемых контекстных смыслов.

Доклад И.В. Касмарской (МГЛУ) «Еще раз об односоставных предложениях» вернул внимание слушателей к традиционной синтаксической проблеме структуры простого предложения. Интерес автора был сосредоточен на семантике и функциях односоставных предложений – особенно безличных, которые оказались в центре внимания исследователей русского национального характера. Безличные предложения часто приводятся как неопровержимое доказательство определенных черт русской ментальности: неконтролируемости действий и намерений, склонности к пассивности, нежелания брать на себя ответственность и под. Обилие безличных предложений позволяет А. Вежбицкой сделать вывод о том, «что русский язык отражает и всячески поощряет преобладающую в русской культурной традиции тенденцию рассматривать мир как совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому уразумению». Докладчица выразила несогласие с мнением А. Вежбицкой, поскольку синтаксическая безличность как категория имеет выражение во многих языках, в частности в болгарском, немецком и итальянском. Безличные конструкции в болгарском языке распространены очень широко, а некоторые из них значительно превосходят по употребительности аналогичные русские. В немецком языке безличность выражается многочисленными и самыми разнообразными средствами. При этом наличие в предложении формального подлежащего реализует лишь морфосинтаксические «потребности» немецкого предложения. В заключение И.В. Касмарская

сделала вывод о том, что межъязыковые различия в составе безличных конструкций, формах их выражения и их продуктивности объясняются исключительно историческими изменениями и типологическими особенностями языков, а не различиями в менталитете говорящих на этих языках.

В докладе *В.С. Савельева* (МГУ имени М.В. Ломоносова) «Древнерусские речевые тактики: косвенные речевые акты в речи персонажей Повести временных лет» были рассмотрены случаи употребления косвенных речевых актов в качестве иллокутивно монофункциональных высказываний в прямой речи летописных героев. Были проанализированы высказывания, обладающие различной коммуникативной формой, и установлены следующие закономерности их употребления в древнерусском тексте: 1) семантика невопросительных монофункциональных косвенных речевых актов связана прежде всего с выражением непрямых видо-временных значений глагольных форм (например, *Не оружьем сябьеве, но борьбою = Давай не оружьем биться, а бороться*), 2) в подавляющем большинстве случаев семантика вопросительных монофункциональных косвенных речевых актов сводится к утверждению некоторого оценочного суждения, при этом в структуре пропозиции семантический оператор отрицания меняется на семантический оператор утверждения, и наоборот (например, *Аще ти не жаль отчины своея<…>? = Пожалей свою отчину <…>!* и *По что вы распрю имата межи собою, а поганиигубять землю Рускую? = Нельзя вам ссориться, пока язычники губят Русскую землю*), 3) в вопросительных высказываниях с количественными местоименными словами в случае определения количества положительно оцениваемого объекта имеется в виду его недостаточность, и наоборот (например, *Что еси бес печали пожил на свете сем <…>? = Мало времени без печалей пожил ты на этом свете<…>* и *Видиши ли, колико зло створишарусь греком? = Посмотри, как много зла русские сотворили грекам*). Описанные в докладе типы монофункциональных косвенных речевых актов характерны и для современного дискурса, в связи с чем был сделан вывод об их традиционном характере.

Доклад *О.Ю. Дементьевой* (МГУ имени М.В. Ломсоносова) «Синтаксическое поле предложения и практика преподавания РКИ» был посвящен возможностям использования понятия синтаксического поля предложения в теории и практике преподавания русского языка как иностранного. В частности, данное понятие является не только инструментом систематизации русских синтаксических моделей, но и основой для их лингводидактического представления, так как позволяет выделить базовые изосемические модели и их различные модификации, определить последователь-

ность их изучения, активное или пассивное усвоение. Особое внимание уделено проблемам, связанным с изучением некоторых структурно-семантических и экспрессивно-коммуникативных модификаций в иноязычной аудитории.

В докладе *Ю.В. Роговневой* (ГИРЯ имени А.С. Пушкина) «Состав модели предложения и его актуальное членение» был предложен анализ предикативных единиц, входящих в состав нефикциональных репродуктивно-описательных текстов. На примере моделей с типовым значением качества лица (*Светлые волосы; Волосы светлые*) и ориентации предмета в пространстве (*Телефон лежит на столе; На столе лежит телефон*) показано, что традиционное членение предложений на грамматический субъект и грамматический предикат, с одной стороны, не всегда применимо к текстам, созданным с опорой на конкретную ситуацию, а с другой – не приближает исследователя к раскрытию стратегии говорящего, который еще на предтекстовом уровне разделяет воспринимаемую действительность на «данное» и «новое» в соответствии с коммуникативной задачей. Именно такое деление действительности находит отражение в создаваемом говорящим нефикциональном тексте.

Завершали конференцию три доклада, в которых идеи коммуникативной грамматики применялись к анализу переводческой деятельности. В докладе «Методология компаративных функциональных исследований оригинальных и переводных текстов» *А. В. Уржа* (МГУ имени М. В. Ломоносова) обратилась к истории сопоставительных исследований оригиналов и переводов. Компаративный анализ текстов и раньше являлся сферой апробации новых лингвистических идей, но за последние 20 лет исследования переводов включили в свой понятийно-методологический инструментарий представление об изосемии / неизосемии, о текстовых функциях предикатов, о критериях эквивалентного преобразования полипредикативных конструкций, о коммуникативных регистрах, о субъектной перспективе текста и мн. др. Функциональный компаративный анализ переводных текстов позволил охарактеризовать конкурирующие тактики переводчиков, выявить ранее не обнаруженные особенности языкового устройства оригинальных текстов. В заключение А.В. Уржа представила сборник научных работ участников исследовательского семинара «Текст в зеркалах интерпретаций», подготовленный специально к научным чтениям, посвященным 50-летию школы Г. А. Золотовой.

В докладе *В.А. Немковой* (МГУ имени М.В. Ломоносова) «Перфективная функция глагольных форм в русской прозе конца XX века и ее интер-

претация в английских переводах» был предложен сопоставительный анализ текстов В. Маканина, А. и Б. Стругацких, Л. Петрушевской и их английских переводов с точки зрения использования глаголов в перфективной функции на фоне повествования в настоящем историческом. Видо-временные формы глагола в указанной функции позволяют писателю расставить акценты на сюжетно значимых событиях, организовать регистровые блоки и подключить читателя к позиции наблюдателя. Различные интерпретации перфективной функции в переводах влекут за собой изменения в текстовой ткани повествования, в течении сюжетного времени и его восприятии читателем. Использование тех или иных функциональных эквивалентов глаголов в перфективной функции в переводе может также служить маркером регистрового шва, активизировать позицию наблюдателя, представив события как неожиданные для него и читателя, а также противопоставлять точки зрения разных персонажей.

Доклад *Г. А. Филатовой* (МГУ имени М. В. Ломоносова) «Функциональный комплекс апелляций к читателю как объект переводческой интерпретации» был посвящен комплексу лингвистических средств, объединенных эксплицированной апеллятивной функцией. Материалом исследования стал роман Р. Желязны «Ночь в тоскливом октябре» и его русские переводы. Ядро апелляций к читателю составляют обращения, однако аналогичное воздействие может осуществляться и другими грамматическими и семантическими средствами, а также графическим выделением. В докладе были охарактеризованы различные типы подобных апелляций и проанализированы способы их реализации в переводных текстах.

Н. К. Онипенко

Сведения об авторе: Онипенко Надежда Константиновна, канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник отдела современного русского языка Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН. E-mail: onipenko_n@mail.ru.

Ольга Алексеевна Крылова (1937–2016)

29 декабря 2016 г. скончалась Ольга Алексеевна Крылова – профессор кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов, действительный член Международной академии наук педагогического образования (МАНПО), академик Российской академии естественных наук (РАЕН), известный специалист в области синтаксиса современного русского литературного языка, стилистики русского языка и культуры речи.

Ольга Алексеевна Крылова родилась 10 марта 1937 г. в Москве. В 1959 г. она с отличием окончила Московский городской педагогический институт имени В.П. Потемкина – вуз, в котором в разное время преподавали такие выдающиеся лингвисты, как Р.И. Аванесов, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, П.С. Кузнецов, С.И. Ожегов, А.А. Реформатский, А.М. Селищев, В.Н. Сидоров и А.М. Сухотин. В 1964 г. О.А. Крылова окончила аспирантуру Московского государственного педагогического института имени В.И. Ленина (с ним в 1960 г. был слит институт имени В.П. Потемкина) и успешно защитила кандидатскую диссертацию о закономерностях порядка слов в сложном предложении. После защиты диссертации О.А. Крылова начала преподавать в Российском университете дружбы народов – вузе, с которым до конца жизни была связана ее профессиональная деятельность.

Если попытаться коротко охарактеризовать особенности научного творчества О.А. Крыловой, то следовало бы в первую очередь отметить стройность и детальную продуманность ее научной концепции. Эту стройность наглядно отражает строгая логичность изложения, свойственная всем книгам и статьям, написанным Ольгой Алексеевной, четкость и убедительность ее лекций для студентов, докладов на научных конференциях, выступлений на заседаниях диссертационных советов.

Вторая особенность О.А. Крыловой как ученого – ее пристальное внимание к спорным и нерешенным вопросам современной лингвистики, стремление дать на каждый из них подробные и аргументированные ответы. Не случайно с самого начала научной деятельности Ольги Алексеевны в центре ее внимания находились сложные вопросы теории коммуникативного синтаксиса, в том числе закономерности актуального членения сложного предложения. Именно коммуникативному синтаксису были посвящены сначала кандидатская, а затем и докторская диссертация О.А. Крыловой. Не случайно и то, что О.А. Крылова стала одним из первых отечественных русистов, обратившихся к исследованию церковно-религиозного стиля современного русского языка, существование которого в советское время по вполне понятным причинам игнорировалось. Вполне закономерно появление в разное время таких полемических статей О.А. Крыловой, как «О некоторых принципах построения описательного синтаксиса современного русского языка» (1968), «Детерминанты в аспекте коммуникативного синтаксиса» (1976), «Спорные вопросы актуального синтаксиса» (1980), «Понятие нерасчлененного высказывания» (1983), «Еще раз о месте языка художественной литературы в системе функциональных стилей русского языка» (2004).

Символично, что последняя из вышедших при жизни Ольги Алексеевны работ – это написанное ею в соавторстве с учениками новаторское учебное пособие для студентов «Синтаксические сюжеты», имеющее примечательный подзаголовок «Спорные и нерешенные вопросы русского синтаксиса» (2016).

И еще об одной важной особенности научного творчества О.А. Крыловой необходимо сказать. Все то новое, что было внесено Ольгой Алексеевной в науку о языке, неизменно получало отражение не только в ее научных статьях и монографиях, но и в учебниках и учебных пособиях, в том числе и тех, которые адресованы иностранным русистам. Неизменно высокую оценку у преподавателей и студентов получают такие учебные книги О.А. Крыловой, как «Порядок слов в русском языке» (1-е изд.: 1976; совместно с С.А. Хаврониной), «Основы функциональной стилистики русского языка (Пособие для филологов-иностранцев)» (1979), «Обучение иностранцев порядку слов в русском языке» (1989; совместно с С. А. Хаврониной), «Современный русский язык: Теоретический курс. Синтаксис, Пунктуация» (1-е изд.: 1997; совместно с Л.Ю. Максимовым и Е.Н. Ширяевым), «Лингвистическая стилистика» (в 2-х кн.; 1-е изд.: 2006), «Порядок слов в русском языке: лингводидактический аспект» (2015; совместно с С.А. Хаврониной). Многие из перечисленных книг впоследствии переиздавались, другие, к сожалению, пока еще являются библиографической редкостью.

Незаурядный ученый, пользовавший огромным авторитетом в научном сообществе, О.А. Крылова активно сотрудничала с синтаксистами кафедры русского языка филологического факультета МГУ, в частности с В.А. Белошапковой.

О.А. Крылова была не только крупным филологом и талантливым преподавателем, но и яркой личностью, человеком, неравнодушным ко всему, что происходит в науке и в жизни. Все, кому посчастливилось знать Ольгу Алексеевну, хорошо помнят ее яркие выступления в дискуссиях на заседаниях диссертационных советов (в том числе совета по русскому и славянскому языкознанию в МГУ, где она неоднократно выступала оппонентом или была составителем внешних отзывов) и на научных конференциях. О.А. Крылова давала четкие и аргументированные, не всегда комплиментарные, но неизменно доброжелательные оценки работам коллег. Лингвистика и пути ее развития, настоящее и будущее российской высшей школы, проблемы научной принципиальности и добросовестности были неизменной темой ее бесед и при личных встречах с коллегами и учениками. Ольга Алексеевна была человеком широкого круга интересов, она много читала, любила театр и классическую музыку, была внимательна и неравнодушна к людям и их проблемам.

Под научным руководством О.А. Крыловой было защищено 19 кандидатских и 2 докторских диссертации. Однако учениками Ольги Алексеевны по праву могут считать себя не только ее бывшие аспиранты и докторанты, не только ее младшие коллеги и те многочисленные студенты, которым посчастливилось слушать ее лекции, но и все люди, которые учились или еще будут учиться по ее книгам.

Светлая память об Ольге Алексеевне надолго сохранится в сердцах ее коллег и учеников и в истории отечественной лингвистики.

М. Ю. Федосюк

Сведения об авторе: Федосюк Михаил Юрьевич, докт. филол. наук, профессор кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: m.fedosyuk@yandex.ru.